

Г. М. Керт

Применение
компьютерных
технологий
в исследовании топонимии
(прибалтийско-финская, русская)

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Г. М. Керт

**ПРИМЕНЕНИЕ
КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ИССЛЕДОВАНИИ ТОПОНИМИИ
(ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКАЯ, РУССКАЯ)**

Петрозаводск
2002

УДК 801.311 (=945) (=82):681.3

ББК 81.1

К36

Керт Г. М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. — 187 с.: табл. 2 (вкладка), прил. 2. Библиогр. 126 назв.

В книге изложены основные признаки топонима, его отличия от имени нарицательного. Разработана структура описания базы данных прибалтийско-финской, саамской и русской топонимии для ввода ее в компьютер, хранения и многоцелевого использования.

Редактор М. В. Горбаневский, доктор филологических наук

*Издание получило поддержку Российского гуманитарного
научного фонда и Правительства Республики Карелия*

ISBN 5-9274-0072-8

© Г. М. Керт, 2002

© Карельский научный центр РАН, 2002

Содержание

Предисловие	4
Введение	6
Из истории исследования языков структурными методами	6
Значение топонимии	12
Специфика топонима как лексической единицы	19
Принципы формализации	33
I. Структура и семантика саамских топонимов	44
Вводные замечания	44
Структура описания топонимии	46
Выборки по структуре и семантике	56
II. Структура описания прибалтийско-финской и саамской топонимии	69
Предварительные замечания	69
Структура прибалтийско-финской и саамской топонимии	
(морфолого-синтаксическая часть)	76
Семантика компонентов топонимов	90
III. Структура описания русской топонимии	98
Вводные замечания	98
Структура русской топонимии (морфолого-синтаксическая	
часть)	101
Семантика компонентов топонимов	119
IV. Общие задачи исследования	123
Summary	126
Литература	137
Сокращения	144
Приложение 1. Алфавитный регистр саамской топонимной лексики	145
Приложение 2. Алфавитный регистр понятий на русском языке	
саамской топонимной лексики	168

Предисловие

Возрастающий интерес к исследованию топонимии объясняется в первую очередь специфическими особенностями этого класса лексики. В современном информационном обществе усиливается роль и значение топонимов — идентификаторов географических объектов — как точных ориентиров в пространстве. Формировавшаяся веками топонимия представляет собой мощный пласт культуры, отражающий менталитет народа. Разительные отличия топонима от апеллятива, проявляющиеся в их функциях, структуре топонима, семантике составляющих их компонентов, всегда были предметом неподдельного интереса ученых. Наконец, топонимия обладает значительными разрешительными возможностями при исследовании проблем происхождения, истории того или иного этноса.

Собственно, топонимика, вышедшая из краеведения, как наука на первоначальном этапе занималась в основном этимологизацией. Лишь впоследствии предметом этой науки стало выявление семантических, грамматических, функциональных и территориальных особенностей топонимов.

Значение топонимии в решении этногенетических проблем общеизвестно. Именно благодаря топонимии определены ареалы былого расселения индоевропейских и уральских народов. Топонимы убедительно засвидетельствовали наличие финно-угорского субстрата на Европейском Севере России. Вместе с тем использование топонимии традиционным способом в исследовании этногенетических проблем начинает себя исчерпывать. При сравнении субстратных топонимов с апеллятивной лексикой «живых» языков по принципу «похожести» используется лишь незначительная часть лексики этих языков. Огромный массив субсубстратной лексики (например, субстрата субстратной уральской топонимии на Европейском Севере России) остается невостребованным, т. е. не вовлеченным в орбиту исследования. Между тем он в такой же степени, как и идентифицируемая топонимия, является проявлением духовной деятельности человека, а значит, должен быть вовлечен в исследования. Далее, объем топонимии, используемой в научных исследованиях, увеличивается

лавинообразно. Человек не справляется с осмыслением этого огромного материала. Назрела настоятельная необходимость использования вычислительной техники в исследовании топонимии. Компьютеры позволяют компактно и надежно хранить и обрабатывать по заданным параметрам огромное количество топонимов. Работа с компьютером наилучшим образом способствует выполнению основных задач научного исследования, т. е. сбору, накоплению, хранению, обработке, анализу и передаче информации.

В монографии предпринята попытка создания структуры описания прибалтийско-финской и русской топонимии, учитывающей морфолого-синтаксические особенности топонимов, семантику их компонентов, а также функциональную специфику топонимов.

Отдельные положения данной работы проходили апробацию на различных заседаниях, конференциях и пр.: Ученый совет Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) (1988), Научно-исследовательский центр языков Финляндии (1991), «Энциклопедия российских деревень» (1993, 1994), 18-й Международный конгресс по ономастике (1993).

В 1995 году Министерство науки и технической политики Российской Федерации утвердило для Карельского научного центра (КарНЦ) РАН тему «Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России» (1995—1998) с участием лингвистов (сектор языкознания ИЯЛИ) и математиков (лаборатория информационных компьютерных технологий Института прикладных математических исследований — ИПМИ). Сотрудничество оказалось плодотворным при решении многих вопросов по структуре описания топонимов.

В 1998 году на заседании Президиума КарНЦ РАН был заслушан и одобрен совместный доклад лингвистов и математиков «Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России. TORIS».

Автор благодарит сотрудников сектора языкознания ИЯЛИ, советы и замечания которых способствовали устранению досадных промахов и улучшению рукописи.

Автор признателен сотрудникам лаборатории информационных компьютерных технологий ИПМИ за существенную помощь в освоении компьютерных технологий и математическое упорядочение огромного массива топонимического материала, выразившееся в создании структуры описания базы данных прибалтийско-финской и русской топонимии.

Смеем надеяться, что работа вызовет интерес тех, кто занимается компьютеризацией топонимии.

Введение

Из истории исследования языков структурными методами

В конце 50—60-х годов в советском языкознании, как, впрочем, и в зарубежном, в исследовании языков интенсивно начали применяться структурные методы. Уже в начале 60-х годов с завидной последовательностью появляются солидные сборники по проблемам структурной лингвистики (Структурно-типологические исследования, 1962; Проблемы структурной лингвистики, 1963; Исследования по структурной типологии, 1963; Структурная типология языков, 1966 и др.).

Такой повышенный интерес к структурно-типологическим исследованиям в советском языкознании был обусловлен прежде всего особенностями развития советской науки. В условиях принудительного единства советской идеологии в советском языкознании длительное время господствовала теория «нового учения о языке» Н. Марра. Основным постулатом этой теории был примат семантики языка над его формой — структурой. В советском языкознании даже фигурировало ставшее бранным слово «формалист», которое «приклеивали» ученому, отдающему предпочтение в своих исследованиях формам языка.

Отметим, что противопоставление формы и семантики при изучении языка прослеживается достаточно хорошо и в истории общего языкознания. Уже со времен греческой школы грамматиков намечается водораздел формальной и семантической (или логической) школ исследователей. Наиболее характерным представителем формальной школы греческих грамматиков был Аполлоний Дискол (вторая половина II века после Р. Х.), приведший факты языка в грамматическую систему. Представителями логического направления в грамматике считаются греческие философы Платон и Аристотель. В российском языкознании наиболее последовательно идеи примата формы в языке проводил выдающийся лингвист, создатель «Московской лингвистической школы» академик Ф. Ф. Фортунатов. В своей работе «Сравнительное языковедение

(общий курс)» он создал цельную концепцию языка, определив основные элементы языка как совокупности материальных знаков: фонема, морфема, слово, словосочетание, предложение.

Вторым важным фактором оживления структурных исследований в языке стало бурное развитие кибернетики, а вместе с ней и вычислительной техники. 7 января 1954 года в Нью-Йорке в конторе фирмы IBM была проведена первая публичная демонстрация перевода с русского языка на английский при помощи электронной вычислительной машины «IBM-701». До этого почти 15 лет ученые (математики, лингвисты, инженеры) работали над созданием алгоритма машинного перевода. По существу, это был качественный прорыв в освоении человеком окружающего мира. Создание электронно-счетных машин Джон Бернал назвал самым великим достижением в истории человечества. Звуковой язык выделил человека из животного мира. Письмо позволило закрепить память, а вместе с ней и мысль человека для потомков. Теперь электронно-счетные машины и их коды позволяют материально воплотить человеческую мысль в совершенно новые формы и в определенной степени заменить язык. Современные машины в мгновение позволяют обрабатывать огромное количество информации, освобождая тем самым человека от изнурительного однообразного труда.

Преддверие интеллектуального «чуда» — перевод текстов с одного языка на другой с помощью машины — породило неподдельную заинтересованность ученых-лингвистов в использовании компьютеров. В университетах, академических и других научных учреждениях страны интенсивно обсуждаются проблемы математической лингвистики. В обсуждении этих вопросов активно участвуют признанные авторитеты отечественного языкознания: П. С. Кузнецов, М. И. Стеблин-Каменский, В. А. Артемов, В. В. Иванов, Г. В. Колшанский, В. Н. Топоров, С. К. Шаумян, А. А. Реформатский, В. Шеворошкин, Н. Д. Андреев, И. А. Мельчук, И. И. Ревзин и многие другие. Разрабатываются алгоритмы машинного перевода по многим языкам: с русского на английский (Е. В. Падучева, З. М. Волоцкая, Л. Н. Засорина и др.), с английского на русский (Т. Н. Молошная, Т. Л. Гаврилова, Е. В. Падучева и др.), с французского на русский (О. С. Кулагина, В. А. Аграев, Г. В. Чекова), с немецкого на русский (С. С. Белокриницкая), с японского на русский (М. Б. Ефимов), с норвежского на русский (В. П. Берков), с индонезийского на русский (Н. Д. Андреев), с хинди на русский (Т. Е. Катенина) и т. д.

В 1958 году в Москве под редакцией А. А. Ляпунова начало выходить периодическое издание «Проблемы кибернетики». (В 1984 году с выпуском 41 издание прекращается и взамен выходит серия

«Кибернетика и вычислительная техника».) В этом издании регулярно печатаются статьи по проблемам математической лингвистики.

Появляются сборники переводов по автоматизации в лингвистике и машинному переводу (Машинный перевод, 1957; Автоматизация в лингвистике, 1966; Автоматический перевод, 1971). Для интересующихся автоматическим переводом более углубленно следует отметить библиографию, составленную И. Мельчуком и Р. Равичем (1967), насчитывающую около 1500 названий, а также библиографию Р. Равича в сборнике «Автоматический перевод» (1971).

Несомненно, требования автоматического перевода существенно повысили культуру морфологического, синтаксического и лексического анализа языка. Поскольку для машины неприемлемо двойное толкование грамматической категории, ее определение должно быть однозначным. Нет необходимости говорить о всех нюансах составления алгоритма перевода, поскольку в каждом языке они носят конкретный характер. Об этих трудностях, например, в анализе морфологии русского языка хорошо сказано в статье И. А. Мельчука «Морфологический анализ при машинном переводе (преимущественно на материале русского языка)» (1961).

Обсуждение проблем машинного перевода и, в частности, составления алгоритмов переводов значительно расширило наши знания о естественных языках, особенностях их структуры и семантики.

Вместе с тем опыт работы над машинным переводом со всей очевидностью показал, что ни один алгоритм живого, естественного языка не может охватить всего многообразия человеческой речи не только потому, что существует огромная разница между человеком и машиной. Человек мыслит понятиями, в то время как машина оперирует «значимостями», лишенными обобщающей силы, не говоря уже об огромном социальном и биологическом опыте человека. Первоначальная эйфория сиюминутного успеха сменилась трезвым расчетом извлечения действительных возможностей электронных машин. Трудности осуществления машинного перевода ни в коей степени не отбросили саму идею использования ЭВМ в лингвистике.

В русистике применение ЭВМ стало осуществляться в создании терминологического банка данных (Лингвистическая концепция..., 1989), а также в создании машинного фонда русского языка (Труды машинного фонда русского языка, 1991).

Новое направление в русистике по использованию компьютерной техники было предложено М. В. Горбаневским. Совместно с В. В. Пресновым им была разработана концепция «Многоцелевого компьютерного топонимического словаря г. Москвы» (Горбаневский,

Преснов, 1993; Горбаневский, 1994). Структура базы данных (соответственно и структура словарной статьи) состоит из пяти основных информационно-тематических блоков-уровней: адресного, хронологического, этимологического, историко-культурного и нормативного. Безусловно, эти исследования будут иметь существенное значение не только в разработке принципов формализации топонимического материала и, в частности, его специфической части — городской топонимии. Предлагаемый словарь является наиболее полной инвентаризацией, упорядоченным сводом топонимикона г. Москвы, который дает прекрасную возможность исследования городской топонимии по многим важным параметрам (структура и образование топонимов, мотивация, функционирование и пр.).

В финно-угорском языкознании к настоящему времени складывается устойчивая традиция описания языков формализованными методами и применения вычислительной техники в лингвистических исследованиях. В этой связи необходимо прежде всего отметить проект «Диалектология Уралика», выдвинутый В. Феенкером (*Dialectologia Uralica*, 1985; см. также: Хаузенберг, Кокла, 1988). В проекте рассматриваются вопросы унифицированного описания фонетики и морфологии диалектов финно-угорских и самодийских языков.

В научно-исследовательском центре языков Финляндии (Хельсинки) уже с 1985 года результаты полевых исследований по топонимии закладываются в компьютеры. В базу данных топонимов включены как лингвистические сведения о топониме, так и экстралингвистические об объекте, обозначаемом этим топонимом (Miikkulainen, 1990).

В основе словарной статьи лежит ключевое слово — топоним, представляющий собой нормативное название. Наряду с этим словом приводятся диалектные варианты, а также извлеченные из различных исторических источников прежние его названия. Большое значение придается четкому разграничению компонентов структуры топонимов. Закодированы употребление внутреннеместного или внешнеместного падежа, а также отклонения в склонении. В составных топонимах (с прилагательным или числительным) указываются случаи согласования или несогласования с определяемым компонентом. В целом предлагается достаточно хороший объем грамматической информации.

Характерной особенностью создаваемого банка данных является то, что помимо лингвистических сведений о топониме в банк

закладываются и экстралингвистические данные об объекте, именуемом топонимом. В коде типа местности вводятся данные о дорогах, дорожных сооружениях, пахотных полях, лугах, пастбищах, форме поверхности, почве, растительности, характере водоема, особенностях воды в нем и другие. Отдельный файл представляет географическая привязка объекта топонима.

Данные банка представляют интерес для ученых-филологов, этнографов, историков. Ими могут пользоваться официальные службы (геодезическая, навигационная, геологическая, связь, ЗАГС, муниципальные службы планирования), а также средства массовой информации (радио, телевидение, пресса, издательства) и пр.

В конце 70-х годов сектор языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН приступил к работе над коллективной темой «Сравнительное исследование лексики карельского, вепсского и саамского языков». Для сбора лексики по диалектам указанных языков был разработан понятийный «Словник-вопросник» (1978), насчитывающий около 2000 слов. В его основу легла система понятий по Халлигу — фон Вартбургу (Hallig, von Wartburg, 1952). Словник дополнялся словами, отражающими реалии повседневного сельского быта карел, вепсов, саамов, их материальной и духовной культуры. Кроме того, в Словник под соответствующими индексами вошли литво-латышские, германские и славянские (русские) заимствования в прибалтийско-финских языках, а также сто базисных и сто дополнительных слов М. Свадеша для определения степени расхождения генетического родства.

Пункты сбора лексического материала были определены таким образом, чтобы охватить все основные диалекты и говоры исследуемых языков. По карельскому языку материал был собран в 24 населенных пунктах, по вепсскому — в шести и по саамскому (Кольский полуостров) — в пяти.

В результате экспедиций на огромной площади, простирающейся от Мурманской области на севере до Тверской на юге, включая Карелию, Вологодскую, Ленинградскую и Новгородскую области, был собран уникальный как по качеству, так и по количеству (свыше 70 тысяч слов) материал.

Необходимо учесть, что лексика по своей специфике — весьма богатый материал как для этногенетических, так и для ареальных исследований. Во-первых, базисные слои лексики служат одним из устойчивых элементов языка и поэтому позволяют выявлять древнейшие сходства и различия между сравниваемыми языками.

Во-вторых, лексика является наиболее наглядным и существенным свидетельством при взаимных контактах двух и более языков.

Корпус «Словника-вопросника» был составлен с учетом целей и задач исследования. В соответствии с ними отделом математических методов КарНЦ РАН была составлена и программа обработки лексического материала на перфокартах.

В результате операций с перфокартами возможно получение следующих характеристик (Керт, 1982):

- 1) Выявление количества общих генетических слов (соответственно и различных) в любом семантическом классе между двумя и более любыми произвольно взятыми говорами, диалектами или языками. Анализ такого огромного материала может дать по лексическим критериям строго научную непротиворечивую картину разграничения исследуемых говоров, диалектов, языков. С другой стороны, на основе схождений и расхождений лексики можно документально подтвердить степень генетического родства указанных языков.

- 2) Определение количества выявленных литво-латышских, германских или славянских (русских) заимствований в различных говорах, диалектах, языках. Заимствованные слова, несомненно, могут показать не только степень контактирования языков, но и пути проникновения заимствований.

- 3) Применяя методику М. Свадеша, можно выявить время расхождения генетически родственных языков и диалектов.

Безусловно, в процессе исследования могут обозначиться и другие проблемы. К сожалению, в связи с громоздкостью технических средств (использование перфокарт) работа была остановлена в начальном периоде. Может быть, сейчас, с появлением современной компьютерной техники, найдутся энтузиасты, готовые заняться этой интересной и многообещающей для науки проблемой, тем более что вся лексика систематизирована в подготовленном авторским коллективом под руководством Ю. Елисеева и Г. Керта «Сопоставительно-ономасиологическом словаре диалектов карельского, вепсского и саамского языков».

В 1988 году был опубликован «Обратный словарь гидронимов бассейна Оки» Г. П. Смолицкой (1988). Выполненный с помощью ЭВМ словарь дает четкое представление о словообразовательной структуре гидронимов бассейна Оки в ее литературной и диалектной формах.

Значение топонимии

Непреходящий интерес, который вызывают к себе топонимы, объясняется не только своеобразием их функций, загадочностью происхождения их громадного большинства, отличиями их грамматических особенностей от другого класса слов, а именно, апеллятивов, но и значительной их информативностью при решении этногенетических проблем.

Основное назначение, функция топонимов — это выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других. В настоящее время в условиях становления информационного общества трудно переоценить роль и значение топонимов как точных ориентиров на местности. Одной из первых задач топонимики как науки является создание единой топонимной службы, а также региональных сводов топонимов. Топонимия может нести свою информационную функцию только в том случае, если составляющие ее топонимы имеют точное (без вариантов) написание и произношение. Особенно недопустима повторяемость топонимов на ограниченной территории. Между тем в средствах массовой информации (в печати, по радио) одно и то же название зачастую пишется и произносится по-разному. К случаям разнообразия в употреблении собственных имен в Карелии можно отнести следующие примеры: остров в Онежском озере называют либо Климецким, либо Клименецким; встречается написание населенного пункта Голодай Гора, Голодайгора, Голодай-Гора и др. Не установлены принципы по фиксации ударений в топонимах, ср. Кíжи и Кижí, Олонéц и Оло́нец и т. д.

Одним из главных условий эффективного функционирования в информационном пространстве упомянутых служб являются точность географических, топографических, административных и других карт. Идеальные топографические и иные карты должны соответствовать, по крайней мере, двум необходимым условиям. Во-первых, отмеченные на картах географические объекты в масштабной сетке должны соответствовать и быть адекватными реальным географическим объектам. При этом крайне важна привязка к градусной сетке (долгота, широта). Во-вторых, каждый географический объект должен иметь точное и непротиворечивое название на соответствующем языке.

Между тем на картах, издававшихся для широкого использования Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР, градусная сетка отсутствует. Так, в 1966, 1969,

1973 годах (две карты — в цвете и белая) карты Мурманской области изданы без градусной сетки. Карты Карелии, северных областей России, прибалтийских республик также вышли в свет без градусной сетки. На таких картах конфигурация рек и озер зачастую не точна. Здесь же следует сказать об очень слабой насыщенности географическими названиями изданных карт. Иногда крупные географические объекты, например, озера не снабжены на картах названиями.

Главное достоинство любой карты — ее номенклатура, названия, отражающие различные географические объекты. Между тем состояние русских названий, особенно заимствованных из финно-угорских языков, оставляет желать лучшего. Главное, чем грешат карты подобного рода, — это отсутствием системности в обозначении объектов. Так, на карте Мурманской области (издание 1973 года) при естественном противопоставлении двух озер по принципу «верхнее — нижнее» за основу номинации верхнего озера принята адаптированная русским языком саамская модель Паий-аккъяур, букв. «Верхнее бабье озеро» (ср. саам. *rajj* 'верхний', *akk* 'баба', *jaug* 'озеро'). Название же нижнего озера образуется с помощью финской лексики Ала-Аккаярви, букв. «Нижнее бабье озеро» (ср. фин. *ala* 'нижний', *акка* 'баба', *järv* 'озеро'). На карте Мурманской области, изданной в 1940 году (кстати, снабженной градусной сеткой!), при передаче названий этих озер на русском языке была использована финская модель: Верхнее Аккаярви и Нижнее Аккаярви. Не унифицировано использование саамских диалектных вариантов, например, *явр* и *яур*. На карте 1973 года на небольшом расстоянии друг от друга соседствуют озера Вуэннияур и Хутоявр.

Отсутствие системности в обозначении прослеживается и на картах Республики Карелия. Оно проявляется в названиях расположенных даже на близком расстоянии географических объектов, которые отражают нюансы речи языка, из которого заимствуют, в данном случае карельского. Перед нами «Топографическая карта. Республика Карелия. Масштаб 1 : 200 000», изданная Военно-картографической фабрикой г. Санкт-Петербурга в 1997 году.

В силу исторических причин в карельских диалектах имеются соответствия свистящих и шипящих согласных, а также долгих гласных и дифтонгов. Так, в диалектах карельского языка существуют диалектные разновидности одного и того же слова *saari* — *suari* — *soari* — *šuari* — *šaari* 'остров'. Русская топонимия Карелии, возникшая путем транслитерации карельских названий, а также

в результате устного заимствования, сохранила эти особенности карельских диалектов. Так, на сравнительно небольшой акватории озера Среднее Куйто встречаются названия островов Кюляниемисуари, Муштасуари, Тойнен-Ухутсари, Кормушсари, Урнашари; на озере Нижнее Куйто имеются острова Вуопасуари и совсем рядом Петрашари (листы 30 и 31). На Тикшеозере расположены острова Ламмансари, Юхтиненсари, Ханкасари, Шуаттосари (лист 7), в то время как на Кумском водохранилище (озеро Пяозеро) — Ма-лошари, Вуошкалошари, Боюривошари, Талвишари, Педаяшари (листы 12, 13), на Топозере — Толоватшуари, Ледманшуари, Ван-нешуари (листы 13, 14). Тот же самый разноречивый наблюдается и при географическом термине *ваага* 'гора', ср. Куси-вара и Пирт-тиваара. Примеры можно было бы продолжить. Такой разноречивой в обозначении географических объектов, конечно, недопустим. Только незнанием карельского языка (если это не опечатка?!) можно объяснить написание озера Ала-Няттярви, букв. «Нижнее Няттяозеро», и Или-Няттярви (должно быть Юля-Няттярви, букв. «Верхнее Няттяозеро»).

На картах наблюдается некая закономерность в разном написании названия озера и расположенного на нем населенного пункта, хотя источником наименования населенного пункта является название озера. Произошла так называемая трансонимизация, т. е. перенос названия озера на название населенного пункта. Сравни написание: оз. Кончозеро — д. Кончезеро, оз. Гальозеро — д. Гальезеро, оз. Верхнее Лампи (при Сев. Ложкина Ламба, л. 14) — д. Верхняя Ламба (л. 96), о. Суйсари — д. Суйсарь (л. 97), оз. Пульчелла — н. п. Пульчейла (л. 109) и т. д.

Встречаются грубые опечатки: Яншиполе — надо Янишполе, Солоха — надо Сопоха, рядом губа Сопохская. И как апофеоз невнимательного отношения к картам следует считать появление на карте Карелии вторых в России Минеральных Вод вместо необходимого написания Марциальные Воды — первый российский курорт, основанный Петром I.

Ошибки, погрешности, неточности, отсутствие системности в работе с картами объясняются прежде всего тем, что к ней не привлекались профессионально подготовленные, знающие местные языки специалисты-топонимисты. А. Матвеев писал: «Картографическая топонимия уже вследствие специфики карты может лишь весьма упрощенно отражать народную топонимию. Она воспроизводит схему, во многом лишенную историко-культурного содержания. А некомпетентные собиратели и редакторы могут превратить эту схему и

в кривое зеркало: топонимические системы совмещаются, а сами названия искажаются и смещаются» (Матвеев, 1989, 1. С. 51—52).

На наш взгляд, нужна тщательная, кропотливая, длительная совместная работа картографов и топонимистов по устранению опечаток, несоответствий в имеющихся картах. Для каждого региона (с соответствующими субстратом и заимствованиями), особенно в зонах двуязычия и многоязычия, должны быть составлены практические руководства по наименованию и переименованию географических объектов и инструкции по русской передаче инонациональных географических названий. Безусловно, унификация названий на картах не означает, что в живой речи будут сразу же употребляться скорректированные названия. Как живая народная речь отличается от литературной, так и произношение топонимов зачастую может не соответствовать литературной норме. К слову будет сказано, что в Финляндии вся официальная топонимия унифицирована, т. е. «олитературена».

Существенные помехи и неудобства в информационном пространстве создают топонимы-омонимы, если они обозначают географические объекты, расположенные недалеко друг от друга. В Карелии, к сожалению, такие случаи нередки: в Челмужском с/с Медвежьегорского района существуют поселки Половина-1 и Половина-2; в Кяппясельгском с/с Кондопожского района находятся село Викшезеро и станция Викшезеро; в этом же районе на расстоянии 6 км соседствуют Лижма — центр сельсовета и Лижма — поселок. Примеры можно было бы продолжить.

В условиях двуязычия и многоязычия чрезвычайно важно в информационном отношении составить адекватные, точные списки названий географических объектов на употребляемых в регионе языках. Там, где нет канонических в орфографическом смысле названий на каком-либо языке, целесообразно подготовить правила употребления (адаптации) в устной и письменной речи названий на соответствующих языках. В Карелии, например, некоторые микрообъекты в сельской местности имеют только карельские или вепские названия. Большинство же названий в национальных республиках на русском языке.

Таким образом, первоочередной задачей топонимической науки совместно с государственными учреждениями является создание нормализованного, канонического, непротиворечивого свода употребляемых топонимов, которым могли бы пользоваться государственные и муниципальные службы, а также учреждения связи, транспорта, средства массовой информации и пр.

Наряду с созданием свода топонимов необходимо упорядочить правила употребления топонимов в речи-тексте. Это прежде всего:

1) выбор предлогов на вопросы «где», «куда», «откуда» в русском языке (ср. «куда» — в Мишелово, но на Горку), а также употребление внешнеместных или внутреннеместных падежей в прибалтийско-финских языках (ср. в финском: Tampere^{ee}-lla, но Tammisaare-ssa);

2) образование названий жителей от наименований населенных пунктов;

3) выбор словообразовательных моделей (ср. в значении «относящийся к кому-либо, чему-либо» г. Орел — орловский, орел — орлиный) и пр.

Топонимы, являясь продуктом народного сознания, отражают все стороны духовной и материальной жизни человека. В топонимах, как и в других проявлениях духовной культуры человека, а именно в фольклоре, обрядах, заговорах, народных верованиях, отразилось своеобразие народа, его менталитет (Керт, 1995, 2). В саамской топонимии запечатлелись языческие верования и тотемные представления саамов. Менталитет саамов выявляется в своеобразии топонимного видения. Для саамской топонимии, например, характерна выраженная языковыми средствами тонкая градация особенностей ландшафта. Так, для обозначения водных объектов в саамской географической лексике имеется более двадцати терминов. В зависимости от конфигурации, наличия растительности, высоты и других признаков существует свыше тридцати названий (апеллятивов) гор. Мотивация при наименовании географических объектов является важным признаком своеобразия народного самосознания, его менталитета. Проблема мотивации — это проблема проникновения в психологию номинатора, давшего то или иное наименование, проблема ценностной ориентации народа. В содержательной стороне топонимии ярко и непосредственно выражены идеалы народа. Топонимия — это часть окружающей культурной среды народа, его мироощущение, миропонимание и мироконструирование.

Поэтому защита этого культурного наследия является первейшей обязанностью государственных и иных органов. В Москве в 1996 году разработан текст закона «О наименовании улиц и станций метрополитена города Москвы» (авторы — М. В. Горбаневский, В. П. Нерознак, М. Ф. Симонова). В законе реализуется следующее положение: «Наименования улиц и станций метрополитена выполняют важную социальную функцию как слова-ориентиры. Одновременно

данные внутригородские названия, веками складывающиеся в историко-культурную систему, представляют собой памятники истории, языка, культуры, свидетельства духовных традиций и образа жизни москвичей. Исторические названия являются таким же народным достоянием, как и памятники архитектуры, искусства, литературы, фольклора» (Горбаневский, 1997. С. 51).

За годы советской власти сельской и городской топонимии был нанесен колоссальный, в ряде случаев непоправимый урон. Массовые противозаконные переименования сельских поселений и городских объектов привели к потере топонимного своеобразия регионов страны и становлению политизированной топонимии (Керт, 1991, 1). В федеральном и региональных законодательствах необходимо четко определить правовые нормы и процедуры наименования и переименования географических объектов. Компетентную помощь государственным органам в выборе названий должны оказывать специальные комиссии, состоящие из филологов, историков, писателей, краеведов. Важным условием в выборе наименований должны быть гласность, компетентность, участие широких масс населения (Керт, 1989, 2).

В природе нет естественных «чистых» в языковом отношении топонимических зон. В процессе исторического развития последующая топонимическая волна накрывает предыдущую, в результате чего образуются исторические пласты топонимии. Новая волна названий, как правило, входит в готовую систему топонимии. И здесь немаловажное значение имеет то, в какой степени язык последующей волны отличается от языка, топонимия которого усваивается.

Именно то обстоятельство, что топоним при усвоении его заимствующим языком, как правило, не исчезает, а, адаптируясь, приспособившись к новой языковой системе, функционирует в новой языковой среде, способствует «долгожительству» топонима. Исчезает этнос, уходит культура, меняется цивилизация, а топоним (точнее, его стирающийся фонетический облик), видоизменяясь, остается.

В качестве примера «долгожительства» топонимов можно привести следующие факты. Заселение Кольского полуострова человеком относится к эпохе мезолита — VII—VI тыс. до н. э., по-видимому, после отступления последнего оледенения и ликвидации его остаточных форм на низменных участках (Гурина, 1977. С. 4). Правда, В. Я. Шумкин (1990), датируя ранний этап заселения ареала эпохой мезолита (10—7 тыс. лет назад), связывает его с населением культуры комса. Учитывая замкнутый характер

Кольского полуострова, а также то обстоятельство, что заселение его, по мнению большинства ученых, происходило только с северо-западной и южной территорий, можно предположить, что значительных смещений населения на его территории не происходило, т. е. население в известной степени было однородным. Самым древним населением Кольского полуострова, которое можно идентифицировать по языку и материальной культуре, были саамы. Неолитический период (6—5 тыс. лет назад), по мнению В. Я. Шумкина, представлен лапландской археологической культурой, которая характеризуется своеобразными отличительными чертами (Шумкин, 1990. С. 122). Исследуя саамскую топонимию Кольского полуострова, финский ученый Тойво Итконен из массива современной саамской топонимии инарских саамов выделил около 300 топонимных основ субстратного происхождения, т. е. не этимологизируемых апеллятивной лексикой саамского языка (Itkonen, 1948. S. 521—524). Конечно, субстратные основы могли быть различного этнического происхождения, не исключая и древних собственно саамских. Чисто саамские топонимные основы в условиях географической изоляции, как видим, сохранились еще с неолита.

Для сравнения следует сказать, что древнейшими археологическими памятниками Центральной России являются верхнепалеолитические стоянки на верхнем Дону, под Владимиром, на Брянщине, датируемые 30—14 тыс. лет назад (Седов, 1974. С. 20). В. В. Седов высказывает мнение, что «древности каменного века оставлены дофинно-угорским и доиндоевропейским населением» (Седов, 1974. С. 21). Вместе с тем, по его утверждению, данные археологии свидетельствуют о том, что древнейшее население Центральной России не было вытеснено или уничтожено волнами пришельцев. С учетом плавности и постепенности смены археологических культур, а также формирования и смены этносов, вполне допустима мысль о сохранении самых древних топонимов, естественно, в преобразованном и измененном облике. К сожалению, лингвистическая наука при всех ее громадных успехах в разрешении отдельных этногенетических проблем по данным топонимии еще бессильна в целом при решении вопросов этногенеза по данным субстратной неэтимологизируемой топонимии. На наш взгляд, это объясняется, во-первых, несовершенством методики исследования (ученые оперируют в основном только суффиксами субстратных топонимов) и, во-вторых, фрагментарностью используемых субстратных неэтимологизируемых основ.

Привлекательной особенностью топонимии при решении этногенетических проблем является то, что топонимия идентифицирует языковую принадлежность этноса. Язык — это первоэлемент культуры этноса. Археологические памятники, характеризующие в основном материальную культуру, при всей своей массовости, «вещественности» не могут адекватно идентифицировать этнос. Не исключено, что элементы одной археологической культуры могут наличествовать у различных этносов. Топонимы как часть лексики языка для выполнения своей основной функции вбирают в себя наиболее существенные пласты лексики, отражающей материальные и духовные понятия народа.

Именно благодаря топонимии можно говорить о финно-угорском субстрате Европейского Севера России; фантастически широкий ареал распространения саамской топонимии до сих пор загадка для исследователей.

Конечно, данные топонимии служат дополнительным и, может быть, одним из главных индикаторов в комплексной проблеме идентификации этноса и выяснения его происхождения.

И, наконец, важнейшей задачей топонимики как науки следует назвать выявление своеобразия топонимов как класса слов по отношению к апеллятивам, породившим на первоначальном этапе топоним.

Специфика топонима как лексической единицы

Топонимы, являясь неотъемлемой, но все же особой частью лексики языка (языков), в силу своей специфики требуют в отличие от апеллятивной лексики несколько иных подходов в исследовании. Пожалуй, ни в одной другой научной дисциплине не произошла столь удивительная эволюция взглядов на объект науки, а вместе с тем и на саму внутреннюю сущность этой науки, как в топонимике. Своеобразие топонимной лексики по отношению к апеллятивной создавало иллюзию особого подхода к ее исследованию. Адресная функция топонима, выделение топонимом объекта из себе подобных являются наиболее бросающимся в глаза признаком данного класса слов. Необычность топонима по отношению к апеллятиву, таинственность, неразгаданность его значения направляли устремления ученых на раскрытие именно этих сторон топонима. На то, что топоним является прежде всего словом,

исследователи не обращали внимания. Приведем наиболее характерное для этого подхода определение топонимики как науки. Так, известнейший топонимист А. И. Попов писал: «Топониимику подробнее можно определить следующим образом: это есть наука, занимающаяся собиранием географических названий, вопросами их происхождения, изменения, исчезновения и смены другими местными именами» (Попов, 1993. С. 29). Некоторые топонимисты оспаривают право лингвистики на монопольное изучение топонимии, как будто топонимы не являются частью лексики. Так, Э. М. Мурзаев, утверждая необходимость «знания законов языкознания (языка? — Г. К.)», тем не менее пишет: «Однако это не значит, что лингвистика обладает монополией на изучение топонимики, которую нельзя считать частью лингвистики, как это делают некоторые видные ее представители, стремясь оградить топонимику от влияния других представителей» (Мурзаев, 1964. С. 25).

Нужно было время, чтобы осознать тот простой факт, что топоним — это прежде всего лексическая единица языка. А коль скоро это так, то и должна изучаться как явление языка. Впервые со всей определенностью об этом сказал В. Ташицкий: «Ономастика (и как составная ее часть — топонимика. — Г. К.) не образует специальной равноправной с языкознанием дисциплины. Она представляет собой неотъемлемую часть языкознания, исследовательскую область в первую очередь лингвистов» (Ташицкий, 1961. С. 11).

Теоретические основы возникновения, а также функционирования собственных имен (в том числе и топонимов) на графическом, фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях изложены в коллективной монографии московских лингвистов (Теория и методика ономастических исследований, 1986).

Различия апеллятивной и топонимной лексики проявляются в семантике, принципах номинации, словообразовательных моделях, особенностях адаптации, своеобразии ядерных и периферийных зон распространения топонимии, структурно-семантических особенностях, способах соединения компонентов (Керт, 1995, 1).

Общим для апеллятивной и топонимной лексики является их категориальная принадлежность к одному классу слов, а именно, к именам существительным. Принадлежа к одной части речи, апеллятивы и топонимы подвержены словоизменению. Все это в известной степени предполагает единство лингвистических приемов исследования. Вместе с тем функциональные различия между апеллятивом и топонимом придают специфику каждому классу слов как на семантическом, так и на грамматическом уровне.

Апеллятивы обладают внутренней формой слова, т. е. имеют значение. Имея значение, они способны к обобщению. Имя нарицательное обобщает класс однородных предметов и понятий. Более того, оно может иметь несколько значений. Эти значения обусловлены, с одной стороны, экстралингвистическими факторами — наличием однородных предметов и явлений действительности. С другой стороны, значения слов выявляются в связи с сочетаемостью данного слова с другими словами в речи, т. е. определяются внутрилингвистическими факторами (Керт, 1989, 1).

Для топонимов же внутренняя форма слова — значение — не играет никакой роли. Основная функция топонимов — это выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других объектов. Собственным именам присуща назывная функция, нарицательным — функция обобщения.

И еще одно существенное отличие апеллятивов от топонимов. Семантика апеллятивов поддерживается сочетающимися в сложном слове или синтагме значениями других апеллятивов. В топониме значение наличествует только на стадии превращения апеллятива в топоним, а затем выветривается окончательно. В силу этого не подкрепленное значением слово (топоним) «изнашивается» значительно быстрее. Как пишет В. Палль применительно к эстонскому языку, «в топонимах могут происходить такие изменения, которые невозможно подвести ни под один из известных нам фонетических законов» (Палль, 1975. С. 8).

Особенности в функциональном назначении апеллятивов и топонимов обусловили грамматические, лингвогеографические и словообразовательные различия имен нарицательных и собственных. Уже стал хрестоматийным приведенный известным российским языковедом А. Реформатским пример своеобразия словообразования апеллятива и топонима: тайга — таежный, станция Тайга — тайгинский (Реформатский, 1964. С. 16). О проблемах соотношения апеллятивов и онимов на словообразовательном уровне в русском языке высказывает свое мнение Ю. С. Азарх (1980). Она отмечает вторичность онимного словообразовательного типа по отношению к апеллятивному с омонимичным суффиксом, избирательность апеллятивных суффиксов в онимной функции, сужение ареалов онимного словообразовательного типа по отношению к апеллятивному. Топонимические модели вряд ли могли существовать без их подпитки (поддержки) на апеллятивном уровне. Другое дело, эти модели в топонимии получили свое собственное развитие в условиях относительной «свободы» от апеллятивов и, соответственно, свою

специфику. Ю. Азарх пишет: «Вторичность ономастического словообразовательного типа по отношению к апеллятивному с омонимичным суффиксом находит отражение и в том факте, что ономастическая модель, как правило, выходит из употребления, если апеллятивы аналогичной структуры утрачивают продуктивность» (Азарх, 1980. С. 138).

Своеобразием апеллятивов и онимов с омонимичными суффиксами на грамматическом и лингвогеографическом уровнях в русском языке посвящена обстоятельная статья Ю. Азарх «О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами» (1981). Исследователем отмечено двенадцать случаев специфических особенностей апеллятивов по сравнению с онимами. Здесь же автор анализирует и лингвогеографические условия взаимодействия имен нарицательных и собственных.

К сказанному Ю. Азарх следует добавить, что сфера употребления апеллятивов и онимов, их частотность различна. Даже в условиях диалектного членения языка апеллятивы употребляются в речи значительно чаще, чем топонимы. Топонимы и, в частности, микро-топонимы имеют узкое, локальное употребление, иногда даже ограниченное семьей или семейным кланом, и это, естественно, не способствует возникновению собственно топонимных суффиксов.

В финно-угорском языкознании проблема соотношения апеллятивов и онимов на грамматическом, словообразовательном и лингвогеографическом уровнях только начинает разрабатываться. В этой связи нельзя не отметить интересные наблюдения И. Муллонен (1994) по распространению вепсских топонимических формантов и их русских соответствий. В финно-угорских языках структура сложного слова — апеллятива или словосочетания в основном соответствует структуре топонима. Так, сложные слова как в апеллятивах, так и в топонимах образуются по одинаковым моделям. Аналогично в апеллятивах и топонимах образованы конструкции с прилагательными и числительными. Образование топонимов происходило по апеллятивным моделям, когда семантика образующих его компонентов сохранялась. Между тем в прибалтийско-финских языках имеются конструкции, которые на апеллятивном и топонимном уровнях ведут себя по-разному. Это аналитические конструкции с послелогами. Так, в эстонском, карельском, саамском языках аналитические конструкции с послелогами превращаются в топонимы: в эстонском: д. Soo | taga 'Заболотье' (букв. «за болотом») (Палль, 1975. С. 13), в карельском: покос Kosken | al |

niitut 'Покосы под порогом', Suon | tagan | pellot 'Поля за болотом' (Мамонтова, 1982. С. 123), в саамском: Kiekk | vaar | tuagash | vaar 'Гора, находящаяся за кукушкиной горой' (букв. kiek 'кукушка', vaar 'гора', tuagash 'за', vaar 'гора') (Керт, 1991, 2. С. 68). Важным отличием сложных апеллятивов от соответствующих топонимов в саамском языке является количество компонентов. На апеллятивном уровне сложные слова, как правило, состоят из двух компонентов, причем их количество в речи невелико; трехкомпонентные апеллятивы встречаются крайне редко. Основу саамских топонимов составляют двухкомпонентные. Трехкомпонентные топонимы составляют примерно одну треть от двухкомпонентных. Встречаются и четырехкомпонентные топонимы. Механизм этого процесса будет рассмотрен в данной работе.

Как видим, способы образования апеллятивов и имен, их «вхождение» в парадигму (по образному выражению А. Реформатского) далеко не совпадают.

Таким образом, важной задачей финно-угроведов при исследовании топонимии является определение специфики топонимов по отношению к апеллятивам на грамматическом и лингвогеографическом уровнях.

Как известно, класс имен собственных пополняется за счет нарицательных. Какие семантические пласты лексики переходят в разряд имен собственных? Каково влияние на этот переход экстра- и внутрилингвистических факторов? В самом общем виде можно сказать, что переход определенного класса апеллятивной лексики в разряд имен собственных зависит от многих причин. Географические объекты подразделяются на естественные (река, гора, болото, озеро, водопад, лес, поляна и др.) и созданные человеком (деревня, дорога, избушка, столб, мельница и др.). Возникновение топонимов как ориентиров на местности обусловлено прежде всего характером ландшафта, фауны и флоры. Поскольку образование топонимических систем финно-угорских народов происходило при сложении сельских поселений, то вполне естественно, что основу ее (топонимии) составляет географическая лексика, или местные географические термины. Число этих терминов и их характер зависит, естественно, от географических зон. Набор терминов в равнинной местности будет иной, чем в горной. Кроме того, на специфику отбора лексики в значительной степени влияет «топонимическое мышление» народа. «Квантование» объектов природы языковыми средствами у каждого народа происходит по-своему. Так, характерной чертой саамской топонимии является

тонкая градация именований особенностей ландшафта. Например, для обозначения водных объектов в саамской географической лексике имеется более двадцати обозначений: *vunp* 'бухта, залив (морские)', *luxht* 'залив (озера, реки)', *vuerrp* 'узкий залив (на озере, реке)', *javvr* 'озеро', *lumbal* 'проточное озеро', *tshuodta* 'залив в верхней части озера', *tshuhpe* 'задняя часть (устье) залива' и т. д. Тойво Итконен приводит свыше тридцати названий гор, различающихся по конфигурации, наличию растительности, высоте и другим признакам: *vuajjv* 'гора, вершина', *vaaga* 'гора (большей частью покрытая лесом)', *gaht* 'скалистая гора (на берегу моря)', *koalle* 'скала', *mielli* 'песчаная горка, дюна' и пр. (Itkonen, 1948, I. S. 19—20).

Набор географических терминов, связанных с деятельностью человека, зависит от социально-экономических условий, вызванных, естественно, географическими и климатическими особенностями. Так, для карельского языка характерны термины: *aidu* 'изгородь', *kaski* 'подсека', *kondu* 'надел, земельное угодье', *niittü* 'покос', *palo* 'пожого, подсека', *sordo* 'выгон для скота', *hieru* 'деревня', *mökki* 'избушка', *perti* 'изба', *riihi* 'рига', *raja* 'кузница', *kujo* 'переулок', *piha* 'двор', *sildu* 'мост' и др. (Мамонтова, 1982. С. 36—37). Саамская терминологическая лексика имеет свою специфику: *ajh'h't* 'амбар', *kinnt* 'кентище, место прежнего поселения', *anges* 'загон, забор для оленей', *kaadas* 'навес', *karsek* 'просека', *kejpn* 'зимняя дорога', *kuada* 'вежа (саамское жилище)', *leakk* 'навес от комаров', *pjoll* 'амбар', *ruugn* 'ящик, ларь', *sijjd* 'село' и др. Интересно отметить, что в прибалтийско-финских и саамском языках соматическая лексика используется в качестве географических терминов, например, в карельском: *hammas* 'зуб; острый выступ', *haŋu* 'грива; гребень (горы); возвышение', *nenä* 'нос; мыс', *suu* 'рот, пасть; выход, место около выхода (jovensuu 'устье реки)', *silmü* 'глаз; окно (в болоте)' и др. (Мамонтова, 1982. С. 35). Ср. в саамском: *nishshk* 'затылок; устье реки, водопада', *n'un'n* 'нос; мыс', *tshal'l'm* 'глаз; окно в болоте' и др. Метафорический перенос значения соматической лексики на объекты ландшафта распространен и в мордовском языке. Так, исследователь мордовской топонимии Н. В. Казаева приводит до двадцати соматических лексем, имеющих также значение географических терминов, например: *кель* 'язык; выступ возвышенности', *кирьга* 'шейка, шея; перешеек, узкое место', *нерь* 'морда, клюв; выступ в реке, озере, узкий мыс', *пеке* 'живот; округлый выступ, излучина реки', *пильче* 'нога; ветвь возвышенности, разветвление оврагов', *сельме* 'глаз; зеркальный родник с прозрачной водой', *чама* 'лицо; открытая часть поля, долины' и др. (Казаева, 1994. С. 94).

В структурном отношении апеллятивы и топонимы, образованные путем словосложения, идентичны. Как у сложных апеллятивов, так и у топонимов четко различаются определяемая и определяющая части слова. Например, в саамском *res's'murr* 'береза' (букв. *res's'* 'береста' + *murr* 'дерево', т. е. 'берестяное дерево'). Ср. топоним: *Kied'gjogk* 'Каменная река' (букв. *kied'g* 'камень' + *jogk* 'река'). И в том и в другом случае стоящее в позиции определения существительное может быть либо в номинативе, либо в косвенном падеже. Этим сходства между апеллятивами и топонимами и ограничиваются. Главное отличие апеллятивов и топонимов на лексическом уровне — это отбор (разграничение) лексики при образовании тех и других. На апеллятивном уровне для отражения объективной действительности используется значительно больший тезаурус лексики, в то время как на топонимном — только часть. Адресно-индивидуализирующая функция топонима ситуативно ограничивает набор лексем. Причем набор лексем, участвующих в образовании сложных апеллятивов и топонимов, значительно отличается.

Следует отметить еще одну особенность употребления географической лексики. Финно-угорские топонимы в своем большинстве состоят из детерминанта, обозначающего географический объект, и определения к нему. Подсчеты финского топонимиста Э. Кивиниemi показали, что из двух тысяч лексем, обозначающих географические объекты (природные и связанные с культурной деятельностью человека), в качестве детерминантов выступает не более двухсот (Kiviniemi, 1990. S. 54). Соответственно в карельской топонимии в функции детерминантов используется около ста пятидесяти лексем (Мамонтова, 1982. С. 171—173) и в вепсской — более ста пятидесяти (Муллонен, 1994). Таким образом, можно говорить о типовых топоосновах в прибалтийско-финских языках.

Нам неизвестны работы, посвященные исследованию географической лексики в восточных финно-угорских языках. Необходим прежде всего сбор местных географических терминов, выявление их семантических классов, определение частотности функционирования каждого термина и пр. Изучение географической лексики по конкретным финно-угорским языкам, подсчет количества лексем, выступающих в качестве детерминантов, поможет выявить типологические закономерности функционирования географических терминов в топонимной лексике. В российском финно-угроведении пока появилась лишь первая работа по этой проблеме — это монография Н. Мамонтовой и И. Муллонен «Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии» (1991). В этой связи

нельзя не упомянуть перечни саамских слов и физико-географических терминов, встречающихся в географических наименованиях Кольского полуострова (Географический словарь Кольского полуострова, 1939).

Исследование местных географических терминов непосредственно связано с принципами номинации географических объектов. Проблема мотивации названия, т. е. тех причин, тех побудительных мотивов, которыми вызван тот или иной географический термин, является одним из важных вопросов топонимии. Исследователь зачастую, выявив значение составляющих топоним компонентов, остается бессильным при определении мотивации топонима. Более того, в силу естественных причин звуковой облик компонентов топонимов, а следовательно и графический, может сильно видоизмениться, и только средствами сравнительно-исторического анализа можно найти исходную форму, но при этом мотивация, т. е. причина сцепления двух или более слов при образовании топонима, остается неизвестной (Kert, 1992).

Любой географический объект может характеризоваться с различных сторон. Например, гора может быть высокой — низкой, круглой — ребристой, покрытой лесом — лысой, река может быть глубокой — мелкой, быстрой — медленной, чистой — мутной и т. д. Поэтому номинатор имеет выбор, а иногда и значительный, в употреблении того или иного определения. Больше того, при именовании объекта не последнее место занимает фантазия имядателя, т. е. то, что можно назвать народной психологией, менталитетом. И, конечно, на выбор названия объекта в значительной степени оказывает влияние уже сформировавшиеся модели образования топонимов, апробированные приемы называния. Это касается не только выбора соответствующих лексем для образования конкретного топонима, но и способа присоединения этих лексем друг к другу. Поясним на примерах саамской топонимии разнообразие возможностей для выбора определения при именовании объекта. Так, например, в топонимии небольшого региона Кольского полуострова, обследованного К. Никкулем, при географическом термине *jaur* — *jaura* — *jaurash* 'озеро — озерко', выполняющем функцию детерминанта, среди тысячи двухкомпонентных топонимов выявлено около двухсот пятидесяти определений к этому детерминанту (Nickul, 1934). Приведем по алфавиту некоторые из них: *aije* 'старик, дед', *ald* 'важенка (самка оленя)', *algash* 'сын', *hoama* 'плесень', *kaavas* 'икона', *kaldi* 'про рубь', *kalsa* 'старичок', *kiedge* 'камень', *kiekk* 'кукушка', *kiest* 'рукавица', *kietk* 'росомаха', *koshk* 'сухой', *kukkes* 'длинный' и т. д. Следует

отметить, что апеллятив *jaur* 'озеро' (с его диминутивными вариантами) наиболее употребителен при образовании саамских топонимов. При детерминанте *suelo* 'остров' двухкомпонентных топонимов возможны, например, следующие определения: *aitt* 'амбар', *Gobbon* (собств. имя), *kaiji* 'чайка', *kode* 'олень', *kuelb* 'ягельник', *kuoss* 'ель', *njollo* 'амбар', *Ogve* (собств. имя), *paatsek* 'шишка дерева', *palgas* 'пастбище', *pass* 'святой', *pörrt* 'изба', *rush* 'русский', *sauds* 'овца', *söör-nets* 'монах (чернец)', *tavve* 'открытое пространство', *tshoalm* 'пролив', *tshukk* 'ящик'. Детерминант *tshielj* 'сельга, гряда' имеет определения: *agges* 'забор (для оленей)', *kaavas* 'икона', *kalgan* 'сухой бор', *kietk* 'ро-сомаха', *kobb* 'яма', *kuoss* 'ель', *labdsh* 'ремень', *peäss* 'береста', *ruud* 'железо', *sann* 'сани', *söötr* 'мох', *vuask* 'окунь'.

Безусловно, акт номинации сугубо индивидуальный. (Естественно, в данном случае мы не рассматриваем случаи вторичной номинации или сознательного именованья «по просьбе трудящихся».) Первоначальное предназначение номинации — зафиксировать ориентир на местности, дав ему имя. Причем это наименование должно быть строго индивидуальным, чтобы в пределах социального коллектива его не путали с другим подобным именем другого объекта, находящегося в пределах деятельности коллектива. Набор лексики, функционирующей в качестве определения к детерминанту, есть своего рода индикатор номинации. Сам же процесс номинации обусловлен психологическим мотивом и, естественно, не всегда доступен последующему исследователю. И все же, несмотря на огромное семантическое разнообразие лексики, выступающей в качестве определения к детерминанту, обозначающему географический объект, можно выделить общие причины, побудительные мотивы номинации того или иного объекта. Эти причины обусловлены отражательными, мыслительными функциями человека.

В процессе мыслительной деятельности человек, фиксируя те или иные особенности познаваемых объектов, классифицирует не только сами объекты в целом, но и отдельные их признаки в плане их тождеств и различий. Причем эти признаки в нашем сознании уже абстрагированы от самих объектов. Все эти признаки выступают либо как внутреннее качество объекта (красный помидор, синее небо и пр.), либо через отношение к какому-либо лицу или предмету (дом Ивана, сын Петра, ручка двери и т. д.), т. е. относительная номинация. Наконец, эти признаки объектов выявляются по принципу смежности, места расположения объектов (березовая аллея, дорожный столб и пр.). На топонимном уровне

атрибутивные отношения между детерминантом и определением также сохраняются. Приведем примеры из саамского языка: Jonnlucht 'Большой залив', Oddjaura 'Новое озерко', Tshappesmoorast 'Черная гора' — квалитативные значения; Jaurkietshe 'Конец озера', Oaivpiel'l' 'Сторона вершины', Sohremjaura 'Озерко Сохрема' — посессивные значения; Aittsuelo 'Амбарный остров', Kuossnjarg 'Еловый мыс' — локативные значения. В некоторых случаях композиты с посессивным значением трудно отличимы от соответствующих композитов с локативным значением.

Особую группу в отношении мотивации составляют топонимы, в которых определяющая часть топонима выражает так называемое ситуативное значение. В саамском языке имеются топонимы, определяющая часть которых представляет собой застывшее словосочетание имени существительного с отглагольным именем, например: Pienne | giehkom | vaag 'Гора, где били собаку' (букв. «собаки + битье + гора»). Эти словосочетания, будучи в позиции определения перед детерминантом, обозначают место, где что-либо произошло.

Об этом типе топонимов необходимо рассказать подробнее, поскольку он характерен для саамского языка и не выявлен в прибалтийско-финских языках. Подобная структура топонима обусловлена специфической для саамского языка грамматической категорией отглагольное имя, имеющей как именные, так и глагольные признаки (Керт, 1971. С. 206—207). Эта группа топонимов по сравнению с другими (квалитативные, посессивные, локативные) в саамском языке незначительна по количеству. По структуре они обычно состоят из трех лексем: определяемое — детерминант — название объекта, определяющее — отглагольное имя действия и стоящее в препозиции к нему существительное, обозначающее субъект или объект действия, например: Kiurel | njuikkam | njunn 'Мыс, где прыгнул Киурель' (букв. «Киуреля + прыгание + мыс»), Moose | leudiem | tuoddar 'Гора, где пел Моозе' (букв. «Моозе + пение + гора»). В этих примерах при именах действия — субъект действия. Приведем примеры на объект действия при отглагольных именах: Peäss | loddem | vaag 'Гора, где сдирают бересту' (букв. «Береста + сдирание + гора»), Kuappel | tshiegg tollam | moorast 'Гора, где бросили куропатку' (букв. «Куропатка + бросание + гора»).

Характерной особенностью топонимов данного типа является то, что определяющая часть этих топонимов выражает действие, событие, которое где-либо произошло, кто-либо, что-либо производил

или объектом которого кто-либо стал, в определенном месте, т. е. значение определения выражает ситуацию — совокупность обстоятельств, создавших ту или иную обстановку, положение, действие. Близкий по структуре тип топонимов встречается в удмуртском языке. Причем отглагольное имя может выступать как в качестве определения, так и в качестве детерминанта (Бушмакин, 1986. С. 24), например: Кутоншур (от кутон 'поймка' + шур 'река'), Юоншур (от юон 'питье' + шур 'река'), Зазегпукон (от зазег 'гусь' + пукон 'сиденье'). В целях отграничения этих топонимов от других типов мы предлагаем квалифицировать их как ситуативные, или событийные.

Соответствующие конструкции с отглагольными именами (причастиями) имеются и в мансийском языке. Приведем примеры: Мань-Хонт-Хулум-Я (написание топонимов принадлежит собирателям материалов) 'Малая река, где ночевал отряд' (очевидно, 'Река, где ночевал малый отряд'; ср.: мань 'маленький', хонт 'отряд', хулум 'кочевания', я 'река'), Нята-Рохтум-Сори 'Седловина, где испугался олененок' (ср. нята 'олененок', рохтум — причастие от глагола рохтунгве 'испугаться', сори 'седловина'), Сат-Хум-Хайтум-Лох 'Лог, где бежали семь мужиков' (букв. «семь + мужиков + бегание + лог»). Судя по приведенным материалам, топонимы такой конструкции встречаются довольно часто (Глинских, Матвеев, 1975).

Таким образом, определения при детерминантах могут быть качественными, посессивными, локативными и ситуативными. Общим для них является понятие атрибутивности. Как пишет акад. И. И. Мещанинов, «атрибутивность (признак предмета) есть понятийная категория, когда она выявляется в языке различными средствами семантики, синтаксиса и морфологии... В монгольских, самоедских и ряде других языков атрибутивность передается местоположением» (Мещанинов, 1945. С. 198). В финно-угорских языках как в аппеллятивных, так и в топонимных сочетаниях атрибутивность передается также местоположением (определяющее всегда стоит перед определяемым). Попутно здесь следует отметить, что идея принадлежности в финно-угорских языках, как об этом говорит Д. В. Бубрих, связана генетически с идеей связи по месту или времени: «Оказываясь в позиции определения, образования со значением 'такой-то род-племя, такая-то местность' легко приобретали значение 'относящийся к такому-то роду-племени, к такой-то местности', а это значение дальше расширялось» (Бубрих, 1948, 1. С. 73). Сравни также его: «Идея принадлежности, характерная для генитива, выпочковывается из идеи связи по месту или времени» (Бубрих, 1975. С. 85).

Отличие апеллятивов от топонимов заключается также в способах присоединения компонентов при словосложении. Как известно, структура топонима складывается по моделям, законам, свойственным апеллятивам (простое, суффиксальное, сложное слово, словосочетание). И только своеобразная функция, предназначенная топониму, превращает апеллятив в топоним. Однако есть принципиальное отличие образования апеллятивного сложного слова или словосочетания от топонимного. Если акт образования конструкции (словосложение, адъективная или аналитическая конструкция) на апеллятивном уровне всегда является единовременным, то образование сложных топонимов (словосложение) может быть «растянуто» во времени. Топоним, выполняя свою адресную функцию, должен идентифицировать тот или иной объект и тем самым отличать этот объект от других подобных. С другой стороны, название того или иного объекта привязывается к уже имеющейся «системе координат». Например, имеется проточное озеро с названием Tshingalasluobbal (tshingalas 'глубокий', luobbal 'проточное озеро'). Гора, находящаяся рядом, получает название Tshingalasluobbalvaar (vaar 'гора', букв. «Гора (у) глубокого озера»). Гора получает название, а топоним, обозначающий данную гору, «прирастает» на один компонент. Еще пример на четырехкомпонентный топоним. Tsuabbjaura Цуаббяура (tsuabb 'лягушка' + jaura 'озерко', букв. «Лягушачье озерко»). В озеро впадает ручей. Ручей называется Tsuabbjauraoaij (oaij 'ручей', букв. «Ручей лягушачьего озера»). На этом ручье имеется водопад, по-саамски kuoshk. Водопад именуется Tsuabbjauraoaijkuoshk (букв. «Водопад на ручье (у) лягушачьего озера»). Этот способ образования саамской топонимии объясняет, почему на апеллятивном уровне словосочетания, как правило, состоят из двух компонентов, в то время как топонимы могут состоять из трех, четырех и даже пяти компонентов.

Топонимы, образованные посредством конструкций с отглагольным именем, могут иметь также четыре лексических компонента, например: Uess | kotskom | jaura | oaij (uess 'теленек', kotskom — отглагол. имя от kotske 'тонуть', jaura 'озерко', oaij 'ручей', букв. «Ручей озерка, где утонул теленок»). В данном случае топоним имеет два акта номинации. Первый акт номинации — uess | kotskom | jaura, букв. «Озеро, где утонул теленок»; второй акт номинации — uess | kotskom | jaura | oaij, букв. «Ручей озера, где утонул теленок». Вначале появилось название озера как более важного и значительного объекта, а уже впоследствии к названию

озера прибавилось название ручья. Величина объекта подтверждает первичность номинации озера и вторичность (по названию большего объекта) — ручья.

Существенным различием между апеллятивом и топонимом в финно-угорских языках являются структурно-семантические особенности этих классов лексики. В прибалтийско-финском топониме (как, впрочем, и в финно-угорском) при первичной номинации объекта четко различаются две части: 1) часть, указывающая (обозначающая) на вид, класс объекта (в финской терминологии — *perusosa*, в русской — определяемое, или детерминант), и 2) часть, характеризующая признак объекта (в финской терминологии — *määriteosa*, в русской — определение, или адъектив).

В сложном слове на апеллятивном уровне компоненты сложного слова могут быть связаны либо сочинительной связью (*suomalaz-ugrilazen kongressu* 'финно-угорский конгресс', *suomi-ugri rahvahat* 'финно-угорские народы'), либо подчинительной (*kalanruodu* 'рыбья кость', *randuniittü* 'прибрежный луг', *talvikalastus* 'зимняя ловля рыбы').

Характерной особенностью топонимообразования в прибалтийско-финских языках является то, что части топонима связываются только подчинительной связью. В Словаре ономастической терминологии дается следующее определение частей топонима (*nimenosa*): «Часть имени (топонима) — это содержащееся в имени (топониме) языковое выражение (информация), которое сообщает один характеризующий объект признак или (иначе говоря) одну особенность, свойственную данному месту» (Kiviniemi et al., 1974. S. 32). Так, в названии озера *Heinä | järvi* (ср. *heinä* 'сено', *järvi* 'озеро') топоним в синтаксическом отношении состоит из двух частей: *järvi* — детерминант, обозначающий вид объекта, и *heinä* — определение, характеризующее объект. В случае переноса названия озера на расположенное на нем село синтаксически топоним будет состоять из одной части, хотя в нем имеются два компонента — *Heinä + järvi*, т. е. название села. Синтаксические части топонима (адъектив и детерминант) не следует смешивать с компонентами топонима. К компонентам топонима (в финской терминологии *nimielementti*) относятся не только знаменательные слова, неэтимологизируемые средствами известных языков элементы, но и морфемы (словообразовательные и словоизменительные суффиксы, топоформанты и пр.), например: *Kataji | sto*, *Iso | salmi | järvi*, *Reko | la | n | Riihipelto*.

Синтаксически части топонима могут состоять не только из одного компонента (знаменательного, или неэтимологизируемого,

слова), но и из сложных слов и словосочетаний, например: Pohjois- | Venelahti, Venelahden | kari, Ison Pihlajasaaren | lampi.

Специфической особенностью топонимов является наличие в некоторых из них субстратных вкраплений. Как правило, в качестве субстрата прибалтийско-финских топонимов выступает определяющая часть топонима, поскольку она исторически была апеллятивом и выполняла роль топонима, выделяя данный объект из себе подобных в системе топонимических координат, а потому служила ориентиром и привязкой к вновь образуемым топонимам.

В прибалтийско-финских языках наиболее древние топонимы, как правило субстратные гидронимы, служат своего рода ориентирами на местности, на основе которых осуществляется привязка последующих. Топонимы располагаются пучками на определенных локальных территориях, образуя как бы древо на основе одного первичного топонима. Структурно эти субстратные топонимные основы входят в состав вновь образованных. Их можно назвать базовыми, или ключевыми, топоосновами. Если поздний (последний по хронологии) субстрат, например, прибалтийско-финский в русском языке относительно легко угадываем, то ранние слои пока еще не поддаются этимологизации, например, карельские Skamarahkan | lambi, Kinnerman | valgamo, саамские Tarkat | vaarash, Siennek | njarg.

Апеллятивы же, состоящие из нескольких компонентов, т. е. сложные слова, при всем семантическом разнообразии сочетающихся в сложном слове компонентов выражают единые понятия. Более того, в апеллятивах не может быть, как в топонимах, инородных вкраплений. Слово в совокупности его словоформ независимо от составляющих его лексем воспринимается как цельное. Конечно, строго этимологически многие в современном состоянии цельные слова исторически могли состоять из различных компонентов, не говоря уже о том, что их значения в контексте также изменяются.

Таким образом, в прибалтийско-финских языках между топонимами и апеллятивами имеются существенные структурно-семантические различия.

Обусловленные специфическими функциями различия между топонимом и апеллятивом проявляются в акте высказывания. Семантика топонимов остается менее востребованной, в то время как семантика апеллятива является существенной в акте высказывания. Она (семантика) поддерживается смысловыми связями с семантикой сочетающихся в этом акте других слов. Именно благодаря сочетанию с различными по своему значению другими словами меняются семантика и оттенки значений слов. Апеллятив — обобщает, топоним — называет.

Класс лексики, участвующий в топонимообразовании, составляет часть от всего состава лексики и строго специфичен. Различие функций топонима и апеллятива обуславливает в целом различия употребляемых при их образовании лексем. Если в топонимах наблюдается преобладание географической, отантропонимной, а также лексики флоры и фауны, то в образовании апеллятивов участвуют другие классы лексики. Специфика топонима и апеллятива проявляется и на словообразовательном уровне.

Акт номинации в топониме «протяжен» во времени и образует более устойчивые языковые единицы, в то время как на апеллятивном уровне словосочетания образуются спонтанно в момент высказывания.

Структурно-семантически топоним состоит из разнородных частей (определяемое, определение), причем отдельные части топонима могут быть разновременны по возникновению. Части топонима могут восходить к разным языкам или состоять из неэтимологизируемых компонентов. Апеллятив (сложное слово) выражает единое понятие и образуется из полнозначных лексем в одной временной плоскости.

Своеобразие финно-угорской топонимии, как видим, проявляется не только в семантике образующих топонимы лексем, количестве составляющих топоним компонентов, но и в особенностях грамматической структуры финно-угорских языков. В конечном итоге все эти структурные, семантические и прочие особенности топонимии определяют ее специфику. Проблема мотивации названия при номинации в финно-угорских языках состоит, таким образом, не только в выборе апеллятива-определения при детерминанте, обозначающем географический объект.

Принципы формализации

Загадочность происхождения древних пластов топонимии, своеобразие топонимной лексики по отношению к апеллятивной были главными побудительными причинами непреходящего интереса к исследованию топонимии. Сбор и исследование топонимии и, шире говоря, собственных имен начинают приобретать все более последовательный и планомерный характер. Уже длительное время во многих российских университетах, педагогических институтах, академических центрах проводится изучение ономастического материала. По всем регионам имеется достаточно значительный

материал, требующий осмысления в связи с новыми идеями и данными науки. Так, в Уральском университете на кафедре общего и русского языкознания картотека севернорусских топонимов насчитывает свыше 1,5 млн слов-карточек. Активно ведется собирательская работа по топонимии в Санкт-Петербургском университете. В картотеке ИЯЛИ КарНЦ РАН с 70-х годов собрано свыше 300 тысяч карельских, вепсских, саамских и русских топонимов. Для сравнения можно оказать, что территория Швеции в топонимическом отношении полностью обследована, и картотека топонимов в Топонимическом архиве г. Упсала (Ortnamnsarkivet i Uppsala) составляет почти 12 млн карточек. В Финляндии генеральная картотека топонимов в Топонимическом архиве Государственного научно-исследовательского центра отечественных языков Финляндии насчитывает свыше 2,6 млн карточек.

Вместе с тем в сборе материала по топонимии отсутствует единая методика, топонимические карточки с исходным материалом составляются по разным принципам. Материалы, собранные на местах, труднодоступны и представлены неравномерно. Попытки унификации сбора топонимии не привели к желаемым результатам. Отсутствие единого центра негативно сказывается на координации в работе.

Следует отметить, что для топонимистов в настоящее время значительно улучшились условия работы. Рассекречены крупномасштабные карты, появились возможности публикации топонимических материалов, карт, схем и т. д.

Топонимической науке в силу ее специфики приходится оперировать огромным количеством исходного материала. Между тем естественные возможности человека в осмыслении этого материала ограничены. Назрела настоятельная необходимость использования вычислительной техники в топонимических исследованиях. Компьютеры позволяют компактно и надежно хранить и обрабатывать по заданным параметрам огромное количество топонимов. При этом возможны исправления допущенных ошибок и уточнение программы обработки данных. Работа с компьютером наилучшим образом способствует выполнению основных задач научного исследования, т. е. сбору, накоплению, хранению, обработке, анализу и передаче информации. Длительная и изнуряющая первоначальная подготовка данных и ввод их в компьютер впоследствии компенсируются не только резким возрастанием производительности, но и надежностью результатов. Возможности применения

ЭВМ создают принципиально новый уровень изучения этого класса слов, когда в орбиту исследователя поступает огромное количество исходного материала.

Как одно из первых и важнейших условий компьютеризации топонимии должно быть единство методики сбора и обработки материала. Единая методика сбора и обработки материала помимо преимуществ, связанных с использованием максимальных сведений о каждом топониме и объекте, именуемом конкретным топонимом, предоставляет возможность получать данные по запросам из других регионов через сеть Интернет.

Технические возможности современных компьютеров позволяют обрабатывать огромное количество материала. Особенности структурной организации языкового материала, состав единиц и отношений между ними могут выявляться через категории качества и количества. Как пишет Л. А. Турыгина, «научные результаты, получаемые на основе статистических методов, объективируют лингвистические выводы, повышая их достоверность» (Турыгина, 1988. С. 12).

Топонимический материал при всей сложности его фонетической, морфологической и семантической структуры в принципе поддается формализации. Каждый топоним представляет собой слово (простое, сложное, суффиксальное) или словосочетание, функционирующее в качестве названия того или иного географического объекта. Таким образом, топоним обладает суммой твердо заданных признаков, которые можно формализовать. Такими признаками являются: 1. Графические, 2. Структурные, 3. Семантические и 4. Географические.

Графические признаки топонима представляют собой цепочку символов-букв, соответствующую звуковому облику слова. Эти признаки позволяют выявлять однотипные фонетически слова или части слов. Слова (или части слов) могут быть этимологически проницаемы, если связь с апеллятивом, породившим данный топоним, не потеряна, например: Петрозаводск, Дворцы, Мелиоративный. В других случаях часть слова может быть непроницаема для этимологического анализа, например: Вохтозеро, Сандормох, Мелой-губа. И, наконец, довольно часто встречаются топонимы, внутреннее значение, этимология которых утеряна, например: Лужма, Полга, Пяльма, Утуки и др. Выявление однотипных в фонетическом отношении и лишенных внутреннего значения комплексов позволит определять топоизоглоссы, т. е. распространение того или иного топонимического явления субстратной топонимии.

Структурные признаки определяют собой типологические системы топонимов. Топонимия Европейского Севера России, занимая огромные пространства, представляет собой зоны смешения уральской, славянской и субстратной топонимии. Топонимическая система любого языка отражает в известной мере структуру и лексику этого языка.

Генетически и типологически уральские и славянские языки принадлежат к различным языковым семьям. Если уральские языки принадлежат к языковой семье агглютинативного строя (в прибалтийско-финских и саамском языках наличествует также развитая внутренняя флексия), то для славянских языков характерна внутренняя флексия. Славянским языкам присущ более свободный порядок слов (соотношение определения и определяемого, место глагола в предложении и пр.), для уральских же языков характерен более твердый порядок слов. Для уральских языков более, чем для славянских, употребительно словосложение. Уральские языки наряду с предлогами обладают послелогом; славянские языки не имеют послелогов. Уральские языки в отличие от славянских не имеют префиксов. Различно выражены в уральских и славянских языках категории вида и залога. Сочетание уральской и славянской топонимических систем придало своеобразие топонимии Европейского Севера России. Субстратная топонимия проявляется «отраженным светом» в заимствующих ее уральских и славянских языках.

Семантические признаки топонимии проявляются в лексических значениях участвующих в образовании топонимов лексем. Если структура топонимов обусловлена в основном внутрилингвистическими факторами, то семантика их во многом зависит от экстралингвистических факторов. К таковым относятся и окружающая среда (ландшафт с его животным и растительным миром), и хозяйственная деятельность человека, его космогонические представления и эстетические ценности. В целом можно сказать, что в семантике топонимов раскрывается историческое мировоззрение человека.

В соответствии с этим по семантическому принципу принято разделять все топонимы на две группы: 1) названия, отражающие физико-географические особенности объекта и 2) наименования, непосредственно связанные с практической деятельностью человека.

Поскольку состав лексики, участвующей в образовании топонимов, априорно не предсказуем, возникла необходимость принять универсальную модель, охватывающую весь понятийный тезаурус

мыслительной деятельности человека. Такой моделью является «Система понятий как основа для лексикографии» Рудольфа Халлига и Вальтера фон Вартбурга (Hallig, von Wartburg, 1952). Кстати, эта система понятий была использована в работе по сбору лексического материала для «Лингвистического атласа Европы».

СИСТЕМА ПОНЯТИЙ по Халлигу — фон Вартбургу А ВСЕЛЕННАЯ

A111 Небо и небесные тела

A121 Погода, ветер и состояние атмосферы

A211 Воды, моря и реки

A221 Рельеф местности и полезные ископаемые

A311 Растительная жизнь в общем

A321 Деревья, общие сведения

A322 Лесные деревья

A323 Фруктовые деревья, кустарники со съедобными ягодами и плодами

A331 Растения, применяемые в пищу, злаки

A341 Огородные растения

A351 Растения и кустарники лугов и лесов

A411 Четвероногие: домашние животные

A412 Полевые и лесные животные

A421 Птицы

A431 Рыбы

A441 Насекомые, членистоногие, земноводные

В ЧЕЛОВЕК

V111 Человек, общие сведения

V121 Тело и части тела

V131 Органы

V151 Движения и действия

V161 Здоровье и болезни

V171 Человеческая жизнь в общем

V181 Потребности человека: еда, питье

V182 Одежда и туалет

V211 Мысль и память

V221 Чувства

V231 Мораль

V311 Человек за работой: общие сведения

V321 Сельское хозяйство: земля и полевые работы

V322 Пахота

V323 Жатва

- V324 Молотьба
- V325 Сенокос
- V331 Ферма и ее службы
- V332 Скотный двор и животные на скотном дворе
- V333 Птичий двор и домашние птицы
- V334 Скот
- V335 Молочные продукты
- V336 Пастбище
- V341 Другие культуры и занятия крестьян
- V351 Ремесла и профессии: орудия в общем
- V352 Производство хлеба
- V353 Охота, рыбная ловля
- V354 Деятельность, связанная с обработкой дерева
- V355 Кузница
- V356 Ткани и обувь
- V361 Торговля, финансы и собственность
- V371 Жилище, общие сведения
- V372 Постройка
- V373 Мебель
- V374 Кухонная утварь
- V375 Отопление и освещение
- V376 Основные виды работы по домашнему хозяйству
- V381 Дорога и транспорт
- V411 Общественная жизнь: брак
- V412 Семья, родство
- V421 Язык и общение
- V423 Праздники
- V511 Общественные организации, коммуны и обучение
- V522 Религия и отсутствие религии

С ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ, АПРИОРНОСТЬ: ЧИСЛО И КОЛИЧЕСТВО

- C111 Число и количество
- C211 Пространство и отношения в пространстве
- C311 Время и временные отношения

(Цит. по: Ономасиология. Основной словарный состав. Первый вопросник. М., 1976).

Безусловно, создать непротиворечивую семантическую классификацию невозможно. Большинство слов по своей природе многозначно, а следовательно, могут относиться к различным семантическим разрядам. Поэтому, как и каждая классификация, данная

несет в себе момент условности. Тем не менее она все же дает представление о семантических классах лексики, участвующей в образовании топонимов. Рубрикация составлена таким образом, что позволяет любому новому слову найти свою семантическую нишу.

Географические признаки предназначены для точной фиксации топонима на местности (карте). Фиксация топонима на карте должна быть осуществлена таким образом, чтобы эти данные могли быть формализованы и внесены в компьютер. Здесь возможны варианты. Наиболее точной является привязка топонима к градусной сетке (широта, долгота). Такая подача, однако, не связана с административным делением, а потому не дает представления о нахождении топонима в социуме. Наиболее распространенный способ привязки топонима — это указание на административное деление (республика, область, район, сельсовет). Единственным недостатком этого способа является встречающиеся у нас изменения административно-территориального деления. Международные организации, занимающиеся природно-хозяйственными и экологическими проблемами, для привязки наблюдений к конкретным территориям и акваториям пользуются Международной биологической координатной сеткой. В ее основу положено деление Земли на квадраты со стороной 100 км начиная от экватора к северу и от нулевого меридиана к востоку. Каждый квадрат может быть разделен на 10 тысяч малых квадратов со стороной 1 км (Лебедев, 1995. С. 13). Преимущества этой системы фиксации топонимов на местности заключаются еще и в том, что система исторически сложившихся топонимов будет тесно увязана с природно-хозяйственной деятельностью человека. Эта система позволяет также, по нашему мнению, лучше интегрироваться в международные проекты по топонимии. Как одно из условий работы при этом необходимо сопряжение координатной сетки с административно-территориальным делением. В практике топонимной работы существует еще один способ привязки топонима к крупным населенным пунктам, например: «в трех километрах на север от города N». Такой способ в данном случае неприемлем, так как не позволяет формализовать местоположение топонима при использовании ЭВМ.

Основные принципы ввода топонимического материала в компьютер были изложены в совместном докладе Г. М. Керта и В. А. Лебедева «Возможности применения ЭВМ при исследовании топонимии Севера Европейской части СССР», прочитанном на Ученом совете ИЯЛИ КарНЦ АН СССР 27 сентября 1988 года. В названной работе выделены структурные типы карельской, саамской

и русской топонимии. Подчеркивается своеобразие топонимии Европейского Севера России.

Обращалось внимание на то, что база данных топонимов должна не только обеспечивать классификацию по структурным признакам (однокомпонентные, двухкомпонентные, трехкомпонентные и т. д.), но и выявлять значимые этимологические части слова, включая лексические основы (в том числе и неэтимологизируемые), суффиксы, топоформанты и пр. Это позволило бы составить словарь топонимов, лексикон значимых частей топонимов (апеллятивов и собственных имен), суффиксов и топоформантов, а также субстратных топонимов.

Принципиальные вопросы по описанию структуры базы данных были изложены на различных заседаниях, конференциях, симпозиумах и пр. На второй Всесоюзной научно-практической конференции «Исторические названия — памятники культуры» в 1991 году был представлен доклад Г. М. Керта и О. И. Кузьминой «Проблемы создания банка саамских топонимов». О проблемах структурирования топонимии для ввода в компьютер в 1991 году на заседании отдела научных исследований Научно-исследовательского центра отечественных языков Финляндии (г. Хельсинки) сделали сообщение Г. Керт и О. Кузьмина. В апреле 1993 года в г. Трире (Германия) на 18-м Международном конгрессе по ономастике прочитан доклад об основных принципах компьютеризации топонимии и, в частности, саамской топонимии (Kert, 1993. S. 73). В 1993 году на 4-й конференции общества «Энциклопедия российских деревень» в г. Калуге излагался проект «О создании банка данных топонимов российской деревни» (Керт, 1993. С. 45—46).

В 1995 году Министерство науки и технической политики Российской Федерации утвердило для КарНЦ РАН тему «Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России» (1995—1998) с участием лингвистов (сектор языкознания ИЯЛИ) и математиков (лаборатория информационных компьютерных технологий ИПМИ). В задачу проекта входило создание прототипа информационного компьютерного банка данных для хранения и многоцелевой обработки топонимии Европейского Севера России. Сотрудничество с математиками В. Вдовицыным, А. Веретиным и Н. Луговой оказалось плодотворным при решении конкретных вопросов по структуре описания топонимов прибалтийско-финских и русского языков.

В 1997 году на Международном симпозиуме «Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Проблема комплексного изучения» (Петрозаводск, 9—12.02.97) мною был представлен доклад

на тему: «Проблема выявления субстрата в проекте „Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России“» (Керт, 1997, 2). При выявлении субстратных основ, т. е. иноязычных вкраплений в языке представления, важны не только их этимологизация, но и степень освоенности субстратных элементов в структуре топонима языка-заимствователя. Различная степень «встроенности» субстратной топонимии в структуру заимствующего языка поможет в известной степени высветить хронологию заимствований.

На этом же симпозиуме А. Веретиным был прочитан доклад «Вопросы разработки компьютерного банка топонимии Европейского Севера России» (Веретин, 1997).

Весной 1997 года в рамках Дней Норвегии в Республике Карелия в Петрозаводске состоялась научная конференция на тему «Карелия и Норвегия: основные тенденции и перспективы научного сотрудничества». На конференции был зачитан совместный доклад Г. Керта, В. Вдовицына и А. Веретина *Toponymic Research System of Northwest Russia: The TORIS System* (Kert et al., 1998). В докладе представлены выборки по саамской топонимии региона Петсамо. Дается описание системы TORIS.

Концепция компьютерного банка топонимии Европейского Севера России была представлена в 1998 году Г. Кертом, В. Вдовицыным и А. Веретиным на заседании Ученого совета Отдела математики и анализа данных и в расширенном варианте на заседании Президиума КарНЦ РАН (Керт и др., 1998). В докладе анализируются общности и различия между двумя классами имен — апеллятивами и топонимами, даются выборки по саамским топонимам, излагаются принципы создания системы TORIS, т. е. разработка пользовательского интерфейса, создание информационного компонента, применение моделей и методов многоагентных систем и пр. Приведены примеры ввода в компьютер финской топонимии Выборгской губернии. Затрагиваются прикладные вопросы топонимии.

За период работы над проектом «Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России» получен прототип информационного компьютерного банка данных для хранения и многоцелевой обработки топонимии (русской, прибалтийско-финской и саамской).

Структура описания топонимии построена таким образом, что помимо представления данных для академических исследований функциональных, структурных, семантических и иных свойств топонима на определенной территории она позволит удовлетворять

запросы различного рода пользователей по практическому применению топонимии.

Успешно продолжается работа по компьютеризации топонимического материала в Государственном научно-исследовательском центре языков Финляндии. По имеющейся у нас последней версии «Составление структуры банка данных топонимов» (Монисте, 30.09.93), подготовленной Р. Мийккулайнен, каждый топоним содержит 17 полей записи.

Данные полей записи

1. Топоним	2. Характеристика	3. Содержание
ni	Топоним, границы	Поисковая форма + границы
ga	Тип структуры и/или способ образования	Данные о поисковой форме и топонимной карточке
mu	Диалектный вариант	Данные из топонимной карточки; прилагается к комментариям в банке данных
ta	Код склонения	Данные из топонимной карточки
ku	Коммуна	Код коммуны Центра по переписи населения
ky	Деревня	Регистрационный номер или сведения из карточки
ka	Размещение на карте	Сведения из топонимной карточки
k1	Комментарий по местоположению объекта	
1k	Код типа объекта	Сведения из топонимной карточки см. Кивиниеми, 1990, сведения из топонимной карточки
la	Вид объекта	Словесное пояснение, сведения из топонимной карточки
k2	Комментарий по происхождению топонима	Сведения из топонимной карточки
ko	Комментарий 3 по типу объекта 4 по возрасту объекта и/или названия 5 др. комментарии	Сведения из топонимной карточки
gi	Параллельное название	Данные из топонимной карточки
as	Название из документов	Данные из топонимной карточки
ve	Сравни	Данные из топонимной карточки
sv	Смотри	Ссылка на поисковую форму топонимной карточки
ke	Данные о собирателе	Из штампа топонимной карточки

В Университете Тромсе (Tromsø) в Норвегии ведется обработка топонимического материала для ввода в компьютер. Исследователь саамской топонимии Э. Сёдерхольм предложила для обработки карельских топонимов следующую структуру базы данных.

Записи полей (топонимов)

1. Поисковая форма	Нормированная форма топонима
2. Произношение	Транскрибированная форма топонима или диалектная форма с вариантами
3. Падеж	Склонение топонима в местном падеже или возможное употребление послелога (в диалектной форме)
4. Местоположение	Административное расположение (страна, район, деревня, хутор, мыза и т. д.)
5. Карта	Номер карты, квадрат (или квадраты), бегущий номер в квадрате
6. Стандарт	Стандартизованное обозначение характера местности (отдельный лист)
7. Местность	Характер местности, выраженной в словесной форме (по описанию информанта и в соответствии с обозначениями на карте)
8. Апеллятив	Ссылка на запись апеллятива (всегда с основной (определяемой) частью топонима)
9. Синтаксис	Деление топонима на (синтаксические) части: определяющая/определяемая части
10. Язык	Язык представления топонима (в наших материалах всегда карельский)
11. Употребление	Сведение об обычности топонима, известности (от информантов)
12. Наследие	Народные представления о возрасте топонима, объяснение (происхождения) топонима, предания, верования и т. д., связанные с топонимом. Здесь же народные сведения об апеллятивах в роли определения
13. Отсылка	Параллельные топонимы, на языке представления и других языках (в наших материалах также русские топонимы на картах)
14. Смешанные сведения	Другие имена одной (и той же) группы топонимов
15. Этимология	Сведения, почерпнутые из литературы об этимологии, возрасте и др. топонима
16. Комментарии	Наблюдения собирателя о топониме или объекте (месте)
17. О карте	Комментарии, относящиеся к карте: ошибка на карте, ошибочное расположение на карте объекта или ошибка в названии и т. д.
18. Информант	Инициалы и год рождения информанта
19. Собиратель	Имя (имена) собирателя и время сбора материала

I Структура и семантика саамских топонимов

Вводные замечания

В 1990 году в ИЯЛИ представилась конкретная возможность использования ЭВМ в исследовании топонимии. В качестве дипломной работы студентке кафедры информатики и математического обеспечения Петрозаводского государственного университета О. И. Кузьминой была предложена тема: «Формализация топонимии (на материале словаря саамских топонимов Кольского полуострова)».

Материалом для компьютеризации послужила саамская топонимия, собранная финским ученым К. Никкулем (K. Nickul) в 30-е годы в районе Петсамо на территории Кольского полуострова. К. Никкуль — известный финский ученый-этнограф, социолог и языковед, занимавшийся проблемами истории, культуры саамов. Материал по топонимии был собран К. Никкулем во время топографической съемки территории южнее Петсамо.

Ареал зафиксированной топонимии охватывает пространство 29—31° широты по Гринвичу и 67—60° долготы, что составляет компактную территорию проживания саамов площадью около 70 квадратных миль, чуть больше 100 км с запада на восток и свыше 240 км с севера на юг.

Список, насчитывающий 1555 топонимов (без лексических вариантов — 1543 номера), опубликован в журнале *Fennia* (60) в 1934 году (Nickul, 1934). В конце приложена схема водной системы озера Ньяннаяур и реки Аккайоки, а также карта, на которой цифрами списка отмечены на местности зафиксированные топонимы.

В обширном и обстоятельном введении к корпусу словаря К. Никкуль затрагивает правовые, этические и другие вопросы номинации географических объектов и их фиксации на картах. Так, в частности, автор утверждает, что, во-первых, жители местности имеют большее право в присваивании имен тем или иным

объектам, во-вторых, независимо от того, кто дал имена объектам, с точки зрения их употребления важно, что имеющиеся на карте имена употребляются жителями этой местности, и, в-третьих, при издании карты следует принимать во внимание язык пользователей карт, что накладывает отпечаток на способ подачи (написания) топонимов. Далее К. Никкуль подчеркивает, что при фиксации имени на карте необходимо путем опроса населения подтвердить достоверность наименования. Саамы имеют моральное право давать наименования объектам: они чутко понимают особенности ландшафта, и для их выражения в языке имеется хороший словарный запас.

К. Никкуль указывает также, что на картах Норвегии саамские имена не переводятся, но повсюду, где употребляются норвежские формы имени, они отмечаются. В двуязычных областях саамские наименования пишутся в скобках. На шведских картах для саамских топонимов при обозначении специфических звуков соответствующие знаки не употребляют, а пользуются орфографией шведского языка. Способ фиксации имен на картах должен быть таким, чтобы по возможности избежать больших ошибок и чтобы при прочтении имя звучало знакомо.

Несомненным достоинством является попытка автора определить семантические классы лексики, участвующей в образовании топонимов.

Приводим примеры частотности употребления онимной лексики по К. Никкулю.

Лексика, указывающая на древние верования, колдовство	33
Имена, относящиеся к сказаниям о чуди или карелах	10
Русское влияние в лексике	35
Жилище	90
Антропонимы	103
Рыболовство	145
Лексика, связанная с диким оленем	57
Оленеводство	60
Названия животных, птиц	147
Названия растений	64
Имена (лучше назвать элементы топонимов), значение которых неизвестно	247

Характерно, что автором не подсчитана ландшафтная лексика, участвующая в образовании топонимов. Безусловно, эта работа, выполняемая вручную, довольно трудоемка. Интересно, что

К. Никкуль вычленил компоненты топонимов, значение которых не поддается выявлению. Это так называемая субстратная лексика, или древняя саамская лексика с утерянным (в топонимах) значением.

Особую ценность для исторической топонимии представляют, на наш взгляд, записанные у населения предания, легенды, рассказы, связанные с мотивацией топонимов. Касаясь мотивации географических объектов, К. Никкуль замечает, что название озера или другого водного объекта чаще переносится на гору или другой не водный объект, чем название горы или другого не водного объекта на озеро или другой водный объект, например, топоним *Vuaskjaurkietshevaar* (букв. *vuask* 'окунь', *jaur* 'озеро', *kietsche* 'конец', *vaar* 'гора', т. е. «Гора в конце окуневого озера») произошел от топонима *Vuaskjaur* (букв. *vuask* 'окунь', *jaur* 'озеро'); топоним *Koddekuoshkvaar* (букв. *kodde* 'олень', *kuoshk* 'водопад', *vaar* 'гора', т. е. «Гора у оленьего водопада») произошел от топонима *Koddekuoshk* (букв. *kodde* 'олень', *kuoshk* 'водопад').

В заключение автор приводит свыше 50 наиболее употребительных географических терминов. Переводы большинства саамских специфических терминов даются в тексте словарной статьи.

В целом Список топонимов К. Никкуля является одним из первых наиболее тщательно проработанных как в лингвистическом, так и в картографическом отношении сводов саамской топонимии Кольского полуострова. Приведенные автором многочисленные исторические справки по заселению края, по истории отдельных родов и семей (генеалогическое древо) помогают уяснить происхождение и мотивацию многих географических названий края.

Структура описания топонимии

Особенностью топонимической науки до последнего времени являлось то, что структуре топонимов уделялось недостаточное внимание. Усилия топонимистов были направлены главным образом на раскрытие значения того или иного топонима или компонента топонима. Это и не удивительно. Саамский язык занимает особое положение в финно-угорской семье языков. Пласт субстратных топонимов, не имевших соответствий в лексике финно-угорских языков, обширный ареал распространения саамской топонимии (особенно с субстратными основами!) «подогревали» этимологические разыскания, давая тем самым материал по исследованию этногенеза саамов.

Изданы хорошие списки и словари саамской топонимии по отдельным регионам. К анализируемому в данной работе списку топонимов К. Никкуля следует добавить подготовленный финским этнографом и политиком В. Таннером свод саамских топонимов района Петсамо, опубликованный в журнале *Fennia* в 1929 году (Tanner, 1929). В 1964 году вышел в свет Словарь саамской топонимии шведских саамов известного шведского финно-угроведа и лапполога Б. Коллиндера (Collinder, 1964). В 1958 году появился фундаментальный, в двух томах, Словарь колтских и кольских саамов финского специалиста по языку, истории, этнографии саамов Т. Итконена (Itkonen, 1958). Во втором томе в качестве приложения представлен раздел Топонимы, насчитывающий свыше 1000 словарных статей. Алфавитный порядок словарных статей осуществляется по первому компоненту определения топонима, поэтому внутри словарной статьи может быть несколько топонимов с этим определением, но с различными детерминантами. Это обстоятельство, естественно, увеличивает количество приведенных в словаре топонимов. Наряду с саамскими формами топонимов приводятся также русские соответствия именуемых географических объектов, извлеченные из исторических источников.

В соответствии с тематическим планом ИЯЛИ КарНЦ нами была выполнена работа «Очерки саамской топонимии», раздел которой «Структурные типы саамской топонимии» опубликован (Керт, 1991, 2). Структура топонима, его семантика, а также экстралингвистические сведения о топониме являются основными составляющими при формализации топонимии для ввода в ЭВМ. Именно эти составляющие определяют топоним как лексическую единицу, его происхождение и мотивацию, а главное — функцию.

Структура базы данных, предназначенная для формализации и последующего ввода в компьютер указанного ареала топонимии, зафиксированной К. Никкулем, была построена в соответствии с видением топонима как лексической единицы. Она охватывала главным образом структурные и семантические особенности топонима. Поскольку топонимия была собрана К. Никкулем в относительно ограниченном ареале, выборки по структуре и семантике топонимов проводились в целом по ареалу без выявления особенностей его отдельных частей.

Для удобства работы расположенные в алфавитном порядке топонимы были разнесены на отдельные карточки.

Первоначально была предложена следующая структура базы данных. 1. Номер топонима, 2. Топоним, 3. Язык представления,

4. Язык происхождения, 5. Однокомпонентный, 6. Количество компонентов, 7. Суффикс, 8. Префикс, 9. Диминутив, 10. Детерминант, 11. Определение в номинативе, 12. Определение в генитиве, 13. Определение в косвенном падеже, 14. Определение — отглагольное имя, 15. Адъективная конструкция, 16. Аналитическая конструкция, 17. Семантическая формула, 18. Соответствие объекту, 20. Элемент карты, 21. Пункт сбора материала (источник), 22. Объект.

В процессе подготовки материала при его детальном анализе возникла необходимость коррекции в структуре базы данных. Введение составляющей «Префикс» было избыточно, так как в саамском языке этой грамматической категории нет. Вынуждены были отказаться от выявления происхождения слова ввиду сложности этой задачи и невозможности ее выполнения на уровне дипломной работы. Невыполнимой оказалась задача идентификации падежа генитива в именной конструкции (словосложение имен). Как известно, некоторые падежи в саамском языке (генитив ед. ч., номинатив мн. ч., аккузатив ед. ч.) образуются не с помощью падежного показателя, а путем чередования гласных и согласных основы слова. В представленном для формализации материале эти особенности не были отмечены. Не найдены были также примеры на определение в косвенном падеже. В отношении поля «Соответствие объекту» необходимо сказать следующее. В саамском двухкомпонентном (и более) топониме указание на вид объекта заключено в детерминанте топонима. Если название какого-либо объекта переходит на другой объект, мы имеем трансонимизацию. В таких случаях язык использует дополнительные средства для идентификации объекта. В случаях, когда вид объекта соответствует семантике детерминанта, ставится единица; при несоответствии — ноль.

Словообразование имен существительных на апеллятивном уровне развито довольно хорошо (Керт, 1988). Имена существительные образуются с помощью суффиксов как от имен, так и от глаголов. Однако на топонимном уровне суффиксов, обозначающих место, не имеется. Отчасти это объясняется тем, что на апеллятивном уровне они также отсутствуют. На фоне отсутствия локативных суффиксов в саамской топонимии обращает внимание широкое употребление диминутивных суффиксов -ash (колтский диалект), -enč, -inč (кильдинский и иоканьгский диалекты). К. Никкуль, хорошо изучивший не только топонимию колтского диалекта, но и психологию саамов-номинаторов, говорит об исключительной

роли номинации гидрообъектов у саамов. Это связано прежде всего с важностью рыбного промысла у саамов. Поэтому водные объекты саамы чувствуют и знают особенно хорошо. «Приятельские отношения» с ними, по утверждению К. Никкуля, проявляются и в том, что при наименовании рек саамы часто употребляют диминутивную форму. Как пишет К. Никкуль, гостю саам может сказать торжественно *Algashjokk* (ср. *algash* 'сын', *jokk* 'река'), *Kiekkjokk* (ср. *kiekk* 'кукушка'), *Kobbjokk* (ср. *kobb* 'яма'), *Soigjokk* (ср. *soig* 'бурелом'), а в своей среде можно сказать короче и «веселее»: *Algshash*, *Kiejesh*, *Kobbash*, *Soakash* (Nickul, 1934. S. 34). Диминутивные суффиксы, по существу, помимо выражения ими уменьшительности и ласкательности, т. е. их основного значения, выполняют функцию детерминантов.

Окончательно структура описания приобрела следующий вид:

1. Номер топонима (в алфавитном порядке), 2. Топоним, 3. Язык представления, 4. Однокомпонентный, 5. Количество компонентов, 6. Диминутив, 7. Детерминант, 8. Отглагольная конструкция, 9. Адъективная конструкция, 10. Аналитическая конструкция, 11. Семантическая формула, 12. Пункт сбора материала (источник).

Прежде чем перейти к анализу структурного членения топонима, необходимо хотя бы кратко остановиться на «технологии» этого анализа, показать те сложности, которые подстерегают исследователя, и пути их разрешения.

В целом структура большинства саамских топонимов указанного региона прозрачна и не представляла особых трудностей в ее членении. Подавляющая часть топонимов основывается на активной апеллятивной лексике, и потому границы слов (морфем) легко угадывались. Вместе с тем некоторые части топонима (их немного) не поддавались идентификации. Условно «неопознанную» часть топонима мы относили к предыдущему компоненту топонима, с тем чтобы последующая часть начиналась с известного слова. Например, в топониме 731 после слова *njuhtsh* 'лебедь' имеется вставка *ei* или в топониме 1287 после слова *tshuer* 'муха' следует *lem*.

Морфемное членение топонима проводилось на карточке. В принципе выделялось любое значимое слово, часть слова или морфема, если она этимологизировалась. Идентифицировались и вводились в компьютер также элементы топонимов, не поддающиеся этимологизации. При этимологизации значимых частей топонима методологически важно разграничивать лексемы, входящие в состав топонима как бы индивидуально, и лексемы,

формирующие топоним в составе сложного слова (определительная конструкция). Так, в топониме Javvnjunnaldjaurash (ср. javv 'мука', njunn 'нос', ald 'важенка', jaurash 'озерко') словосочетание javvnjunn означает образное выражение «седая морда» (букв. «мука-морда») у животного. К сложным словам можно отнести словосочетания, включенные в топоним jertpiell 'бок' (ср. jert 'бок', piell 'половина'). Слово piell обычно обозначает «половину чего-либо» о предмете либо один из парных органов человека. Приведем еще примеры сложных слов: juelgpiell 'нога' (синонимом слову piell 'половина' является lakk), ahshnodd 'ручка топора' (ср. ahsh 'топор', nodd 'ручка'), lettsaij 'песчаное место' (ср. lett 'песок', saij 'место').

«Блоками» в состав топонима входят также аналитические конструкции, а также конструкции с отглагольным именем. Правда, эти конструкции составляют незначительный процент по сравнению с определительными конструкциями. Приведем пример аналитической конструкции: Kiekvaarvualgashvaarr (ср. kiekk 'кукушка', vaarr 'гора', vualgash 'находящийся внизу', букв. «Гора, находящаяся внизу кукушкиной горы»); конструкции с отглагольным именем Kaaptshalmpossamnjarg (ср. Каар 'Каап' — собств. имя, tshalm 'глаз', possam 'мытьё', njarg 'мыс', букв. «Мыс, где Каап мыл глаза»). Все эти словосочетания легко узнаются в топониме, а потому и вычленяются. Вместе с тем при составлении общего списка топонимной лексики все эти словосочетания разлагаются на отдельные лексемы.

Следует указать на еще одну особенность функционирования апеллятивной лексики в составе топонимов. Как уже отмечалось, значение слова, вкрапленного в топоним, не влияет на функциональную предназначенность топонима. Поэтому все фонетические процессы (ассимиляция, диссимиляция) на стыках морфем в топониме происходят интенсивнее, т. е. в них как бы быстрее «сшиваются» отдельные олова. Приведем примеры из саамской топонимии: словарная форма (сл. ф.) kaarek 'безрогий олень' — в топониме kark, сл. ф. kierdes 'обруч' — топ. kerts, сл. ф. oarrad 'пребывать' — топ. orm, сл. ф. piltekj 'украшение на ушах' — топ. pilt, сл. ф. gappes 'неровный' — топ. gaps, сл. ф. reakkas 'грешный' — топ. reks, сл. ф. kaarnas 'ворон' — топ. karns и т. д. Встречаются и обратные случаи, когда для связки слов в топониме прибавляются звуки: сл. ф. Kressan 'Крессан' (имя) — топ. kresto, сл. ф. pass 'святой' — топ. passe и др.

Структуру базы данных предваряет нумерация топонимов. Нумерация должна выполнять, по крайней мере, две поставленные задачи. Во-первых, на языке представления (русская, саамская,

карельская, вепсская и другая топонимия) должна быть общая нумерация в алфавитном порядке всего свода топонимов каждого отдельного языка. Во-вторых, для ареальных исследований топонимии необходимо составлять региональные списки топонимов. Это могут быть либо административные единицы — республики, области, районы и пр., либо площади по географическим координатам.

Представленный К. Никкулем топонимический материал зафиксирован точно на плоскости координат в квадратах по оси абсцисс строчными буквами a, b, c... и оси ординат прописными буквами A, B, C...

Одной из важных особенностей саамской топонимии является структурное разнообразие топонимов и, в частности, по количеству компонентов. В саамском языке имеются одно-, двух-, трех- и четырехкомпонентные топонимы. В списке К. Никкуля встретились и два пятикомпонентных топонима. Количество компонентов является важным индикатором специфики того или иного топонима. По числу компонентов топонима можно узнать способ его образования, в какой-то мере возраст и мотивацию образования.

Корпус топонимов, подготовленный К. Никкулем, в целом 1555, в зависимости от количества компонентов распределился следующим образом: однокомпонентные — 48 (3,09%), двухкомпонентные — 1103 (70,93%), трехкомпонентные — 375 (24,12%), четырехкомпонентные — 27 (0,74%), пятикомпонентные — 2 (0,13%).

Однокомпонентные топонимы занимают незначительное место в ряду других топонимов. Они, как правило, обозначают известные объекты, поэтому в топониме отсутствуют детерминанты, указывающие на вид объекта. Считается, что большинство однокомпонентных топонимов являются наиболее древними. Их значение, этимология зачастую не поддаются выяснению. Самые многочисленные топонимы — двухкомпонентные. Это наиболее типичная модель топонима, состоящая из детерминанта, указывающего на вид объекта, и определения, характеризующего этот объект. По структуре они представляют собой:

1) именные конструкции (имя существительное + имя существительное), например: *Piedsvaarr* (ср. *pieds* 'сосна', *vaarr* 'гора'),
 2) адъективные конструкции (имя прилагательное + имя существительное), например: *Kukkesjaur* (ср. *kukkes* 'длинный', *jaur* 'озеро'),
 3) конструкция имя собственное + имя существительное, например: *Leventijaurash* (ср. *Leventi* 'Левенти' + *jaurash* 'озерко'), *Rushnjarg* (ср. *rush* 'русский' + *njarg* 'мыс').

Трех- и четырехкомпонентные топонимы по сути представляют собой гибридные сочетания именных, адъективных, аналитических и отглагольных конструкций. Компоненты именной конструкции топонима проходят как бы вторичную номинацию во вновь образованном топониме, например, топоним Aittvaar (ср. aitt 'амбар' + vaar 'гора') функционирует в топониме Aittvaarrjaurash (ср. jaurash 'озерко'). Вторичную номинаций могут проходить и адъективные конструкции, например, топоним Jonnjegg (ср. jonn 'большой', jegg 'болото') входит составной частью в название горы, находящейся у этого болота, — Jonnjeggvaar (ср. vaar 'гора'). Еще примеры: Njukkeshjaura (ср. njukkesh 'щука', jaura 'озерко').

Иногда цепочка с последующей номинацией может продолжиться, например: Tsharlluobbal (ср. tsharr 'гора ягельная', luobbal 'проточное озеро', букв. 'Проточное озеро у ягельной горы'), Tsharlluobbalvellok (ср. vellok 'устье реки, нижнее течение', букв. «Устье реки проточного озера ягельной горы»), Tsharlluobbalvellokvaar (букв. «Гора (у) устья реки проточного озера ягельной горы»).

Разбиение топонима на составляющие (этимологизируемые и неэтимологизируемые) позволило составить словарь топонимной лексики. Компьютер выдал в алфавитном порядке, включая фонетические варианты, всю топонимную лексику. А главное, удалось получить общую частотность употребления той или иной лексемы (компонента топонима). Для сравнения можно привести общую частотность употребления по убывающей различных семантических классов топонимной лексики. Как уже отмечалось, предпочтение в образовании топонимии саамы оказывают гидронимической лексике: название озера (jaur — jaura — jaurash) — около 500 раз, проточное озеро (luobbal — luobbalash) — свыше 110, залив (luht) — свыше 106, река (jokk) — около 70, пролив (tshoalm) — около 40 и т. д. Ландшафтная лексика: гора (vaar — vaara — vaarash) — свыше 300, мыс (njarg) — свыше 90, сельга (tshielj — tshielgash) — около 50, вершина (oajv — oajvash) — около 50, гряда (moorast) — свыше 25. Лексика фауны: окунь (vuask) — 17, лебедь (njuhtsh) — 11, гусь (tshuen) — 11, кумжа (kuudsh) — 9, медведь (kuobdsh) — 7, сиг (tshuudsh) — 6. Лексика флоры: береста (peäss) — 13, камыш (guokk) — 12, ель (kuoss — kuossash) — 9, сосна (pieds) — 6. Лексика, обозначающая объекты человеческой деятельности: вежа (kuada) — 20, амбар (aitt) — 16, коптильня (ard, aredd) — 6, забор для оленей (agges) — 12. Лексика, относящаяся к религии и верованиям: святой (pass) — 10, монах (söörnets «чернец») — 7, икона

(kaavas) — 5, черт (tshörm) — 4. Особенно употребительна в образовании топонимов отантропонимическая лексика (около 90). В условиях родового владения саамов рыбными угодьями собственные имена стали важным фактором идентификации названий мест. Около 6% от всего состава топонимной лексики занимают компоненты топонимов, не поддающиеся этимологизации, т. е., по всей вероятности, субсубстратные основы. Большое место занимают топонимы с частотностью употребления от 2 до 4. По одному разу употребляются либо фонетические варианты лексем, либо лексемы, иллюстрирующие своеобразие мотивации.

Прилагается Алфавитный регистр саамской топонимной лексики (см. Приложение 1).

Как уже указывалось, создание непротиворечивой семантической классификации топонимной лексики связано с определенными трудностями. Принятая нами классификация понятий по Р. Халлигу и В. Вартбургу в целом удовлетворяет поставленной задаче. Вместе с тем, с учетом специфики топонимной лексики как особого класса по отношению к апеллятивной, возникла необходимость уточнения данной классификации в целях соответствия собственно топонимическим задачам. Так, в указанной классификации глаголы, помимо рубрики В151 «Движения и действия», были разбросаны по другим семантическим классам в соответствии с их семантикой. Нами все глаголы, в какой бы форме они ни выступали в топонимии (причастие, отглагольное имя и пр.), объединены в рубрику В151 «Движения и действия». Как было отмечено, топонимы с глагольными формами образуют структурно особый класс. Таким образом, структурная классификация в известной степени коррелирует с семантической.

Аналогичная ситуация обстоит с выделением прилагательных. В классификации Р. Халлига и В. Вартбурга различные прилагательные в зависимости от семантики были рассредоточены по соответствующим семантическим классам. Так, прилагательное «большой» входит в рубрику В121 «Тело и части тела», прилагательное «глухой» — В131 «Органы (человека)», прилагательное «холодный» — В181 «Потребности человека: еда, питье и т. д.» Такое положение объясняется в значительной степени не изъянами классификации (вернее, не только изъянами), а многозначностью слова. Острыми могут быть и 'нож' и 'гора', холодными бывают и 'суп', и 'ручей'. Только контекст придает слову «однозначность». Поэтому лексика, употребляемая в топонимии (пусть звучит это тавтологично), имеет «топонимную» направленность, т. е. она отражает признаки географических объектов.

В принципе создать непротиворечивую классификацию невозможно. Каждая классификация в известной мере условна. Для топонимной лексики предложенная классификация, по нашему мнению, наиболее оптимальна, так как каждая лексема семантически находит в ней свое наиболее точное место. Кроме того, рубрикация составлена таким образом, что позволяет любому новому слову найти свою семантическую нишу. Классификация позволяет также (в случае необходимости уточнения) перемещать отдельные лексемы в другие классы без нарушения общей системы.

Обработанный для компьютера массив саамской топонимии позволил выделить корпус топонимной лексики (около 850 с фонетическими вариантами). Характер выделенной лексики позволил несколько скорректировать предложенную классификацию. Так, например, были введены рубрики «Прилагательные», «Этнонимы и антропонимы» и другие.

С учетом специфики топонимной лексики и соответствующих дополнений Ономаσιологический словарь приобрел следующий вид:

А ВСЕЛЕННАЯ

A111 Небо и небесные тела

A121 Погода, ветер, состояние атмосферы

A211 Воды, моря и реки

A221 Ландшафт и полезные ископаемые

A311 Растительная жизнь вообще

A321 Деревья, общие сведения

A322 Деревья лесные

A323 Ягоды

A351 Растения и кустарники

A352 Цвета

A411 Домашние животные

A412 Полевые и лесные животные

A421 Птицы

A431 Рыбы

A441 Насекомые, членистоногие, рептилии, земноводные

В ЧЕЛОВЕК

B111 Общие сведения

B121 Прилагательные

B131 Органы, части тела

B151 Движения и действия

B161 Здоровье и болезни

B171 Человеческая жизнь в общем

- V181 Потребности человека: еда, питье
- V182 Одежда и туалет
- V221 Чувства, мораль
- V321 Сельское хозяйство, оленеводство
- V351 Ремесла, профессии
- V352 Производство хлеба
- V353 Охота, рыбная ловля
- V354 Работа в лесу, обработка дерева
- V356 Ткани и обувь
- V371 Постройка, жилище
- V372 Посуда, домашняя утварь
- V374 Населенные пункты, поселения
- V381 Дорога, транспорт
- V412 Семья, родство
- V421 Онимы (этнонимы, антропонимы)
- V521 Религия, верования
- С ЧИСЛО, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ
- C111 Число и количество
- C211 Пространство и пространственные отношения
- C311 Время и временные отношения
- 0000 Неэтимологизируемые (происхождение неизвестно)

В процессе обработки лексического материала (компоненты топонимов) компьютер выдал разбиение топонимной лексики по семантическим полям в соответствии с предложенной структурой Ономасиологического словника: Вселенная; Человек; Число, пространство, время; Неэтимологизированная лексика.

Представленный перечень компонентов саамской топонимной лексики можно сравнивать с топонимией регионов бывшего расселения саамов. Таким образом, в орбиту исследователя поступает огромный материал. Научкой уже определены пласты саамской апеллятивной лексики, в том числе субстратной, финно-угорского и прибалтийско-финского происхождения, а также заимствованной из балтийских и германских языков. Перечень представленной топонимной лексики может служить индикатором для выявления саамской субстратной лексики в регионах бывшего расселения саамов.

В целях удобства пользования Ономасиологическим словником перевод саамских топонимных лексем на русский язык дан в алфавитном порядке. Это, во-первых, позволяет найти необходимое понятие, выраженное той или иной лексемой. Во-вторых, алфавитный регистр позволяет четко выделить лексическую синонимию

в саамской топонимной лексике. Например, понятие «амбар» может быть выражено лексемами *aitt*, *ambarni* (рус. заимств.), *lautash* (сооружение на одном столбе-«ноге» для хранения мяса, рыбы и пр.), *luevv* (тоже сооружение на одном столбе для хранения продуктов), *njoll*, *njollo* (амбар на одном столбе для хранения продуктов), *laat* (амбарчик на одном столбе). Разные виды льда имеют свои названия, например: *jieng*, *ots* (лед на дороге), *tshest* (наледь у проруби). В зависимости от пола, возраста, масти в топонимной лексике выявляется до 15 названий оленя. О различных названиях гор и возвышенностей в зависимости от рельефа, конфигурации, наличия растительности было уже сказано.

Список понятий саамской топонимной лексики дается в Приложении 2 «Алфавитный регистр понятий на русском языке саамской топонимной лексики».

Выборки по структуре и семантике

Предложенная структура описания грамматических и семантических признаков топонимов позволила делать различные выборки по их отдельным свойствам. Семантическая идентификация топонимных лексем позволила выявить обобщенные семантически классы лексики, участвующей в топонимообразовании.

Из всего массива топонимной лексики (около 850 лексем) свыше 50 компонентов оказались не поддающимися этимологизации, так называемая субстратная лексика. Наиболее употребительными из них являются: *njahtsh* (6 раз), *tsuossash* (6 раз), *per* (5 раз). Весь массив неэтимологизированной лексики составляет 95 словоупотреблений. В предыдущем разделе мы упомянули наиболее часто встречающиеся в саамской топонимии лексемы. Эти лексемы составляют как бы основу национальной топонимии. Наряду с высокими по частотности топонимообразующими лексемами на основе «Семантического тезауруса» можно выделить приоритетные по числу топонимных лексем семантические классы. В саамской топонимии к такому классу принадлежит «Воды, моря и реки», насчитывающий (с фонетическими вариантами) около ста лексем, наиболее употребительными лексемами данного класса (помимо упомянутых выше) являются *kuoshk* 'водопад' — свыше 30, *jörng* 'плес (на озере)' — 8, *keynges* (*keyngsash*) 'водопад' — 9, *lusm* 'исток реки из озера' — 6, *tshoalm* 'пролив' — свыше 30. Класс «Ландшафт и полезные ископаемые» содержит свыше 80 лексем, наиболее часто

употребляемые — *suelo* 'остров' — свыше 70, *gaut* (*ruud*) 'железо' — свыше 10. Третьим по численности является класс лексики «Этнонимы, антропонимы», насчитывающий свыше 80 словоупотреблений.

Возможности компьютера позволяют не только проводить различные выборки по топонимной лексике, но и выявлять структурные и значимостные особенности топонимов.

Синтаксические конструкции. В образовании топонимов принимают участие именные, адъективные, глагольные и аналитические конструкции, или, выражаясь несколько иначе, в топоним «встроены» указанные конструкции.

Подавляющее большинство топонимов представляют собой именные конструкции, т. е. существительное + существительное. Этот способ образования сложных слов является преобладающим и на апеллятивном уровне.

Значительное место в саамском топонимиконе занимают адъективные конструкции — прилагательное + существительное. Из списков топонимов они легко извлекаются. Наиболее часто употребляются прилагательные *kukkes* 'длинный' (7 раз), *raij* 'верхний' (24 раза), *odd* 'новый' (16 раз), *jonn* 'большой' (21 раз), *uts* 'маленький' (24 раза), *vuell* 'нижний' (15 раз), *koshk* 'сухой' (30 раз), *vilgis* 'белый' (4 раза), *tuolb* 'круглый' (4 раза), *tshingalas* 'глубокий' (20 раз).

Приведем названия объектов, определяемые перечисленными прилагательными (название объектов с одним и тем же определением могут повторяться; мы приводим лишь по одному примеру).

Kukkes: *Kukkesluobbal* (*luobbal* 'проточное озеро'), *Kukkesluht* (*luht* 'залив'), *Kukkesjauros* (*jauros* 'озерко'), *Kukkesjaur* (*jaur* 'озеро').

Paij: *Paijkotshas* (*kotshas* 'широкий плёс'), *Paijjaur*, *Paijluobbal*, *Paijjaurash*. Иногда употребляется сравнительная степень *raij* — *raiba* 'повыше': *Raibanjarg* (*njarg* 'мыс'), *Raibajaurash* (*jaurash* 'озерко').

Vuell: *Vuelljaur*, *Vuelluobbal*.

Odd: *Oddjaura*, *Oddjaurash*.

Jonn: *Jonnvaarr* (*vaarr* 'гора'), *Jonnuedshkash* (*uedshkash* 'лысый', метафорично о горе), *Jonntshoalm* (*tshoalm* 'пролив'), *Jonnluobbal* (*luobbal* 'проточное озеро'), *Jonnlakk* (*lakk* 'вершина'), *Jonnjegge* (*jegge* 'болото').

Koshk: *Koshkjaurash*, *Koshktshoalm*, *Koshkriuttik* (*riuttik* 'олень-самец'), *Koshkluobbal*, *Koshkluht*, *Koshkjaur*, *Koshkkuoshk* (*kuoshk* 'водопад').

Vilgis: *Vilgisjokk*, *Vilgisjaur*.

Tshingalas: Tshingalasluobbal, Tshingalasluht, Tshingalasjaur, Tshingalasjegge.

Сложнее обстоит дело, когда прилагательные «встроены» в двух- и трехкомпонентные топонимы, т. е. при образовании трех- и четырехкомпонентных топонимов. Фундаментальный принцип прибалтийско-финских, саамских, шире говоря, уральских топонимов — дихотомия — бинарность их построения (определяющая часть и определяемая); детерминант в конкретных саамских топонимах с определяющей частью прилагательного получает конкретное разрешение в зависимости от семантики слагающих его компонентов. Вопрос о том, выступает ли прилагательное в качестве определения детерминанта топонима или последующего за прилагательным имени (составляющего часть определения), зависит от совокупности факторов. Важнейшими из них являются семантическая «совместимость» лексем между собой или их мотивированность, с одной стороны, и регулирующее воздействие сложившейся топонимной системы определенного ареала — с другой. Так, например, в русском языке прилагательное «зубной» может сочетаться с существительными «нерв», «боль», «порошок», «щетка»; прилагательное «зубовный» — с существительным «скрежет»; существительные «рот», «кит», «бычок» могут принимать прилагательное «зубатый». В саамском топониме Raaskeljogg (raas + kuell + jogg) прилагательное raas 'плохой' может служить определением к слову kuell 'рыба', но не может определять слово «река». В саамской топонимии в качестве детерминанта в двухкомпонентных топонимах jogg 'река' встречается свыше 50 раз. Однако определение raas 'плохой' отсутствует. (О выборках по детерминантам см. ниже.) Еще пример. В топониме Jonnjeggevaar прилагательное jonn относится к слову jegge, так как имеется топоним Jonnjegge (букв. «Большое болото»). В приведенных примерах прилагательные raas, jonn относятся не к детерминанту, а к слову в составе атрибута. С другой стороны, имеются топонимы, когда прилагательное определяет детерминант, например, в топониме Koshkruudjaur (koshk 'сухой', ruud 'железо') прилагательное koshk определяет словосочетание ruudjaur, поскольку имеется топоним Ruudjaur. Таким образом, в зависимости от совокупности семантических связей прилагательного с другими компонентами топонима и влияния топонимной системы возможны две модели соотношения компонентов топонима, составляющих определяющую часть и детерминант топонима.

Отглагольные конструкции по сравнению с адъективными менее употребительны. В двухкомпонентных топонимах отглагольное имя

функционирует в качестве определения: Komnatemjaur (komnatem 'опрокинуться'), Mutretemjaur (mutretem 'чинить'), Nollsemluobbal (nollsem 'чинить'), Nuettemjaurash (nuettem 'неводить'), Ponnjalemjaur (ponjalem 'вить'), Reslatemvaar (reslatem 'хлестать'), Riettamjaurash (riettam 'рвать'), Suukkamtsuhoalmash (suukkam 'гребсти'), Tshuoppomluobbal (tshuoppom 'резать'), Tuorbamluobbal (tuorbam 'шугать рыбу'), Vaddslemjaur (vaddslem 'уходить'), Velhemluht (velhem 'качать лодку'), Kiessetemtshohka (kiessetem отрицательное отглагол. имя от kiesse 'тянуть', tshohka 'гребень горы'). Как видно из приведенных примеров, подавляющее большинство отглагольных конструкций именует водные объекты, где отглагольное имя выступает в топониме в качестве определяющей части.

В трехкомпонентных топонимах определяющая часть топонима состоит из двух компонентов — отглагольного имени и имени существительного. Имя существительное выполняет функцию либо субъекта, либо объекта при отглагольном имени. Приведем примеры: Piennariehkomvaarr (ср. pienna 'собака', riehkom 'бить', букв. «Собаки битья гора»), Kuappeltshieggatollamoorast (ср. kuappel 'куропатка', tshieggatollam 'бросать', moorast 'гора'), Marjriekkomsuelo (ср. Marj 'Мария', riekkom 'битие', suelo 'остров'), Mooseleudiemtuoddar (ср. Moose 'Моосе', leudiem 'петь', tuoddar 'гора безлесная'), Piennapossomluobbal (ср. pienna 'собака', possom 'мыть', luobbal 'озеро проточное'), Juelgtshuppomvaarr (ср. juelg 'нога', tshuppom 'резать'), Piedsvuetkimkuorbash (ср. pieds 'сосна', vuetkim 'соскребаение, скребок', kuorbash 'пожог'), Peässloddemvaarr (ср. peäss 'берега', loddem 'снимать'), Kiurelnjuikkamnjunn (ср. Kiurel 'Киурель', njuikkam 'прыгнуть', njunn 'нос'), Kashpoaldemvier (ср. kash 'женщина', poaldem 'гореть', vier 'скала').

Ко второму типу трехкомпонентных отглагольных конструкций относятся случаи вторичной онимизации, когда двухкомпонентные отглагольные топонимы превращаются в определяющую часть трехкомпонентных, например: Nuettemjauraoaij (ср. nuettem 'неводить', oaij 'ручей'), Tshuoppomluobbaljaurös (ср. jaurös 'озерко'), Tuorbamluobbalmuetsk (ср. muetsk 'перешеек').

Четырехкомпонентные отглагольные топонимы представляют собой либо последующую онимизацию трехкомпонентных, т. е. трехкомпонентный топоним становится определяющей частью четырехкомпонентного, например: Uesskötskomjauraoaij (ср. uess 'теленка', kötskom 'тонуть', oaij 'ручей', букв. «Ручей озера, где утонул теленок»), либо определяющая часть четырехкомпонентного топонима является развернутой аналитической конструкцией с

тремя компонентами, например: Kaaptshalmpossamnjarg (ср. Каап 'Каап', tshalm 'глаз', possam 'мыть', njarg 'мыс', букв. «Мыс, где Каап мыл глаза»).

Аналитические конструкции, т. е. имена с послелогоми и предлогами в составе топонимов, встречаются крайне редко, например: Tshuodekjaurash (ср. tshood 'через'), Toaresmoorast (ср. toares 'поперек'), Kiekkvaarvualgashvaar (ср. kiek 'кукушка', vaar 'гора', vualgash 'внизу', букв. «Гора, находящаяся внизу кукушкиной горы»), Virrtuagashjaur (ср. virr 'склон, хребет', tuagash 'позади', букв. «Озеро позади склона»).

Атрибут. Лингвистический феномен становления саамского топонима, как, впрочем, и прибалтийско-финского, на это уже указывалось, состоит в том, что он четко разграничен на две части — атрибут и детерминант. Детерминант обозначает род, вид объекта, в то время как атрибут служит определением детерминанта, т. е. характеризует объект. Апеллятив же, будь это и сложное слово, выражает как бы единое понятие, даже в тех случаях, когда компоненты сложного слова в смысловом отношении четко выявляются. В этом, на наш взгляд, состоит еще одно из существенных различий топонима и апеллиатива.

Структурно топоним, как было видно из предыдущего, может состоять из большего числа компонентов (элементов). В структуру топонима могут входить лексически значимые слова, слова, потерявшие внутреннюю форму, т. е. значение, суффиксы, топоформанты. В этой связи интересно было бы проанализировать соотношение частей и компонентов топонима в различных по структуре топонимах, выявить, как распределяется в соответствии с назначением частей топонима (детерминанта и атрибута) в количественном и качественном отношениях лексика, участвующая в топонимобразовании. Количественно лексика детерминантов конечна, поскольку обозначает предназначенные (не все! Их значительно больше) для именования объекты. И хотя объектов в природе также бесконечное множество, человек в силу целесообразности для ориентации на местности отбирает некоторые из них. Выбор объекта для названия зависит от многих причин: хозяйственная деятельность, пространственная ориентация, специфика ландшафта, традиции топонимного образования. Таким образом, список объектов наименования в известной мере конечен. Соответственно лексика детерминантов в известной степени адекватна в количественном отношении списку именуемых объектов. Так, в рассматриваемом массиве топонимов выявлено около 90 лексем, функционирующих в качестве детерминантов.

Количество лексем, участвующих в образовании атрибутов топонимов, несоизмеримо больше. Тот факт, что однотипные объекты (гора, река, озеро, губа и пр.) в пределах определенного пространства можно выделить только с помощью различных атрибутов, сразу увеличивает количество определений. Можно сказать, что в атрибутах наличествует весь спектр семантического тезауруса лексики. В атрибуте, по существу, сливается практический опыт и хозяйственная деятельность человека, религиозные и мифологические представления, образность и метафоричность языка и многое другое.

Какие же конкретно семантические классы лексики участвуют в выражении атрибута топонима? Перечислим некоторые из них, наиболее употребляемые, когда один и тот же атрибут является определением к различным детерминантам.

A121 Воды, моря и реки: Lusmkuoshk, Lusmvaar (3 раза), Neshkejorng, Neshkekuoshk (3 раза), Suelojaur, Suelojaurash, Suelokuoshk (3 раза).

A221 Ландшафт и полезные ископаемые: Paakkikuorbash, Paakkioaij, Paakkioaiv, Paakkivödd; Pahtjaur (2 раза), Pahttsuhoalm (2 раза); Rautjaur, Ruudnjarg, Ruudtsheelj, Ruudvaar; Vuoddeskuoshk, Vuoddesluht (2 раза).

A311 Растительная жизнь вообще: Ruokkjaur, Ruokkjaura, Ruokkjaurash (2 раза); Ruokkjokk, Ruokkmatts (2 раза), Ruokknjarg, Ruokkvaarr.

A322 Деревья лесные: Kuasskuoshkash, Kuassvaarash, Kuossashvaar, Kuosssuelo (2 раза); Piedsjaur, Piedsvaarr, Piettsnjarg; Suarvjaur (2 раза), Suarvnjarg, Suarvvaarr.

A412 Полевые и лесные животные: Kuobdshjaurash, Kuobdshjokk, Kuobdshoaiv; Maijjaura, Maijjege, Maijjokk; Sörvesjaure, Sörvesjaurash, Sörvesjokk, Sörveskueds, Sörvesnjarg, Sörvestshielgash; Tsheäuresjaur (2 раза), Tsheäuresjaurash (2 раза), Tsheäuresjorng, Tsheäuresnjavvash, Tsheäuresnjunn; Uessvaarr (3 раза); Vuenjeljaurash (2 раза), Vuenjelnjargash, Vuenjeloavash. Как видно из примеров, при данном атрибуте детерминант стоит в диминутивной форме.

A421 Птицы: Karnesluht, Karnesvaarash, Karnsjaur; Kuaskemjegge, Kuaskemjokk, Kuaskemvaarash, Kuaskemvödd; Njuhtshjaurash, Njuhtshelvash, Njuhtshjokk, Njuhtshluobbal (3 раза), Njuhtshnjarram; Reppjaur, Reppjokk, Reppluht; Tshuhtshjaurash (2 раза), Tshuhtshjegge, Tshuhtshkadd, Tshuhtshvaarr (3 раза).

A431 Рыбы: Njukkesjaura, Njukkesjaurash (3 раза); Vuaskjaur, Vuaskjaurash, Vuaskjokk (2 раза), Vuaskoaiv, Vuasksuelo, Vuasktsheelj, Vuaskvaarash.

A441 Насекомые, членистоногие, рептилии, земноводные: Tsuabbjaur, Tsuabboaiv, Tsuabbvaarr.

B121 Прилагательные: Oddjaura, Oddjaurash (6 раз), Oddluht, Oddkuorbash; Kukkesjaur (2 раза), Kukkesjaurash, Kukkesluht (2 раза), Kukkesluobbal.

B182 Одежда и туалет: Piltjaura, Piltjauros, Piltkjaurash, Piltknjarg, Piltvaarash; Puhsjaur, Puhsjokk, Puhsluht; Shamshnjarg, Shamshvaarr, Shamshporre.

B321 Сельское хозяйство, оленеводство: Labdshjaur, Labdjaurash, Labdshjokk, Labdshjoogash, Labdshtshielgash; Saudssuelo (4 раза); Tshoarvjegge, Tshoarvkard (2 раза), Tshoarvluobbal (2 раза), Tshoarvnjarg, Tshoarvvuätsh; Palgasjegge, Palgastshoalmash, Palgasvaar (2 раза), Palgasluobbal, Palgasluobbalash, Palgasnjarg (2 раза), Aggesluht, Aggesoaiv, Aggestshielj; Ardnjarg, Ardsuelo.

B353 Охота, рыбная ловля: Pielbjaur, Pielbjokk, Pielbluobbal (2 раза), Pielbvaarr; Vöönasjaurash, Vöönaskuorgasch, Vöönasnjarg.

B521 Религия, верования: Passekuoshk, Passluht, Passnjarg, Passvaarr (2 раза); Söörnetssuelo (2 раза), Söörnetstshoalam (2 раза).

C211 Пространство и пространственные отношения: Paijjaur, Paijjaurash (2 раза), Paijkotshas, Paijjaan; Vuelljaur, Vuellkotshas, Vuell-luobbal, Vuell-luobbalash.

Иногда в атрибуте употребляются лексемы, потерявшие внутреннюю форму, т. е. не разгаданные этимологически.

0000 Субстратные топонимы: Njahtshjokk (финское соответствие Nautsijoki), Njahtshjaur, Njahtshluobbal (фин. Nautsilompolo), Njahttschsaav (фин. Nautsisuvanto); Pepjaur (фин. Pippojärvi) (2 раза), Papjokk, Pepluobbal, Peptshielj.

Как видно из приведенного списка, наиболее употребительными лексемами, служащими для выражения атрибута, являются лексемы семантических классов: Ландшафт и полезные ископаемые; Полевые и лесные животные; Птицы; Сельское хозяйство. Лексика атрибутов, таким образом, характеризует не только особенности ландшафта, флоры и фауны края, но и круг занятий саамов.

Детерминант. Поскольку лексика детерминантов обозначает виды объектов, в общем объеме топонимной лексики она составляет меньшую часть. Частотность употребления каждой лексемы, естественно, зависит от наличия номинируемых (вернее, необходимых для номинации) объектов. Приведем по убывающей десять наиболее употребляемых в качестве детерминанта топонима лексем:

jaur — 174, диминутивные формы jaura — 19, jaurash — 179; фонетические варианты — jaure — 2, jaurös — 4;

vaarr — 205, диминутивные формы vaarash — 70, vaara — 1; фонетический вариант — vaar — 65;

luht — 98, диминутивная форма luhta — 1, отсутствие диминутивных форм можно объяснить тем, что для залива большей величины употребляется лексема vuerpi;

njarg — 88, диминутивная форма njargash — 1;

luobbal — 74, диминутивная форма luobbalash — 12;

jokk — 64, диминутивная форма joogash — 6; фонетический вариант jok — 1;

suelo — 54, диминутивные формы suellagash — 9, suelash — 1;

tshielj — 43, диминутивная форма tshielgash — 10;

oaiv — 33, диминутивная форма oaivash — 14;

kuoshk — 31, диминутивная форма kuoshkash — 3;

tshoalm — 23, диминутив tshoalmash — 5.

Для сравнения можно привести употребляемость этих лексем при выражении детерминанта в двухкомпонентных топонимах (определение + детерминант):

jaur — 126, диминутивные формы jaura — 18, jaurash — 143;

vaarr — 128, диминутивная форма vaarash — 40;

luht — 77;

njarg — 66, диминутив njargash — 1;

luobbal — 63, диминутив luobbalash — 11;

jokk — 55;

suelo — 46;

kuoshk — 22, диминутив — 3;

tshoalm — 20, диминутив tshoalmash — 4.

При номинации водных объектов диминутивные формы предпочтительнее употребляются при двухкомпонентных топонимах.

Алфавитный регистр лексем, употребляемых в качестве детерминантов, их фонетические варианты и частотность употребления.

aalad 'склон горы, ровный' — 1, aredd 'коптильня' — 1, jaan 'большая река' — 1, jaur 'озеро' — 174, jaura 'озерко' — 19, jaurash 'озерко' — 179, jaure 'озерко' — 2, jaurös 'озерко' — 4, javvash 'мука' (дим.) — 2, jegge 'болото' — 36, jok 'река' — 1, jokk 'река' — 64, joogash 'река' (дим.) — 6, joonash 'река' (дим.) — 1, jörng 'плес' — 7, kaartsek 'граница' — 1, kadd 'место возвышенное' — 1, kaidash 'перешеек' — 2, kallagash 'брод' — 1, kalli 'скала' — 1, kard 'забор' — 2, kargash 'земля болотистая' — 1, keynges 'водопад' — 2, keyngsash 'водопад' (дим.) — 1, kiedge 'камень' — 4, kietshe 'конец' — 2, kosk

'центр' — 1, kotshas 'плес' — 2, kueds 'выпуклость горы' — 8, kuedshkash 'гора ровная' — 1, kuorb 'пожого' — 1, kuorbash 'пожого' (дим.) — 16, kuorbshash 'пожого' (дим.) — 1, kuorg 'отмель' — 2, kuorgash 'отмель' (дим.) — 1, kuoshk 'водопад' — 31, kuoshkash 'водопад' (дим.) — 3, kuur 'долина, ущелье' — 2, laagash 'вершина' (дим.) — 1, labbash 'баран' — 1, lakk 'вершина' — 2, lanj 'лес густой' — 1, luht 'залив' — 98, luobbal 'озеро проточное' — 98, luobbalash 'озеро проточное' (дим.) — 12, matts 'излучина' — 7, moorast 'гряда, гора' — 20, muetk 'перешеек' — 4, njalm 'устье' — 2, njarg 'мыс' — 88, njargash 'мыс' (дим.) — 2, njavv 'стремнина' — 3, njunn 'мыс, нос, выступ' — 5, njuorg 'пролив' — 1, nuetsk 'ложбина' — 2, oaij 'ручей' — 24, oaiv 'вершина' — 33, oaivash 'вершина' (дим.) — 14, raakkash 'гора' (дим.) — 2, raht 'обрыв' — 1, partsh — 1, pautash 'обрыв' (дим.) — 1, piell 'половина' — 1, poht 'сужение в реке?, основание залива' — 1, poorre 'пологий холм' — 2, redd 'берег' — 4, riidash 'берег' (дим.) — 1, roavv 'бор сосновый' — 2, saav 'плес' — 2, saij 'место' — 8, sijd 'село' — 3, suelash 'остров' (дим.) — 1, suellagash 'остров' (дим.) — 9, suelo 'остров' — 54, talt 'место для охоты' — 1, tierm 'горушка, обрыв' — 1, tshielgash 'сельга' (дим.) — 10, tshielj 'сельга' — 43, tshoalm 'пролив' — 23, tshoalmash 'пролив' (дим.) — 5, tshohka 'гребень горы' — 1, tuibal 'гора маленькая?' — 1, tuoddar 'гора безлесная' — 2, vaar 'гора' — 6, vaara 'гора' — 1, vaarash 'гора' (дим.) — 70, vaarr 'гора' — 205, vash 'кустарник, лес густой' — 2, vashash 'кустарник, лес густой' — 1, vei 'ручей?' — 1, vielm 'пролив' — 4, vier 'песчаная гряда' — 1, vierash 'песчаная гряда' — 1, vierr 'песчаная гряда' — 4, vuaiv 'вершина' — 1, vuaivash 'вершина' (дим.) — 1, vuash 'хвощ' — 1, vuätsh 'узкая полоска болота' — 2, vuerppi 'залив' — 6, vuip 'залив' — 1, vuoddas 'песчаник' — 1, vuoddes 'песчаник' — 1, vöödd 'гора (голая вершина)' — 18, vöödash 'гора, голая вершина' (дим.) — 1.

Атрибуты при одном детерминанте. Количество лексем, образующих определение, по существу безгранично, численность же лексем, участвующих в образовании детерминантов, до известной степени ограничена. При наличии большого количества однотипных географических объектов на определенной территории номинатору приходилось находить языковые средства для отграничения данного объекта от себе подобных. В процессе номинации не только проявлялась изобретательность номинатора, но и раскрывались богатейшие лексические ресурсы языка. Приведем примеры употребления лексем для выделения различных типов определений

в двухкомпонентных топонимах при номинации наиболее часто встречающихся объектов.

jaur озеро

aadda, algash, atslem, gorsek, hooma, Jilep, jiv, kaavas, karn, karns, keidge, kelka, kiapnes, kiedge, kiek, kielgas (2 паза), kiepsha, kiest (2 паза), koallam, koj, kolgmas, komnateal, koolosh, koshk (3 паза), koskma, kotshe, kuallash, kueps, kukkes (2 паза), kuodsher, kuord, kuorg, kuotes, kuots (2 паза), kuotsem, labb, labdsh, laim, last, leava, loun, madsash, mutretem, neaskim, nevvash, nollesh, paht (2 паза), paj (2 паза), palka, pard, passe, pep (2 паза), peds, pielb, ponajalem, puhs, puldshik (2 паза), ratktak, rann, raut, reks, repp, riuttik, rosh, ruhl, ruokk, ruossel, sallaga, savvel (2 паза), sijd, solksha, suarv (2 паза), suelo, suurup, toartes, tsheäures (2 паза), tshiehtsh, tshingalas, tshoalmi (2 паза), tshuenj, tshuer, tshuörvash, tshuudsh, tshäggis, tshölm, tsuab, uomar, urr, vadslem, valk, vallo, vash, vatts, vekretem, vernis, vielg, vilgis (2 паза), vipshek, vuadd, vuash, vauask, vuell, vuenni, vuiernis, vuolle, vuollu, vöest. Примечательно, что при детерминанте **jaur** 'озеро' отсутствуют атрибуты с обозначением личных имен, — свидетельство того, что озеро (большое) не могло принадлежать одному человеку (семье).

jaura 'озерко'

ald, Eiev, jier, kuelli, kuudsh, maij, Miket, milges, njukkesh, odd, paalak, pienna, ruokk, selg, sehrem, tshappes, tshoalmi, virr.

jaurash 'озерко'

aij (2 паза), amlak, Aunja, Egla, Featsi, hosik, Huotra (2 паза), iidte, Jakk, jeedesh, jieng, jock, jonned, kaig, kalsa (3 паза), kark, karned, karsk, karts, kash, kask, keb, kerts, kietk (2 паза), koddi, kok, korp, koshk (8 паз), koudsher, kuatsem, kubri, kukkes, kuobdsh, kuolngas, kuorbash, kuudsh (5 паз), Kärts, kööds, Laarik, Leventi, Makra, malkk, Mall, Marna, Marf, moodi, njuhtsh, njukkesh (3 паза), nuettem (2 паза), odd (7 паз), Ohnas, olk, Ontas, Osek, paiba, paj (2 паза), passel, pelts, pilt (2 паза), pomme, purn (2 паза), pörrt, rant (2 паза), raps, riettam, Riiko, riis, ruokk (3 паза), sagorn, saitt, sauj, savvel, seass, Soll, suelo (2 паза), sörves, tarkat, Timashk, tohti (2 паза), tors, Treffel, tressel, tsheäures (2 паза), tshielj, tshoares, tshuenj, tshuhtsh (2 паза), tshörm, tsuik, ulk, ump, utts (2 паза), uttsem, vaassem, vatts, velm, vihts, vuask, vuenjel (2 паза), vueshn, vuoto, vöönas. Как видно из примеров, при детерминанте **jaurash** 'озерко' довольно часто встречаются в качестве атрибута собственные имена.

vaarr 'ropa'

Aadar, aitt (2 paza), algash, Aunja, huonös, höppi, Illep, jahst, jieng, jiv, jonn (2 paza), kaavas, kaid, kalla, kalli (3 paza), kannesh (3 paza), kard, karts, keimes (3 paza), keyngsa, kiedes, kiedge, kiekk, kielges, kietke, kodd, kolgmas, komnatem, Kontrat, koolosh, koskh, kotlo, kresto, kualv, kueps, kuoss (2 paza), kuossash, kurnik, Kärts, Laarik, labb, laani, leptösh, Leuk, lohtsa, lueikkem, lusm (3 paza), matts, messhe, metlöttem, muerji, muetke (2 paza), neshke, njannam, njarg, njollom, nollesh, oranj, palgas (2 paza), pass (2 paza), peäss, peds, pielb, porshek, purn, puur, pört, raun, reslatem, runni, ruokk, ruud, saarek, shamsh, sharde, shiugh, siuresh, suarv, suein, suhs, supp (3 paza), sörv (2 paza), toartes, torrk, tshiure, tshokkal, tshuenj, tshuhtsh (5 paz), tshäggis, tshöhtsh (2 paza), tsitts, tsuabb, tuolb, uess (3 paza), ughem, urmik, vaassem, valge, vallo, vash, vatts, veddel, velhem, veska, vietka, vipshka.

vaarash 'ropyшка'

aanad, aijek, auje (2 paza), Ei, Elna, hutt, jiert, kalli, karbas, karnes, kuaskem, kuass, kuorbash, kuud, laid, lueva, Maal, muetke, nallom, peäss, pilt, podgovari, reud, riss, roats, sluud, tarkat, tshokk (2 paza), tshörm, tsuossash, Vaassel, valpeala, vart, vuadanj (2 paza), vuask.

luht 'залив'

aanad, agges, aki, ambarni, anj, jonn, jui, kaiji, kapper, karjal, karnes, Kaurel (2 paza), kein (2 paza), kiepsha, klennai, kodd, Kontrat, koskh (3 paza), kuesh, kukkes (2 paza), kuorva, lahts, laid, leakk (2 paza), lutsh, lutshka, mostka, njoll (3 paza), odd, orb, parr, pashm, pass, pastem, peäsk, pidd, pooras, puerr, puhs, pörtt (3 paza), reig, repp, runn, sallaga, solksha, Tan, tshesh, tshingalas (3 paza), tshuai, tshöhtsh, tulb, tuolb, uure, valk, velhem, veshka, vitsk, vueresh, vuoddes (2 paza), vödka, vödd, örtas.

njarg 'мыс, полуостров'

aanad, ahsh, ard, aud, irsä, jatmosh, jaurös, jorng, jui, juovv, kaidash, kars, kessek, kodd (2 paza), koovas, koss (2 paza), kuada, kuorbash (2 paza), kuoss, kootskad, kushker, latmosh, ord (2 paza), Paaval, paiba, palgas (2 paza), partsh, pass, puur, Reig, repp, ruokk, rush, ruud, sallaga, Semman, shamsh, shokk, shoshn, siennek, Solla, Spera (2 paza), suarv, sörves, tshoarv, tshuatts, Usten, velba, veshla, vöönas, äälle, örtas.

luobbal 'проточное озеро'

aakan, aanarash (2 paza), algash, Aunja, Elna, jonn (2 paza), kiedge, kiej, kiest, koskh (2 paza), kuatt (2 paza), kuattes, kuatts (2 paza), kukkes, kuorbash, luon, meuk, moka (2 paza), neib, njannam,

njahtsh, njuhtsh (3 паза), nollsem, oim, paij (2 паза), palgas, pard, patsa, pep, pielb (2 паза), puads, purn, sarg, selg, shakki, sharr, shetkash, soart, tshäggis, tshappes, tshingalas (2 паза), tshoarv (2 паза), tshuerlem, tshuoppom, tub, tuorbam, uaivash, uk, vekretem, vuell.

luobbalash 'проточное озеро' (дим.)

ahsh, kobb, koshk, manj, paimas, palgas, raun, utts (2 паза), vuell, vöng.

jokk 'пека'

algash, grebna, jauri, jieng, jiv, kalla, karn, karns, keb, kelka, kiapnes, kiedge (3 паза), kiest, koallan, kobb, kodd, koijl, kolgmas, koolosh, kuallash, kuanj, kuaskem, kuobdsh (2 паза), labdsh, loun, lueva, maij, maun, nevvash, njannam, njahtsh, njuhtsh, ores, pastem, peastam, pep, pielb, pothklas, puhs, repp, runni, ruokk, sallaga, sörves, tshuerlem, tshuorve, tshäggis, vilgis, vuask (2 паза), vöhs.

suelo 'остров'

aitt (10 паза), ard, Gobban, kaadas (2 паза), kaddes, kaiji, koddas, kulb, kuolb, kuoss (2 паза), kuud, njollo, Ogvei (2 паза), paatsek, palgas, pass, pörtt, reid, rush (2 паза), sauds (4 паза), siav, söörnets, tavve, Truntsenes, tshoalm, tshukk, utts, Varlam, Vaskset, vaask.

oaiv 'вершина'

agges, juovv, kalk, kerts, kiert, kiest, koratm, kort, kueps, kuobdsh, kuodsher, kuolb, lautash, Levent, manj, matts, nashel, neib, njall, paakki, pelljai, tolt, tshuenj, tshörm, tsuabb, uttsab, vuask, vueshn.

jegge 'болото'

ald, jonn, kaiv, karns, kermes, kodde, kuaskem, kuoll, lueva, maij, main, matsek, Nask, njollo, palgas, rush, selg, tshatts, tshingala, tshoarv, tshuenj (2 паза), tshuhtsh.

kuoshk 'водопад'

jalas, kaasa, kalla, kammek, kodde, koshk, kuass, Leuk, luon, lusm, neshke (3 паза), nordmas, palka, passe, purn, suelo (3 паза), vaije, vuoddes.

kushkash 'водопад' (дим.)

kuass, kuorbash, muelk.

tshoalm 'пролив'

agges (2 паза), ahsh, aijek, jonn, kaala, koshk, kuatt, kuots (2 паза), liida, paht (2 паза), pienna, sharr, suddes, söörnets (2 паза), verd (2 паза).

tshoalmash 'пролив' (дим.)

heevash, lobbes, palgas, suggam.

moorast 'гора березняковая'

höppi, julle, kelt (2 паза), kiest, kodde, kolt, kuobdsh, lueddom, peäss (3 паза), saitt, toares, tseagg (2 паза), tshappis.

vödd 'гора с голой вершиной'

jaurija, jonn, kello, kuallash, kuaskem, kuobdsh, kuorbash, mort, paakki, paadse, raps, raut, urr.

oaij 'ручей'

Kattel, kok, koolosh, nerre, Og, paakki, palgas, vialg.

kuorbash 'пожог'

Mekkal, odd, paakki, peip, raije, tshölp, tshuerlem.

II Структура описания прибалтийско-финской и саамской топонимии

Предварительные замечания

Прибалтийско-финская ветвь финно-угорской семьи языков делится на две группы: северную, куда входят финский, карельский, вепсский и ижорский языки, и южную, к которой принадлежат водский, эстонский и ливский языки.

Прибалтийско-финские языки характеризуют генетическое родство и типологические сходства. Прибалтийско-финским языкам свойственны ударение на первом слоге слова и чередование ступеней согласных.

Следует подчеркнуть, что, занимая огромные пространства, прибалтийско-финские языки в настоящее время сохранили только следы былого единства родовых и племенных языков. Естественно, что в процессе дальнейшего развития в силу значительных территориальных расхождений различия между языками и диалектами все увеличивались. К моменту знакомства с ними исторической науки языки и диалекты прибалтийско-финского праязыка находились на крайней ступени географического разобщения, а вместе с тем и структурного, лексического и фонетического.

Соответственно, топонимия как часть языковой структуры является отражением этого разобщения.

Наряду с типологическими прибалтийско-финские языки объединяют многие материальные общности. Так, прибалтийско-финские языки характеризуют общие моменты образования падежей, особенно внутреннеместных (это касается и диалектов саамского языка) и внешнеместных (в наречных образованиях остатки сохранились и в саамском языке). Определенные материальные сходства прослеживаются в способах выражения грамматического числа прибалтийско-финских и саамского языков (Зайков, 1979). Необходимо также отметить общие словообразовательные модели глагола

в прибалтийско-финских и саамском языках (Керт, Маркианова, 1979). Наличие типологических и материальных общностей прибалтийско-финских и саамского языков предполагает единую структуру описания топонимии этих языков.

Финская топонимия, как часть лексики функционирующего финского языка, распространена в Финляндии и отчасти Ленинградской области (так называемая Ингерманландия). Карельская топонимия функционирует в районах проживания карел в Республике Карелия, Ленинградской, Новгородской, Тверской и Ярославской областях. Вепсская топонимия бытует среди вепсов Прионежского района Республики Карелия, а также в Ленинградской и Вологодской областях. Ижорская топонимия отмечается в Кингисеппском и Ломоносовском районах Ленинградской области. Соответственно водская топонимия распространена в Ленинградской области на границе с Эстонией и ливская — на побережье Рижского залива в Латвии.

На апеллятивном уровне основными единицами языка являются фонема, слово (простое, суффиксальное, сложное), словосочетание (именные, глагольные и пр.) и предложение. Однако в топонимообразовании в прибалтийско-финских и саамском языках участвуют слово (сложное и суффиксальное) и словосочетание. В редких случаях при так называемой искусственной номинации образуются названия, восходящие к возгласам приветствия, предостережения, благодарения. Так, на материале русского языка такой «экзотический» тип топонимов рассматривается в статье М. Григорьевой «К вопросу об искусственной номинации в топонимии» (1983).

Прежде чем перейти к структуре описания топонимии прибалтийско-финских языков (карельский, финский, вепсский), необходимо хотя бы кратко показать степень изученности топонимии этих языков. Это даст возможность выявить наиболее оптимальные параметры структуры описания топонимии.

В истории российской финно-угорской топонимики условно можно выделить два периода. Первый период — до 60-х годов, когда топонимы рассматривались главным образом как исторический источник. При изучении топонимии главной задачей ученых являлась этимологизация того или иного топонима, раскрытие значения апеллятива, лежащего в основе топонима. Лишь впоследствии топоним как специфическая часть лексики стал объектом собственно лингвистического исследования (структурные типы топонимии, классификация топонимии по видам объектов, апеллятивная топонимообразующая лексика и пр.).

Топонимия северной группы прибалтийско-финской ветви финно-угорской семьи исследована неравномерно.

Наиболее изученной является финская топонимия на территории Финляндии. Исследование финской топонимии связано с именами известных ученых Р. Нирви, В. Ниссиля, Т. Итконена, Е. Вахтола, Е. Кивиниemi, К. Зиллиакуса, С. Кепсу, Е. Нярхи и др. Уже более десяти лет ведется работа по вводу топонимии Финляндии в компьютер (Р. Мийккулайнен, Т. Рахикайнен и др.).

Обстоятельное изложение истории сбора и изучения финской топонимии мы находим в книге В. Ниссиля (Nissilä, 1975. S. 9—25). Уместно здесь напомнить о своде топонимов Выборгской губернии, насчитывающем свыше семи тысяч топонимов (Viipurin läänin paikannimihakemisto. Helsinki, Tietosanakirja-Osakeyhtiö).

По сравнению с изученностью топонимии Финляндии остается недостаточно исследованной финская топонимия Ленинградской области. Из печатных работ по топонимии Ингерманландии следует отметить статьи З. М. Дубровиной (1969) и И. Селицкой. Проблемы ингерманландской топонимии затрагиваются в статье «О лингво-социологическом обследовании сельских поселений Ленинградской области» (Керт, 1997, 1). Сведения по ингерманландской ойконимии содержатся в регистре деревень Ингерманландии, Карелии, Финляндии, провинции Норрботен и Кольского полуострова, составленном В. Ниссиля, М. Сармела и А. Синисало (Nissilä et al., 1970).

Фрагментарные сведения по карельской топонимии как историческом свидетельстве субстратной топонимии Европейского Севера России использовались уже в работах А. М. Шегрена, М. А. Кастрена, Д. Е. Европеуса, М. В. Веске, М. Фасмера и др. Значение карельской топонимии как источника для исторических и этногенетических исследований особенно ярко проиллюстрировано в работах А. И. Попова (1949, 1993 и др.). Исключительную роль данных топонимии и этнонимии в исследовании древней истории народов подчеркивал и умело использовал в своих работах Д. В. Бубрих (1948, 1, 2; о Д. В. Бубрихе как исследователе топонимии см. также: Мамонтова, 1992).

Топонимические данные использовались главным образом как важный исторический источник. Характерным в этом отношении было выступление А. И. Попова на Всесоюзном совещании по вопросам финно-угорской филологии в г. Петрозаводске 26—30 июля 1961 года. Излагая проблемы исследования финно-угорской и самодийской топонимии, А. И. Попов выдвигает три важные задачи. По его утверждению, «очень важной задачей топонимического

исследования является определение приблизительных границ бывшего распространения прибалтийско-финских, мордовских, пермских, угорских и других языков финно-угорской группы, существующих доныне. Например, древневепсский (весский) язык был несколько столетий назад широко распространен в Заволочье, Припечорье, в Коми крае, на что особенно указывал в своих работах Д. В. Бубрих» (Попов, 1964. С. 206). «Второй важной задачей, более трудной, надо считать выделение топонимических областей исчезнувших финно-угорских языков, когда мы названия соответствующих племен (Меря, Мурема, Тойма, Пинежане, Южане, Сура Поганая и др.) знаем только из немногих исторических источников (XI—XIV вв.)» (Там же. С. 207). Наконец, к третьей задаче А. И. Попов относит «определение следов древней топонимики нефинно-угро-самодийского происхождения на Севере Европы» (Там же. С. 208). Как видим, эти задачи исключительно важные, более того, они актуальны и в настоящее время.

В связи с идентификацией предмета топонимики уместно привести также мнение Б. А. Серебренникова, высказанное на этом же совещании: «Изучение топонимики дает возможность решить целый комплекс самых различных вопросов, как, например, изучение древних ареалов распространения финно-угорских и самодийских языков, выяснение особенностей древних финно-угорских языков и их диалектов, выяснение путей развития значений слов в финно-угорских языках и т. д.» (Серебренников, 1964).

Только в 70-х годах началось собственно лингвистическое изучение карельских топонимов как особого класса лексики: структура топонимов, семантика составляющих топоним компонентов, функционирование и пр. Н. Н. Мамонтовой был исследован ливвиковский ареал карельской топонимии. В 1982 году в Тартуском университете ею была защищена кандидатская диссертация на тему «Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район)». В этом же году выходит в свет ее монография (Мамонтова, 1982). Подробный обзор литературы по карельской топонимии подготовлен Н. Н. Мамонтовой (1995). Упомянем также свод карельской ойконимии «Rajantakaisen Karjalan kyläin luettelo», представляющий собой наиболее полный к тому времени список названий карельских деревень (Härkönen, 1920). Названия деревень приводятся на карельском и русском языках.

Исследование вепсской топонимии на современном этапе связано в первую очередь с именами И. Муллонен и М. Йоалайд.

И. И. Муллонен подготовлены монографии «Гидронимия бассейна реки Ояти» (1988) и «Очерки вепсской топонимии» (1994). Кроме того, в соавторстве изданы «Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии» (Мамонтова, Муллонен, 1991) и «Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья (бассейн реки Свирь)» (Муллонен и др., 1997), а также более 60 статей. (Подробнее об исследовании прибалтийско-финской топонимии см: *Onomastica Uralica*, 2001.)

Таким образом, грамматика топонимов северной группы прибалтийско-финских языков, семантика составляющих топонимию компонентов исследованы в достаточной мере, чтобы создать структуру базы данных для ввода в компьютер.

Структура описания прибалтийско-финской и саамской топонимии состоит из 18 граф-полей. Эти графы-поля не равнозначны.

Структура описания начинается с нумерации. Все топонимы должны располагаться в алфавитном порядке по языкам и территориям. В предлагаемой структуре описания выделяются отдельно графы с номерами России и Карелии. Банк топонимов складывается из официальных названий, имеющих в соответствующих государственных справочниках, из названий, извлекаемых из средств массовой информации, исторических источников (летописи, писцовые и переписные книги, исторические акты, грамоты и др.), научной литературы (гидрологическая, геологическая и др.), сборников образцов речи и, наконец, из топонимов (главным образом микро-топонимов), собранных в полевых условиях. Фиксируются фонетические, морфологические и лексические варианты. При наличии национальных вариантов топонима в зонах двуязычия и многоязычия отсылки на эти варианты даются к соответствующим национальным сводам топонимов.

В графе «Топоним» фиксируется название географического объекта. Здесь же проводится членение топонима на компоненты. Выделяются значимые и неэтимологизируемые части слова. Словообразовательные и словоизменительные (если они отчетливо выявляются), а также топоформанты в графе «Топоним» не выделяются. Они будут соответственно идентифицированы в графе «Структура топонима». В тех случаях, когда это возможно, проводится членение топонима на части — определяющую и определяемую, т. е. на атрибут и детерминант. Это относится к финно-угорским, шире уральским языкам, поскольку типологически модель словообразования для них едина, за исключением частных случаев, например, порядка следования различных по значению словообразовательных суффиксов.

В соответствии с принятыми в финской лингвистике техническими приемами разграничения структуры топонима части топонима (детерминант, атрибут) разделяются косой линией (/), лексические компоненты (этимологизируемые и неэтимологизируемые) — знаком (+) (Miikkulainen, 1993. S. 3). Так, например, топоним, именуемый «мель», состоит из атрибута и детерминанта Hau / luoto (hau — атрибут, luoto 'подводная скала' — детерминант). Расположенный рядом с мелью риф имеет название со структурной формулой Hau + luodon / riutta (hau + luodon — атрибут, riutta 'риф' — детерминант). Место ловли рыбы, или тоня, рядом с этим рифом называется Hau + luodon + riutan / rysä (hau + luodon + riutan — атрибут, rysä 'место ловли рыбы' — детерминант). Для выражения атрибута употребляются и прилагательные, например: vähä + hau + luodon / pelto — название поля (фин. pelto 'поле'), Musta / lampi (фин. musta 'черный', lampi 'пруд, озеро').

В случаях, когда значение слова, обозначающего детерминант, не совпадает со значением слова, обозначающего объект, в финской лингвистике употребляется также косая линия /, например: iso / musta (букв. «большое черное» о названии озера). По нашему мнению, данная точка зрения не бесспорна. При квалификации musta 'черный' как детерминанта слово, обозначающее объект (детерминант), не соответствует названию объекта. Такие случаи несовпадения названия объекта со значением детерминанта возможны при перенесении названия с одного объекта на другой. Совпадение названия объекта со значением детерминанта, как правило, происходит на начальной стадии превращения апеллятива в топоним. Необычность детерминанта нередко проявляется при дихотомии атрибута «большой — маленький», «новый — старый», «высокий — низкий» и т. д., например: iso / musta + lahti.

Детерминант может также состоять из нескольких компонентов, например: Mustan + lahden / sammako + laamit — название озера (ср. sammako 'лягушка', букв. «Лягушачье озеро (у) черного залива»).

При трансонимизации топоним может состоять из трех и более компонентов; детерминант у этого топонима отсутствует, например: suo + mäen + räällys — название поля (ср. suo 'болото', mäen генитив ед. ч. от mäki 'гора', räällys 'верх, наружная сторона', букв. «Верхняя часть горы (у) болота»). Процесс онимизации протекал, очевидно, следующим образом: название места звучало — Mäen / räällys 'Вершина горы', для уточнения и выделения этого места из

системы ему подобных оно было «привязано» к ближайшему болоту *Suo + mäen / räällys*, и впоследствии поле (объект) получило название по готовому топониму уже без детерминанта (Miikkulainen, 1993. S. 3).

Границы между компонентами топонима проводятся только в тех случаях, когда компонент топонима не потерял словарную форму, исключая, конечно, субстратные неэтимологизируемые формы, например, в карельском: *Tshollan / selgü*, *Razvitshkon / oja*, *Sändämän / järvet* и пр. В тех случаях, когда часть слова «стерлась», но она все же угадывается, граница между компонентами не проводится, например, в карельском: *Heboja* (ср. *hebo* 'лошадь', *oja* 'ручей'), *Pallahti* (ср. *pala* 'кусок', *palo* 'пожар', *lahti* 'залив'), *Hiizharvi* (ср. *hiisi* 'чёрт', *järvi* 'озеро'), *Kalarvi* (ср. *kala* 'рыба', *järvi* 'озеро'). Если слово «подлежит реконструкции», его словарная форма фиксируется в графе «Онимизация».

Словообразовательные суффиксы и словоизменительные морфемы в данной графе не отмечаются. Они будут выделены в графе «Структура».

Таким образом, в графе «Топоним» дается структуризация топонима на компоненты (элементы) этимологизируемые и неэтимологизированные при условии сохранения словарной формы этимологизируемых компонентов.

Графа «Язык представления» фиксирует важную для России особенность, а именно, многонациональный состав населения. В компьютер для обработки вводятся языки прибалтийско-финской языковой общности: вепсский (вепс.), ижорский (иж.), карельский (кар.), финский (фин.), а также саамский (саам.) и русский (рус.).

Наиболее сложной и разветвленной является графа «Структура». По своему предназначению она должна отразить все своеобразие структуры топонимов. Топонимы в своем громадном большинстве несут на себе печать породивших их апеллятивов. Это проявляется и в «строительных материалах» — лексемах, и в моделях-конструкциях, и в функциональном назначении отдельных грамматических средств (апеллятив, апеллятив + словообразовательный суффикс, грамматическая конструкция — словосложение, адъективная конструкция, аналитическая конструкция, глагольная конструкция и т. д.). Между тем в топониме, как известно, четко фиксируются две основные части — определение и детерминант. Предложенная структурная классификация позволяет, на наш взгляд, совместить гибридные свойства топонима и апеллятива. Таким образом, при структуризации топонима в данной

графе фиксируются признаки его «дотопонимного» периода (лексические компоненты, грамматические признаки) и приобретенные топонимом (неэтимологизируемые компоненты, а также части топонима — определяемая и определяющая).

Структура прибалтийско-финской и саамской топонимии (морфолого-синтаксическая часть)

Исследование структуры топонима, выявление границ (стыков, швов) между морфемами представляет большие трудности по сравнению с аналогичной задачей для апеллятива. В апеллятиве структурные элементы проявляются в живой парадигме слова на уровне словоизменения и в словообразовательной системе словообразующих суффиксов имени и глагола. В топонимах в связи с затушеванностью семантики его компонентов, ее меньшей востребованностью в акте общения происходит более интенсивное стирание границ между морфемами. Более того, как мы видели на примере саамских топонимов, на стыках морфем появляются вставочные звуки, некоторые звуки выпадают, т. е. происходит интенсивная нивелировка пограничных швов. Древний топоним — это бледная проекция апеллятива.

Несмотря на особенность структуры топонима по сравнению с апеллятивом, своеобразие фонетических и морфологических процессов, происходящих на морфемных швах, различие функций топонима и апеллятива, класс топонимов составляет лексический фонд языка и потому классифицируется в соответствии с принципами апеллятивной лексики. Другой классификации по структуре просто не существует.

В соответствии со структурой апеллятива топонимы подразделяются на три класса: А. Простые, В. Суффиксальные и С. Сложные.

К простым топонимам можно отнести апеллятивы, сохранившие свою семантику, например:

кар. Abai, Agju, Aho, Aidu;
вепс. Sar', Mägi, Org;
фин. Syrjä, Koski, Harju, Saari;
саам. Tshuelm, Lavna, Lusm*.

* Карельские, вепсские примеры заимствованы преимущественно из работ: Мамонтова, 1982; Муллонен, 1988, 1994.

К простым относятся также топонимы, заимствованные в результате контактов с языками других систем. Этимология этих топонимов легко угадываема. В карельском языке к простым топонимам, основанным на русской апеллятивной лексике, можно отнести *Gorku* (ср. 'горка'), *Gorushku* (ср. 'горушка'), *Poljanka* (ср. 'полян-ка') и др. Употребительны в карельской микротопонимии названия, восходящие к русским личным именам, например: *Poljshu* (ср. Полина, Польша).

К этому разряду можно отнести также простые по структуре топонимы, потерявшие внутреннюю форму, т. е. значение, например: кар. *Kappu*, *Bulii*, *Tshilmi*, *Hattshi*, *Jukki*; венс. *Blas*, *Shoksh*, *Kurn*, *Sep*, *Shapp*; фин. *Homa*, *Komo*, *Liiri*, *Muti*, *Tali*; саам. *Evver*, *Anar*, *Ikki*.

По структуре эти два разряда топонимов идентичны. В их структуре невозможно даже этимологически выделить значимые части. На этом сходство двух разрядов топонимов и завершается. Топонимы-апеллятивы находятся как бы на начальной стадии своего развития, в то время как потерявшие внутреннюю форму прошли очень сложный путь развития. Семантически они «выветрились», структурно могли потерять детерминант — явление так называемого эллипса. Не исключено, что топонимы этого типа могли сменить не одну языковую среду. И все-таки упорядочивающая и систематизирующая роль языка проявляется и в этом классе топонимов, см., например, в карельском *Bulli*, *Hattshi*, *Jukki*; в финском *Liiri*, *Muti*, *Tali*.

Отдельной рубрикой можно выделить топонимы, имеющие форму множественного числа номинатива, например: кар. *Abait*, *Alhot*, *Djogut*, *Koskut*, *Kumboit*, *Pergot*, *Perrot*, *Ulizhet*; венс. *Kanghad*, *Hotinad*, *Sjovad*, *Ojad*, *Seljgad* и пр.

Суффиксально оформленные топонимы в различных языках представлены неравномерно. В финском языке, например, суффиксы довольно распространены, в саамском суффиксальное словообразование на уровне топонимии отсутствует, за исключением уменьшительного суффикса *-ash* (колтский диалект), *-intsh* (кильдинский, иоканьгский).

Большинство суффиксов, функционирующих в топонимии, возникли на апеллятивном уровне. Как справедливо отметила Н. Н. Мамонтова, «специфических топонимических суффиксов почти нет, все это обыкновенные именные словообразовательные суффиксы, и можно говорить лишь о предпочтительности в выборе тех или иных суффиксально оформленных лексем» (Мамонтова, 1982. С. 128).

При топонимообразовании используется лишь определенный круг имен со строго ограниченными суффиксами. В основном это лексемы, относящиеся к ландшафту, флоре. Встречаются лексемы и других семантических классов. Суффиксы, участвующие в образовании топонимов, также имеют свою специфику. К ним относятся суффиксы со значением места, собирательности, совокупности. На апеллятивном уровне круг значений этих суффиксов значительно шире.

Карельский суффикс *-kko* (*-kkö*), в диалектах *-kku* (*-kkü*). Имеет деминутивное, посессивное значение, а также названия живых существ, места и собирательности. В разряд топонимов имена с данным суффиксом входят именно ввиду значения собирательности, которое выражается именем с этим суффиксом. Собственно, апеллятив с этим суффиксом в значении собирательности, онимизируясь, превращается в топоним. Не случайно, апеллятивы, сочетающиеся с этим суффиксом, относятся к флористической лексике. Сравни, например в финском: *haavikko* 'осинник', *hôngikko* 'сосняк', *koivikko* 'березняк', *kuusikko* 'ельник' и пр. (Хакулинен, 1953. С. 136). Приведем примеры топонимов с данным суффиксом: *Koivikko* 'березняк' (ср. *koivu* 'береза'), *Kuuzikko* 'ельник' (ср. *kuuzi* 'ель'), *Pedäikko* 'сосняк' (ср. *pedäi* 'сосна'), *Lepikkö* 'ольшаник' (ср. *leppü* 'ольха') и пр. Встречаются суффиксальные топонимы и от других апеллятивов.

Суффикс *-la* (*-lä*)-, *-lu*, *-l*. С данным суффиксом в финском и карельском языках образуются имена существительные со значением места, предмета действия, а также прилагательные. В качестве мотивирующего признака трансонимизации явилось значение места. Топоним с данным суффиксом образуется от апеллятивных, антропонимных и субстратных основ. Приведем примеры: *Repola*, *Vaatsila*, *Dessoilu*, *Jürgil*, *Pappil*, *Sorbolu*, *Sorbol*.

Суффикс *-sto* (*-stö*); *-shto* (*-shtö*). Имеет значение собирательности, совокупности, а также места. Суффикс присоединяется как к этимологически прозрачным, так и к субстратным топонимным основам, например: *Kangahishto*, *Hautshikishto*, *Kurvishto*.

Суффикс *-hine*, функционирующий в составе топонимов, также довольно употребителен. Это объясняется значением суффикса, выражающего совокупность членов одной семьи. Топоним идентифицировал, указывал на участки, наделы земли при индивидуальном землепользовании, например: *Dorohiine* < кар. *Doroi*, *Dorohu*, рус. Дорофей, *Hokkihiine* < кар. *Hokku*, рус. Фока (Мамонтова, 1982. С. 131).

Сведения о структуре вепсских топонимов имеются в работе И. И. Муллонен «Очерки вепсской топонимии» (1994. С. 8—23). Автор приводит топонимные суффиксы -l, -shin, -isht, -ine и др., например: Korbal, Vingi, Shondal, Taroushin, Fedoroushin; Deremisht, Vasilisht, Ledoine, Melaine.

Прежде чем перейти к структуре описания многокомпонентных топонимов, необходимо внести коррективы, на наш взгляд, в понятия «топонимный суффикс» и «топонимный формант». На наш взгляд, нецелесообразно смешивать эти два понятия. Между тем в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской (1988. С. 137) эти понятия подаются как синонимичные. Разграничению эти два типа показателей подлежат прежде всего в силу разных исторических судеб каждого. Топонимные суффиксы — это прямое наследие апеллятивного уровня языка. В топонимную сферу они вошли избирательно в силу своего суффиксального значения, о котором уже говорилось. И в новом качестве эти суффиксы сохраняют свое значение. Более того, это значение в них поддерживают омонимичные суффиксы на апеллятивном уровне.

Упомянутые суффиксы топонимов в карельском языке -kko (-kkö) и -(l)isto (-(l)istö) функционируют на апеллятивном уровне и тем самым поддерживают значения места, собирательности в топонимах (ср. *lepikkö* 'ольшаник', *kuuzikko* 'ельник', *hongikko* 'сосняк'; *köühälistö* 'беднота', *hüvälistö* 'аристократия' и пр.). Аналогичные процессы, надо полагать, проходят и в вепсском языке. К сожалению, отсутствие работ по именному суффиксальному словообразованию в карельском и вепсском языках не позволяет выявить степень продуктивности употребления аналогичных суффиксов на апеллятивном уровне по сравнению с топонимным.

Языковая универсалия корреляции идентичных суффиксов на апеллятивном и топонимном уровне наблюдается во всех языках. Сравни в русском: топоним — г. Дмитров, апеллятивы — братьев, отцов, дедов; топоним — Заречье, апеллятив — зверье.

Топоформанты же — это результат фонетического опрощения, переразложения компонентов слова на стыке морфем и конца слова, это результат аналогии заимствующего языка. А. И. Попов убедительно показал, что так называемые гидронимические суффиксы -га, -ма, -ша по своему происхождению возникли из различных источников (Попов, 1965. С. 102—122). В самом деле, даже если сравнить некоторые названия с топоформантом -га на территории Карелии, то этот топоформант имеет различное происхождение: Кондопо-га (ср. кар. *Kontupohja*), Ладого-га (германское *Aldoga*), Мерге-га (ср. кар. *Mägrätjoki*).

Различие двух видов топонимических показателей заключается не только в различных судьбах их формирования. Топонимные суффиксы — это живая ткань языка, сохраняющая не только фонетический облик, но и значение. Топонимные форманты являются окостеневшими остатками частей апеллятива. Отсюда и различная степень разрешительных возможностей этимологизации тех и других.

Еще на заре становления топонимики как науки А. И. Попов предупреждал об опасности некритического использования так называемых «озерных» и «речных» суффиксов при идентификации этнической принадлежности. Сетую на отсутствие сводных работ по топонимии, которые давали бы надежные и проверенные результаты, а также содержали бы указания на способы обработки топонимного материала, А. И. Попов связывал это с тем, что «до сих пор время от времени появляются работы, в которых наблюдается возврат к таким примитивным приемам исследования, как метод прямого толкования „топонимических формантов“ („речных суффиксов“) -га, -ма, -ша и др.» (Попов, 1964. С. 205). И еще: «Даже вопрос о происхождении „речного суффикса“ -га (-ега, -юга и т. д.) надо исследовать в каждом отдельном случае особо, иначе мы будем иметь дело не с наукой, а с собранием произвольных допущений» (Там же. С. 210).

Известный топонимист А. Куклин предпринял уникальное по своей скрупулезности исследование, в котором попытался найти общности в гидронимических топоформантах, в частности, топоформанте -га на огромных пространствах. В статье «К вопросу об этимологизации Волго-Камского гидроформанта -га» он приводит значительный материал адаптированных русским языком названий рек на -га на огромной территории, простирающейся от Волго-Камья до Западной Сибири и Саянского нагорья (Куклин, 1995). К чести ученого проведены тщательная фиксация топонимов и их фонетический анализ, даны ссылки на исторические, археологические и краниологические исследования. Все это, естественно, свидетельствует об огромной работе. Однако в итоге получился достаточно общий результат: «Формирование гидронимов с формантом -га происходило в сложных ситуациях, где имели место уральские языковые отложения и последующие топонимические напластования, а также сложные переплетения экстра- и интралингвистических факторов» (Куклин, 1995. С. 96).

По-видимому, формантный метод в чистом виде недостаточен. Его необходимо дополнить этимолого-ареальным методом выявления адаптационной модели вхождения конкретного субстратного топонима в русскую топонимную систему.

Топоформанты, как правило, употребляются, точнее сказать, «выкристаллизовываются» при неэтимологизируемых основах. Очевидно, язык на подсознательном уровне стремится упорядочить сходные явления и тем самым идентифицировать топоним.

Конечно, различия между топонимным суффиксом и топонимным формантом не всегда очевидны, и исследователю в таких сложных пограничных ситуациях придется находить аргументы для определения принадлежности к той или иной рубрике. Главное, чтобы не оставить незамеченными эти явления. В случае ошибки исследователя структура описания топонимии позволяет ее исправить.

Структурирование сложных, или многокомпонентных, топонимов проводится в тех случаях, когда границы частей слова достаточно прозрачны. Как известно, в прибалтийско-финских, как и во всех языках уральской семьи, словосложение является основным способом словообразования имен на апеллятивном уровне. Аналогичная картина наблюдается и в топонимии. Можно сказать, что топонимам свойственны все способы образования сложных слов и словосочетаний. Больше того, некоторые конструкции на топонимном уровне могут образовывать имена-названия, в то время как на апеллятивном уровне эти конструкции существуют как словосочетания. Выше уже были приведены примеры из саамского, в котором словосочетания с отглагольным именем на -em, а также послеложные и предложные словосочетания входят в состав топонимов или, иначе говоря, «конструируют» топонимы.

Послеложные и предложные конструкции на первоначальном этапе образования топонимов активно используются в карельском и вепсском языках.

Э. Кивиниеми посвящает книгу *Suomen partisiippinimistöä* (Финский топонимикон с причастиями), в которой анализирует случаи употребления причастий незаконченного действия, а также номен актионис в образовании топонимов (Kiviniemi, 1971). В зависимости от структуры содержащие причастия незаконченного действия (так называемое 1 причастие) топонимы в финском языке можно, по мнению Э. Кивиниеми, разделить на три главных типа: А. Сложные топонимы, в которых причастие выступает согласующимся адъективным определением (Kolisevaaja, букв. «Гремящий ручей», Liikkuvatsaaret, букв. «Движущиеся острова»), Б. Сложные топонимы, в которых причастие выступает генитивным определением (Kiehuvaistenkorpi, букв. «Кипящий глухой

лес») и В. Топонимы, состоящие только из причастий (Koliseva, букв. «Гремящий»), или сложные топонимы, в которых детерминантом выступает причастие (Aidassaoleva, букв. «У изгороди находящийся», Pitkänäkyvä, букв. «Далеко виднеющийся») (Kiviniemi, 1971. S. 48). По утверждению Э. Кивиниеми, такие конструкции в затушеванном виде сохранились и в карельской топонимии.

Наиболее распространенным способом образования сложных топонимов является словосложение имен существительных. Атрибутом сложных топонимов может быть имя существительное в номинативе, например: кар. Ahvenjärvi (ср. ahven 'окунь', järvi 'озеро'), Kaivosuo (ср. kaivo 'ключ', suo 'болото'), Kalalahti (ср. kala 'рыба', lahti 'залив'); вепс. Lehmjärv (ср. lehm 'корова', järv 'озеро'), Lepsar' (ср. lep 'ольха', sar' 'остров'), Regiso (ср. regi 'сани', so 'болото'); саам. Savveljaur (ср. savvel 'хариус', jaur 'озеро'), Tshoarvnjarg (ср. tshoarv 'рог', njarg 'мыс'), Cuabboajv (ср. cuabb 'лягушка', oajv 'вершина').

Довольно продуктивна также конструкция с атрибутом в генитиве. Приведем примеры: кар. Akanristu (ср. akka 'баба', ristu 'крест'), Agjanpelto (ср. agju 'край, конец', pelto 'поле'), Rannanpeldo (randu 'берег'); вепс. Tshasovnanpöud (ср. tshasovna 'часовня', pöud 'поле'), Arsanhoumeh (ср. Arsa 'Арсений', houmeh 'подсечное поле'). В саамском языке формальный показатель генитива ед. ч. отсутствует. Генитив ед. ч. в саамском языке представляет собой слабую основу имени, например: Karnasjaur (ср. номинатив ед. ч. — karnes, генитив ед. ч. — karnas 'ворона', jaur 'озеро').

Как уже было отмечено, атрибут саамских топонимов включает в себя несколько компонентов. В карельском языке наблюдается аналогичная картина, например: Keskoijärven dorogalsuo (ср. Kesko 'Кеско' — имя собств., järven 'озеро', doroga 'дорога', suo 'болото'), Ahvenjärvenniitut (ср. ahven 'окунь', järvi 'озеро', niittü 'луг'), järvirannanaidu (ср. järvi 'озеро', randu 'берег', aidu 'изгородь').

При образовании сельской карельской микротопонимии достаточно употребительны в атрибуте аналитические конструкции, т. е. конструкции с послелогами и предлогами, а также употребление имен существительных в местных падежах, например: Suontaganpellot (ср. suo 'болото', tagah 'за', pelto 'болото'), Koskenalniitüt (ср. koski 'водопад', al 'под', niittü 'луг'), Anuksehpäimägi (ср. Anus 'Олонец', päi 'к', mägi 'гора'), Tshaminpaltiesniittü (ср. Tshami 'Чами' — имя собств., paltie 'склон, урочище', niittü 'луг'), Kivikköniemelsuo (kivikkö 'каменистое место', niemi 'мыс' — niemel 'на мысу', suo 'болото').

Универсальной топонимической моделью для финно-угорских, да и для славянских языков является конструкция: атрибут — имя прилагательное. Приведем примеры: кар. Leveikangas (ср. levei 'широкий', kangas 'сухой бор'), Kaidujärvi (ср. kaidu 'узкий', järvi 'озеро'), Alahainepeldo (ср. alahaine 'нижний', peldo 'поле'), Suuriluodo (ср. suuri 'большой', luodo 'мель'); вепс. Tshomaniit (ср. tshoma 'красивый', niit 'луг, покос'), Korgedmägi (ср. korged 'высокий', mägi 'гора'), Mustjogi (ср. must 'черный', jogi 'река'); фин. Alaniemi (ср. ala 'нижний', niemi 'мыс'), Isojärvi (ср. iso 'большой', järvi 'озеро'), Kaunisvaara (ср. kaunis 'красивый', vaara 'гора'), Pitkälahti (ср. pitkä 'длинный', lahti 'залив'); саам. Oddjaurash (ср. odd 'новый', jaurash 'озерко'), Kukkesluht (ср. kukkes 'длинный', luht 'залив'), Vilgisjokk (ср. vilgis 'белый', jokk 'река').

Как уже указывалось, в саамском языке довольно употребительны топонимы, в которых атрибут представляет собой сочетание двух и более имен. Аналогичные примеры встречаются и в прибалтийско-финских языках. Приведем примеры: кар. Ahvenlamminoja (ср. ahven 'окунь', lampi 'озеро'), Vuolahansuunkoski (ср. buolu 'брусника', suu 'рот, устье', koski 'водопад'), Hebolamminselgü (ср. hebo 'лошадь', lampi 'озеро', selgü 'хребет, спина'), Lieteniemenlahti (ср. liete 'песчаный нанос', niemi 'мыс', lahti 'залив'); вепс. Levonanselgposad (ср. Levon 'Леон', selg 'хребет, спина', posad 'деревня'), Klimshhiineheremaine (ср. Klimsh 'Климш' — имя собств., hiin 'трава, сено', herema 'пар в севообороте'), Hiinjärvenso (ср. hiin 'сено, трава', järv 'озеро', so 'болото'); фин. Pihlajasaarenlampi (ср. pihlaja 'рябина', saari 'остров', lampi 'озеро лесное'), Mustanlammenkangas (ср. musta 'черный', lampi 'озеро', kangas 'сухой бор'), Pirttipohjanlahti (ср. pirtti 'изба', pohja 'дно, конец', lahti 'залив'); саам. Savveljauravaara (ср. savvel 'хариус', jaura 'озерко', vaara 'гора'), Rimnjnjargsuelo (ср. rimnj 'лиса', njarg 'мыс', suelo 'остров'), Kuosskeyngasvaarash (ср. kuoss 'ель', keyngas 'водопад', vaarash 'горушка').

Помимо имен существительных и прилагательных в определяющей части топонима могут употребляться и другие части речи. Это уже отмечалось, когда говорилось об отглагольном имени в саамском языке и причастиях в прибалтийско-финских языках. Атрибут — причастие, числительное, местоимение. Приведем примеры: кар. Helizhiikoski (ср. helishta 'звенеть', koski 'водопад'), Kaivettuoja (ср. kaivua 'копать, рыть', oja 'ручей'), Kolmetshuppu (ср. kolme 'три', tshuppu 'угол'), Omajärvi (ср. oma 'свой', järvi 'озеро'), Alahanuurmet (ср. alahan 'внизу', nurmi 'луг'); фин. Kaksinainen (ср. kaksi 'два',

nainen 'женщина'), Kolmoja (ср. kolm 'три', oja 'ручей'), Toisvesi (ср. toinen 'второй, другой', vesi 'вода'); саам. Saarniredd (ср. saarne 'говорить', redd 'берег'), Kolmjaur (ср. kolm 'три', jaur 'озеро'), Kuehtneshkjaur (ср. kueht 'два', neshk 'место, где река вытекает из озера').

Типичная модель первичного образования топонима в финно-угорских языках — это либо онимизация апеллятива, либо образование сложного слова, в котором определяемое (детерминант) представляет собой название объекта. Как правило, эти слова относятся к классу географической лексики, выражающему объекты ландшафта или рукотворные. В природе, однако, встречаются ситуации, когда два идентичных объекта (например, озеро, деревня и пр.) отличаются друг от друга размером (большой, маленький), положением (верхний, нижний) и пр. Для различения, идентификации таких объектов необходимо соответствующее атрибутивное уточнение. В качестве уточнения и разграничения этих объектов выступает дихотомия «большой — маленький», «верхний — нижний» и т. д. В лингвистическом отношении эти прилагательные начинают функционировать как определения к двухкомпонентным детерминантам первоначальных топонимов. В карельском языке встречаются пары топонимов, отличающихся по своей структуре признаком «большой» — «малый», например: Pienipalojärvi (ср. pieni 'маленький', palua 'гореть', järvi 'озеро') — Suuripalojärvi (ср. suuri 'большой'), Pienireboirandu (ср. reboi 'лиса', randu 'берег') — Suurireboirandu (Мамонтова, 1982. С. 47—48). Топонимы с двухкомпонентными детерминантами широко представлены в финской топонимии. Приведем примеры: Pieni Rautjärvi (ср. rauta 'железо') — Suuri Rautjärvi, Ala-Kivijärvi (ср. ala 'нижний', kivi 'камень', järvi 'озеро') — Ylä-Kivijärvi (ср. ylä 'верхний').

Граница между атрибутом и детерминантом в каждом конкретном случае определяется в зависимости от «семантического сцепления» слагающих лексем. Это зависит и от «возраста» топонима, когда в структуру топонима включены элементы предыдущих стратов, т. е. последовательность присоединения компонентов во вновь образованных топонимах, и от способа образования топонима — именное, глагольное, адъективное словосочетание, и, наконец, от количества компонентов топонимов.

Одним из существенных свойств топонимии является способность названий одного объекта переходить на другой. Так, например, название ручья Kivoja (kivi 'камень', oja 'ручей') переносится на название лежащего вблизи покоса, название гряды Habselg становится названием находящегося у этой гряды поля, название мыса

Kellüniemi переходит на название возникшей на мысу деревни. Следует отметить, что громадное большинство названий сельских поселений Карелии возникло в результате переноса названий природных географических объектов на сельские поселения. Подробнее об этом явлении в отношении карельской ойконимии будет сказано ниже.

Характерно, что при вновь именуемом объекте — топониме дерминант, как правило, не прибавляется и образуется как бы усеченная модель топонима. Получается эллипс. Эта усеченная модель топонима называется эллиптической.

В зонах контактирования разносистемных языков на уровне апеллятивной лексики, а также топонимов широко представлены заимствования. Так, в русских говорах Карелии широко употребляется прибалтийско-финская географическая лексика. Стали привычными для русской лексики географические термины: кентище 'старое место жилья', ср. ск. *kenttä* 'открытое ровное поросшее травой место', саам. *kinnt* 'поросшее травой старое место жилья'; корга 'скалистый островок, риф, подводный камень', ср. ск. *korko* 'подводная скала, риф'; лахта 'залив, губа', ср. ск. *lahti* 'залив', саам. *luhxt* 'залив, бухта'; ламба 'лесное глухое озеро', ср. ск. *lampi* 'лесное непроточное озеро', саам. (иок.) *lamp* 'болото'; луда 'песчаная отмель, мель, риф', ср. ск. *luoto*, *luodo* 'подводная скала, риф, мелкое место в озере или реке', саам. клд. *luott*; мандера 'материк, берег суши в отличие от острова', ср. ливв. *manner*, саам. клд. *mannter* 'суша (земля)'; сельга 'возвышенное сухое место', ср. ск. *selkä*, *shelgü* 'кряж, возвышенность', саам. клд. *selljk* 'спина' и др. (Мамонтова, Муллонен, 1991).

Заимствованная географическая лексика активно употребляется в русской топонимии Карелии, например: Большая Сельга, Верхняя Ламба, Киндасово, Лахта и пр.

Соответственно, в карельской топонимии в качестве компонентов карельских топонимов выступают русские апеллятивные заимствования, например: *Gorkanpeldo*, *Krugloipeldo*, *Mezhasuo*, *Shkolanaidu*, *Krivoikoski*. Частное землевладение послужило причиной использования обрусевших антропонимов в составе топонимов.

К значительно более раннему пласту заимствований в прибалтийско-финских языках относится саамский. Саамский топонимический пласт в прибалтийско-финских языках достаточно идентифицирован. Первая публикация о саамском субстрате в финском и карельском языках принадлежит перу известного исследователя

языка и культуры саамов шведского лингвиста К. Б. Виллунда (Wiklund, 1911). На территории Финляндии и Карелии к саамским им были причислены основы *aara, jolma, kero, kivalo, koutio, kurkkio, lompolo, lusma, pahta, rova, saivo, tieva, buono, vuopio, vaara, Kinis-, Kukes-, Kätkä, Narkaus, Njuktsha* и *Posio*.

В 1920 году в журнале *Virittaja* была опубликована статья финского исследователя саамского языка и культуры Тойво Итконена о саамских элементах в топонимии Финляндии. Т. Итконен выявил свыше 70 саамских основ в топонимии Финляндии. Причем эти основы приводятся в живой финской топонимии, в соответствии с распространением (ареалом) топонима с каждой конкретной саамской основой (Itkonen, 1920). В 1926 году в этом же журнале появилось его дополнение, состоящее из 13 основ. Интерес к данной проблематике не иссякал и в последующие годы. В 1975 году В. Ниссиля в своей обстоятельной книге *Suomen Karjalan nimistö* (Топонимия финской Карелии) наряду с другими приводит и саамский пласт топонимии (Nissilä, 1975. S. 186—187). О значении топонимических данных, в том числе и саамских, пишет в своей статье Э. Кивиниemi (Kiviniemi, 1980). В 1995 году А. Ряйсянен дополнил список саамских основ, употребляемых в финской топонимии провинции Кайнуу Финляндии (Räisänen, 1995).

Карельские топонимы с саамскими элементами на территории Карелии распространены относительно равномерно. По данным В. Лескинена (1967), наибольшее скопление карельских гидронимов с саамскими основами наблюдается в средней Карелии в треугольнике между озерами Сямозеро — Лендеры — Сегозеро. Всего, по утверждению В. Лескинена, на территории Карелии имеется около 800 топонимов с саамскими основами.

Саамские основы в топонимии Карельского перешейка и Приладожья по материалам В. Ниссиля (Nissilä, 1975) приводят Н. Н. Мамонтова и С. И. Кочуркина в статье «О топонимии Северо-Западного Приладожья и сопредельных районов» (1982).

Саамские элементы в вепсской топонимии рассмотрены И. И. Муллонен в монографии «Гидронимия бассейна реки Ояти» (1988. С. 74—84). По данным И. Муллонен, в бассейне р. Ояти расположено около 70 гидрообъектов с названиями саамского происхождения.

Уместно будет здесь сказать, что обширный материал по саамской субстратной топонимии Европейского Севера России, вкрапленной в русские народные говоры, выявил в своих работах А. К. Матвеев. Достоверность этому материалу придают саамские

топонимы, основанные на лексике, восходящей к доприбалтийско-финскому пласту, так называемая протосаамская лексика, например: чадзь 'вода', суэл 'остров', няльм 'устье', чухч 'глухарь', нюхч 'лебедь', шабп 'сиг', луэман 'морозка' и др. (Матвеев, 1964, 1965, 1969, 1976, 1989, 1, 2).

Таким образом, топонимы с саамскими основами представлены в финском, карельском, вепсском и русском языках, занимающих значительные пространства Севера России. Несомненно, некоторые саамские этимологии будут уточняться, будут выявлены новые. Главное, на наш взгляд, это привлечение нового топонимического материала и отработка методики идентификации саамских основ. Поиск новых саамских лексем в топонимии северных прибалтийско-финских языков должен идти в трех направлениях. Во-первых, более эффективное использование географической субстратной лексики саамского языка, выявленной Тойво Итконеном (Itkonen, 1948, I. S. 16—26, 88—107, 158—175; II. S. 492—525) и систематизированной Ю. Лехтиранта в его работе «Общесаамский словарный фонд» (Lehtiranta, 1989). Во-вторых, необходим тщательный учет фонетических звукопереходов, прошедших со времени распада саамско-прибалтийско-финского праязыка. И, в-третьих, следует принимать во внимание заимствования (балтийские, германские), которые достаточно хорошо изучены (Kalima, 1936; Setälä, 1913, см. также: Нисканен, 1971), а также лексемы прибалтийско-финской и саамской общности, установленные Тойво Итконеном (Itkonen, 1916—1920, 1928). Как показывают исторические, археологические, этнографические, лингвистические и другие материалы, ко времени писаной истории (XI—XIII вв.) саамы были самостоятельным народом и идентифицировали себя по отношению к соседям — прибалтийско-финским народам (Керт, 1997, 3).

И, наконец, самым древним является неэтимологизируемый живыми языками слой топонимии. В каждой топонимической системе имеется до десяти, может быть чуть больше, процентов топонимов, не поддающихся этимологизации. Конечно, это не следы какого-то одного древнего языка, а результат, скорее всего, воздействия многих языков во времени и пространстве.

В соответствии с грамматическими законами топонимообразования в финно-угорских языках неэтимологизируемые элементы, как правило, выступают в определяющей части топонима. В тех случаях, когда определяющая часть топонима состоит из двух и более частей, субстратные элементы также выступают в определяющей (адъективной) части топонима. Случаются и обратные случаи —

субстратный элемент выступает детерминантом. Субстратные топонимы являются наиболее древними, а значит, и более всего известными ориентирами, и потому привязка близлежащих объектов к местности происходит на основе этих древних топонимов, образуя как бы топонимные гнезда. Пример гнезда субстратной топонимии в Выборгской губернии: Muolaa — приход, деревня, мыза; Muolaanjoki — река, Muolaanjärvi — озеро, Muolaanlampi — лесное озеро. Конечно, скопления топонимов, порожденных единой основой, происходят не только с помощью субстрата, но и в виде живой апеллятивной лексики.

Приведем примеры сложных топонимов с неэтимологизируемыми основами. Капельский язык: Tshollanselgü, Tshombulahti, Sändämänjärvet, Skurrenoja и пр. Саамский язык: Aanadluht, Koallanjaur, Kuanjjokk, Partshnjarg, Sienneknjarg, Tsuossjaurash и т. д. Безусловно, в процессе исследования количество неэтимологизированных основ будет сокращаться.

Тойво Итконен приводит свыше 70 неэтимологизированных основ в составе саамских топонимов (Itkonen, 1948, II. S. 521—522). Касаясь проблемы неэтимологизируемых топонимов в саамском языке, он пишет: «На саамской территории встречаются неразгаданные (невыясненные) топонимы; инарские саамы предполагают, что они „северносаамские“ или „колтские“. Вполне возможно, что часть из них — наследие населения каменного века, которое жило в нашей стране до саамов. Со временем из языка могли исчезнуть слова, которые живут только в топонимах, с другой стороны, многие топонимы могли износиться, сократиться или исказиться по форме до такой степени, что их значение невозможно понять» (Itkonen, 1948, II. S. 521). Здесь же Т. Итконен приводит свод саамских топонимов с типовыми основами, насчитывающий до 200 топонимов, значение которых можно определить средствами саамской апеллятивной лексики (Itkonen, 1948, I. S. 104—106).

Завершая обсуждение проблемы субстрата и заимствований, следует отметить принципиальное различие между субстратными и заимствованными элементами в топонимии того или иного языка. Субстратные элементы — это наиболее древние заимствования, вошедшие в топонимическую систему того или иного языка. Они прошли «обкатку» заимствующей топонимической системы, подверглись закономерностям заимствующего языка и могут быть выявлены с помощью этимологического анализа. Язык-субстрат исчез или его носители переселились на другую территорию, он растворился в заимствующем языке. Заимствования же происходят

в зримую эпоху, можно сказать в наше время, в результате взаимодействия двух разносистемных языков, носители одного из них, как правило, двуязычны (т. е. представители того языка, который заимствует). Безусловно, точную градацию между ними зачастую провести невозможно, и судьба некоторых топонимов определяется условно.

Все разнообразие прибалтийско-финских и саамских топонимов в целях формализованной обработки для ввода в компьютер можно свести в следующую структуру базы данных. Структура построена таким образом, что в случае необходимости ее можно дополнять новыми кодами.

Структура описания

А. Простые

A111 Апеллятивы

A121 Этимологизируемые другими языками

A131 Неэтимологизируемые

A141 Эллиптические

A151 Форма множественного числа

В. Суффиксальные

B111 Суффиксы

B121 Топоформанты

B131 Этимологизируемые другими языками

B141 Неэтимологизируемые

B151 Эллиптические

B161 Форма множественного числа

С. Сложные

C111 Атрибут — имя существительное в номинативе

C121 Атрибут — имя существительное в генитиве

C131 Атрибут — имя существительное в местном падеже

C141 Атрибут — сочетание имени с послелогом, предлогом

C151 Атрибут — имя существительное в форме множественного числа

C211 Атрибут — сочетание имен существительных

C311 Атрибут — имя прилагательное

C411 Атрибут — причастие, числительное, местоимение и пр.

C511 Атрибут — отглагольное имя

C611 Детерминант — сложное слово

C711 Этимологизируемые другими языками

C811 Неэтимологизируемые

C911 Эллиптические

В этой же графе называется количество компонентов. Указываются значимые компоненты и неэтимологизированные.

Семантика компонентов топонимов

Семантическая классификация топонимной лексики с некоторыми коррективами была выполнена в соответствии с системой понятий, изложенной в монографии Р. Халлига и В. фон Вартбурга «Система понятий как основа для лексикографии» с некоторыми изменениями (Hallig, von Vartburg, 1952).

Ономасиологический словарь

А ВСЕЛЕННАЯ

A111 Небо и небесные тела, A121 Погода, ветер, состояние атмосферы, A211 Воды, моря, реки, A221 Ландшафт и полезные ископаемые, A311 Растительная жизнь вообще, A321 Деревья, общие сведения, A322 Деревья лесные, A323 Ягоды, A351 Растения и кустарники, A352 Цвета, A411 Домашние животные, A412 Полевые и лесные животные, A421 Птицы, A431 Рыбы, A441 Насекомые, членистоногие, земноводные.

В ЧЕЛОВЕК

B111 Общие сведения, B121 Прилагательные, B131 Органы, части тела, B151 Движения и действия, B161 Здоровье и болезни, B171 Человеческая жизнь в общем, B181 Потребности человека: еда, питье, B182 Одежда и туалет, B221 Чувства и мораль, B321 Сельское хозяйство, оленеводство, B351 Ремесла и профессии, B352 Производство хлеба, B353 Охота, рыбная ловля, B354 Работа в лесу, обработка дерева, B356 Ткани и обувь, B372 Постройки, B374 Посуда, домашняя утварь, B375 Населенные пункты, поселения, B381 Дорога, транспорт, B412 Семья, родство, B421 Онимы (топонимы, этнонимы, антропонимы), B511 Населенные пункты, поселения, B521 Религия, верования.

С ЧИСЛО, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ

C111 Число и количество, C211 Пространство и пространственные отношения, C311 Время, временные отношения.

0000 Неэтимологизируемые (происхождение неизвестно).

Индексация семантических полей составлена таким образом, что любой значимый компонент топонима найдет свое место. При необходимости могут быть открыты новые индексы.

Структура описания топонимии позволяет классифицировать отдельно лексические компоненты (этимологизируемые и неэтимологизированные) атрибута и детерминанта. Каждый этимологизируемый компонент идентифицируется также по частям речи (имя, глагол, прилагательное и т. д.) и по происхождению, если это заимствование.

Одним из универсальных свойств топонимии является способность переноса названия одного объекта на другой. Как правило, названия объектов ландшафта, гидрообъектов хронологически более древние; зачастую эти названия оставлены предшественниками. К этим известным ориентирам привязываются названия населенных пунктов. В карельской топонимии такой переход названия — обычное явление. Приведем примеры ойконимов, возникших в результате переноса названия с географического объекта (озеро, река, мыс и пр.): Mägräddärvi (ср. mägrä 'барсук', därvi 'озеро'), Suarjmägi (ср. suari 'остров', mägi гора'), Pedäilambi (ср. pedäi 'сосна', lambi 'лесное озеро'), Kolatselgü (ср. kolat субстрат, selgü 'хребет'), Viideljogi (ср. viidel субстрат, jogi 'река').

Процесс переноса названия приводит к трансформации топонима, хотя никаких существенных, на первый взгляд, изменений в топониме не происходит. По существу, нарушается первоначальная модель топонима. Модель, которая сформировалась и функционирует в течение всего периода сложения финно-угорских языков на апеллятивном уровне, а потом и на топонимном, перестает работать. В сложном названии нового объекта исчезает детерминант, т. е. название объекта. Экстралингвистический фактор — перенос названия сталкивается с лингвистическим — структурной моделью топонима.

Язык, чтобы выполнять функцию идентификатора объекта, начинает использовать другие средства. Функцию детерминанта принимает на себя в определенной степени падежная система. При переходе названий некоторых водных объектов (озеро, река) на названия населенных пунктов для идентификации объектов используется система внутреннеместных и внешнеместных падежей. Так, для обозначения населенного пункта Mägräddärvi (рус. Мегрозеро) используется название озера, на котором стоит данное село. На вопрос «куда?» при движении к населенному пункту используется внутреннеместный падеж (иллатив) — Mägräddärveh, при направлении к озеру употребляется внешнеместный падеж (аллатив) — Mägräddärvele.

Приведем примеры:

Jovensuu: (рус. Устье Видлицы): в населенный пункт — Jovensuuh, на реку — Jovensuule,

Suurimägi (рус. Большие Горы): в населенный пункт — Suurehmägeh, на гору — Suurelemäile,

Jüshküjärvi (рус. Юшкозеро): в населенный пункт — Jüshküjärveh, на озеро — Jüshküjärvellä,

Shuorashalmi (рус. Сопасалма): в населенный пункт — Shuorashshalmeh, на залив — Shuorashshalmeh. Как видно, в данном примере внешнеместные падежи не употребляются. Имеющиеся у нас материалы показывают, что топонимы с детерминантом *lahti*, *lakshi* 'залив', как названия залива, так и названия населенного пункта, употребляются только с внутреннеместными падежами.

В финской сельской диалектной топонимии существует разницей в употреблении внутреннеместных и внешнеместных падежей. Так, большинство названий деревень, оканчивающихся на *lahti* 'залив', употребляются во внутреннеместном падеже (ср. *Kuuslahdessa*), названия приходов — преимущественно во внешнеместном (ср. *Kesälahdella*, *Korpilahdella*, *Lapinlahdella*). Аналогичное явление с топонимами, оканчивающимися на *niemi* 'мыс'.

Названия деревень употребляются с внутреннеместными падежами, например: *Haaraniemessä*, в то время как названия приходов — во внешнеместных падежах, например: *Pelkosenniemiellä*, *Tuusniemiellä*, *Uukuniemiellä*. Диалектные различия проявляются в выборе основы, к которой присоединяется падежное окончание. В приходе Марттила название деревни *Hirvas* склоняется *Hirvaksella*, в Рованиеми то же самое название — *Hirvaa-lla*. Топонимы, состоящие из одной части с окончанием на долгое *aa*, принимают окончание внешнеместных падежей, например: *Karjaa-lla*, *Kullaa-lla*, *Kupittaa-lla*, *Loimaa-lla*, *Vantaa-lla* и др. Имена, конечной частью которых выступают слова, относящиеся к водным объектам, употребляются во внешнеместных падежах, например: *Evijärve-llä*, *Heinävede-llä*, *Leppävirra-lla*, *Rantasalmella*, *Rautalammi-lla* (Korhonen, 1976. S. 6—8).

В топонимическом архиве Финляндии проводится кропотливая работа по унификации названий однотипных объектов и введению рекомендаций при функционировании топонимов.

В целях нормализации применения падежей в зависимости от характера объекта в Финляндии издан справочник падежей при названиях населенных пунктов (Korhonen, 1990).

В карельской топонимии вопрос об употреблении местных падежей в функционировании топонимии не исследовался. Между тем в связи с расширением общественных функций карельского языка, становлением письменности унификация национальных карельских названий — одна из первостепенных задач лингвистической науки. Это касается, прежде всего, кодификации, нормирования, литературной формы топонима и его употребления в устной и письменной форме. Необходимо также узаконить грамматические правила и, в частности, употребление внутреннеместных и внешнеместных падежей.

При сборе материала по топонимии чрезвычайно важно зафиксировать у информантов, если это не вытекает из структуры и семантики топонима, сведения о происхождении топонима. Эти сведения помогут уточнить этимологию и мотивацию топонима. Далее, они в совокупности, как ничто другое, отражают народную психологию. В незатейливой, зачастую в наивной форме народная этимология свидетельствует о представлениях, мечтах, чаяниях народа.

Итак, описание лингвистических признаков топонима завершено. Кратко повторим основные сведения. В графе «Топоним» предлагается разбиение топонима на значимые и неэтимологизируемые компоненты в том виде, как они представлены в слове, даже если некоторые выступают в усеченном виде, например: *Nouzh-arvi*. Восстановленные компоненты *Nouzh* + *järvi* будут соответственно зафиксированы в графах «Онимизация» и «Трансонимизация». «Реконструкцию» топонима в этих графах следует проводить до известных пределов. Например, *-er* < *järvi*, *-ega* < *joki*, *jogi* не реконструируются. Структура позволяет выделять простые, суффиксальные и сложные топонимы. Семантические классы лексики атрибутов и детерминантов могут фиксироваться отдельно. Неэтимологизируемые комплексы вычленяются. Этимологизируемые из других языков (не языка представления) также фиксируются.

В графах «Онимизация» и «Трансонимизация» даются полные, реконструированные формы компонентов топонимов.

Топонимы — это не только знаки объектов, знаки, индивидуализирующие, идентифицирующие объекты. Они несут в себе печать культуры народа, его истории, отражают среду обитания, ландшафт, фауну, флору, климатические особенности. Поэтому при исследовании топонимии наряду с определением роли топонима как исторического документа и проявления народной культуры важно установление корреляции между географической номенклатурой и особенностями ландшафта.

Адаптированная русским языком прибалтийско-финская ойконимия и антропонимия зафиксирована во многих исторических документах.

О складывании сельской поселенческой топонимии хорошее представление дают древние документы — летописи, писцовые книги, переписные окладные книги, северные грамоты и пр. Важнейшее место среди этих памятников культурно-исторического значения занимает Полное собрание русских летописей (Т. 1—34. М.; СПб., 1841—1978). Наибольший материал по адаптированной русским языком прибалтийско-финской топонимии содержится в Писцовых книгах Обонежской и Водской пятин.

Особо следует отметить достаточно полное для того времени библиографическое описание работ по изучению финно-угорских народов в СССР «Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР» А. И. Андреева (1928). В описании дается не только аннотирование научных работ и статей по всем финно-угорским народам, но и приводятся исторические документы, касающиеся этих народов. Каждому народу посвящен специальный раздел аннотированной литературы и библиографии. В разделе «Карелы» А. Андреев, например, отмечает интересный факт, что В. Ключевский, работая над книгой «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря», обратил внимание на Соловецкие акты XV в., в которых упоминаются «лопь» и «карельские дети» (Андреев, 1928. С. 288).

Материал по русской топонимии прибалтийско-финского происхождения содержится в «Хрестоматии по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII в.», подготовленной А. Линевским, В. Машезерским и В. Пеговым (1939). Хорошие библиографические сведения представлены в книге С. Гадзяцкого «Карелы и Карелия в новгородское время» (1941). В подстрочных библиографических ссылках указываются не только статьи и монографии, но и исторические документы (писцовые книги, летописи, грамоты, договоры, акты исторические и др.), в которых можно найти материалы по русской топонимии прибалтийско-финского происхождения.

А. И. Попов в статье «Материалы по топонимике Карелии» (1949) дает хорошую сводку важнейших исторических источников топонимии Карелии. Он подчеркивает важность Новгородских и Софийских летописей для исследования топонимии Карелии, указывает на работу К. А. Неволлина «О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке» в Записках Русского географического общества 1853 г. (кн. VIII), привлекает внимание к изданным в 1922—1929 гг.

Академией наук актам в двух томах под заглавием «Сборник грамот коллегии экономики». Значительное число севернорусских грамот содержится, по утверждению А. И. Попова, в издании «Архив П. М. Строева» (в двух томах, Петроград, 1915—1917). Касающиеся Карелии акты находятся в известных изданиях Археографической комиссии: «Акты исторические», «Акты юридические», в хрестоматиях по древнерусскому праву и пр. (Попов, 1949. С. 65—66).

В 1987 году появился первый том трехтомного издания документов по истории Карелии, подготовленный совместно учеными Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР и Карельского научно-исследовательского института Университета Йоенсуу (История Карелии XVI—XVII вв. в документах, 1987; второй том — 1991 год, третий — 1993).

В сборнике представлены из российских архивов Писцовая книга Водской пятины 1539 г., Писцовая книга Водской пятины 1568 г., Книга сбора данных и оброчных с тяглогового населения Лопских погостов 1587/88 гг., Дозорная книга Лопских погостов 1597 г., Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 г. Из Финских архивов в Сборник включены Переписная книга Корельского уезда 1590 г., Список запустений церквей, часовень, монастырей и мельниц 1590 г., Переписная книга Корельского уезда 1618 г., Переписная книга Корельского уезда 1631 г.

Следует отметить, что в текстах документов чрезвычайно широко представлена топонимия и антропонимия соответствующих регионов. Документы вызовут несомненный интерес как первоисточник для исследования социально-экономической истории края. Не менее важны документы для изучения топонимии и антропонимии края, их становления в условиях непрекращающейся борьбы интересов России и Швеции.

Хорошим дополнением к Сборнику являются Указатель географических наименований русской части и Указатель географических наименований финской части.

Материалы по адаптированной русским языком саамской топонимии представлены в Сборнике материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. (Л., 1930). Тексты документов предваряют очерки А. И. Андреева «Исторические материалы о Кольском полуострове монастырских архивов», «Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Ленинграде» и Н. И. Ульянова «Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в московском древлехранилище». Очерки дают обзор важнейших материалов по истории Кольского полуострова. Для топонимистов представляют

интерес, например, сведения по собственным именам. В очерке Н. И. Ульянова содержится замечание о «лопских погостах». Так, в деле № 962 «Приказных дел старых лет новой разборки» имеется описание всех лопских погостов с указанием точного расстояния между ними и каждого из них от Кольского острога и от Вардегуза; скрупулезно отмечены количество населения в каждом погосте, принадлежность его к христианству или к «датской» или «свицкой» вере, а также указаны размеры дани (с. 22).

В 1961 году в Осло норвежскими учеными О. Брохом и Х. Стангом были опубликованы исторические акты XVII века с переводом на норвежский язык (Broch, Stang, 1961). Тексты актов отражают историю взаимоотношений России с одной стороны и Дании и Норвегии с другой на право взимания дани с саамов Финмаркена и Кольского полуострова.

В Сборнике содержится обильный материал по антропонимии и топонимии.

Сведения по топонимии Карелии и Кольского полуострова имеются в путевых заметках и исследованиях М. А. Кастрена, Э. Лённрота, В. Рамзая, Я. Феллмана, Т. И. Итконена, Н. Харузина, Д. Н. Бухарова, В. Чарнолуского, В. Немировича-Данченко, Н. Я. Озерецковского, И. С. Полякова и др.

Для глубокого уяснения стихийно сложившейся топонимической системы сельских поселений важна не только номенклатура, свод топонимов, исторические условия ее возникновения, этносоциальные особенности ее функционирования. Человек был тесно связан со средой обитания, он не противопоставлял себя природе, составлял с ней единое целое. В своей практической деятельности человек именовал те объекты природы, которые представляли для него непосредственный интерес в хозяйственной деятельности и соответствовали его мировоззрению в широком смысле. Поскольку каждый природный объект обладает многими признаками, в основу именования отбирались наиболее существенные.

Поэтому чтобы проникнуть в психологию номинатора при выборе признака номинации, исследователю чрезвычайно важно знать по возможности максимально большее число признаков объекта. Только в таком случае мы можем понять «технология» выбора названия, т. е. мотивацию топонима.

При исследовании принципов сложения топонимической системы необходимо принимать во внимание не только причины отбора признаков для номинации объекта, но и побудительные причины к именованию того или иного объекта. В природе существует

бесчисленное множество объектов, однако далеко не все они имеют названия. С другой стороны, бывают случаи, когда именованию подлежат не только объекты, но и части этих объектов, например, вершина или подножие горы, часть залива, поля. Безусловно, номинация частей объекта имеет свои причины.

Таким образом, выяснение всей полноты экстралингвистических признаков объекта является важной составляющей при исследовании топонимической системы.

В целом структурные и семантические признаки топонимов, экстралингвистические сведения об объектах, именуемых данным топонимом, и другие сведения укладываются в единую схему — «Структуру описания прибалтийско-финской и саамской топонимии» (табл. 1).

III Структура описания русской топонимии

Вводные замечания

Русские говоры Европейского Севера уже длительное время являются объектом исследования. Ученых привлекало не только своеобразие диалектной речи, проявляющееся в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе, но и мощный субстрат (и субсубстрат!), характерный для северных говоров.

К настоящему времени создано громадное теоретическое наследие в области русской диалектологии Севера, собраны уникальные коллекции лексических материалов, составляются добротные региональные диалектные словари, пополняются топонимические картотеки. Все это требует ретроспективного теоретического осмысления. Сознательно не выделяем из всего разнообразия конкретных исследователей, работ, регионов, лексических коллекций, так как это привело бы к необходимости сравнения, сопоставления, а это не входит в нашу задачу, во-первых, и она слишком трудна и ответственна, во-вторых.

В нашу задачу входит создание структуры описания русской топонимии для компьютерной обработки.

В настоящее время русская топонимия функционирует на всем пространстве Европейского Севера России. В районах проживания коренных уральских народов она существует параллельно с топонимией этих народов, уступая свои позиции в микротопонимии.

Осваивая с XI века, а может быть и ранее, исконную уральскую топонимию, включавшую в себя неизвестный субстрат, русская топонимия на Севере приобрела ярко выраженное своеобразие. На территории Карелии, Республики Коми, Мурманской, Архангельской, Вологодской и Ленинградской областей имеется огромный пласт адаптированных русским языком уральских топонимов. Усвоение русским языком предшествующей топонимии обусловило ее специфические особенности. К особенностям русской топонимии на синтаксическом уровне, обусловленным уральским субстратом,

можно отнести соположение основ, например: Киткамень, Конькамень, Серьгозеро, Небогора и пр. К этому же типу относятся топонимы с определяющей субстратной частью, например: Каржгуба (тоня, заливчик), Хямручей (тоня, ручей), Кушручей (тоня), Кузручей (тоня, ручей), Умбозеро (озеро) и т. д. Субстратные вкрапления проявляются и в адъективных словосочетаниях, например: Сивутински Закоржицы (отмели), Начисарска Курья (отмель), Гломяной Хедостров (остров).

Синтез разносистемных типов грамматики русского и прибалтийско-финских языков, а также лексические различия этих языков породили отличительные особенности севернорусской топонимии.

Структура описания русской топонимии также состоит из 18 граф-полей. Большинство граф-полей русской топонимии совпадают с соответствующими графами-полями прибалтийско-финской топонимии, так как отражают, во-первых, общие топонимические универсалии и, во-вторых, в идентичных графах даются экстралингвистические сведения об объектах, именуемых данным топонимом, а также сведения об информантах и собирателях.

Различия между топонимическими системами проявляются главным образом в структуре топонимов, хотя общие мотивы, обусловленные лингвистическими универсалиями (апеллятив, суффиксальное слово, сложное слово, словосочетание), имеются.

В мире, как известно, насчитывается до шести тысяч языков. Несмотря на огромные различия в этих языках, проявляющиеся в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, для всех, или по крайней мере подавляющего их большинства, характерны общности. В науке их называют языковыми универсалиями.

Подобные универсалии свойственны и особому, специфическому классу лексики русского и прибалтийско-финских языков — топонимам. Как в русском, так и в прибалтийско-финских языках топонимы выполняют номинативную функцию — индивидуализации, идентификации именуемых объектов. Именно благодаря этой функции топонимы служат ориентирами на местности. Далее, на первоначальном этапе образования топонимов в этих языках «строительным материалом» является апеллятивная лексика. Процесс превращения апеллиатива в топоним представляет собой онимизацию.

Топонимы, являясь порождением апеллятивной лексики, в известной степени отражают и структурные особенности языков. В структуре топонимов проявляются языковые универсалии русского и прибалтийско-финских языков, а именно: слово, суффиксально

оформленное слово, сложное слово, словосочетание. Поэтому для топонимических систем русского и прибалтийско-финских языков характерны идентичные по структуре разряды топонимов. Важной топонимической универсалией этих разносистемных языков является способность переноса названия объекта на другой объект, так называемая трансонимизация. В прибалтийско-финской сельской топонимии это наблюдается при переносе названия водного или иного объекта ландшафта на расположенный на нем или вблизи него населенный пункт. Аналогичное явление проявляется и в русской топонимии. К топонимическим универсалиям можно отнести также избирательность апеллятивной лексики, которая становится основой топонимной. Как показывает материал по саамской топонимии, громадное большинство апеллятивов, участвующих в топонимобразовании, это гидронимическая и ландшафтная лексика. Аналогичная картина наблюдается и в прибалтийско-финской сельской топонимии. В русской топонимии первоначальный ландшафтный гидронимический слой топонимии значительно перекрыт последующими наслоениями, однако в сельской микротопонимии действует эта универсалия. И, наконец, топонимы могут пережить породивший его язык и получить дальнейшую жизнь в виде субстрата в воспринявшем его новом языке. Как уже упоминалось, заимствованное слово на апеллятивном уровне живет полнокровной жизнью. Оно наполнено семантически: семантика заимствованного слова может сужаться, расширяться, но она не исчезает. В топониме же, несущем иную функцию, чем апеллятив, «безжизненный» в семантическом смысле остаток прежнего языка может сочетаться с наполненным смыслом апеллятивом языка-приемника.

Указанные универсалии характеризуют топоним в общелингвистическом смысле и проявляются в соответствующих структурных разрядах топонимов.

Наряду с общностями между прибалтийско-финскими и русской топонимическими системами, проявляющимися в топонимических универсалиях, имеются и различия. Топонимия — это часть лексики языка. Лексика этих языков различна. Существенные различия между двумя топонимическими системами проявляются в структуре топонимов. В прибалтийско-финской топонимии на начальном этапе образования топонима название объекта, именуемого топонимом, входит в структуру топонима, поэтому сложный топоним состоит из определяемой и определяющей частей. В русской топонимии слово, обозначающее объект, не входит в состав топонима. К различиям в топонимии можно отнести также то, что в русской

топонимии наряду с именами существительными используются также имена прилагательные как самостоятельные слова, характеризующие объект. Конечно, прилагательные употребляются в адъективных конструкциях. В прибалтийско-финской топонимии имена прилагательные употребляются только в сочетании с определяемыми ими именами существительными. В тех случаях, когда прилагательное применяется в качестве названия географического объекта, например: Kaitainen, Kaukonen и др., оно переходит в разряд имен существительных.

Структура русской топонимии (морфолого-синтаксическая часть)

В основу описания структуры топонимов принята классификация русской топонимии А. В. Суперанской, опубликованная в статье «Типы и структура географических названий (На материале топонимии СССР)» (1964). В описание структуры внесены некоторые коррективы, связанные со спецификой севернорусской топонимии.

В работе помимо примеров А. В. Суперанской использованы материалы по русской топонимии «Географического словаря Кольского полуострова», свода топонимов Г. П. Смолицкой (1976), «Словаря гидронимов юго-восточного Приладожья (бассейн реки Свирь)» коллектива составителей (Муллонен и др., 1997), топонимических экспедиций на Кольский полуостров (Терский берег) ИЯЛИ 1975—1976 годов, а также различных справочников.

Как и в прибалтийско-финской топонимии, классификация начинается с простых апеллятивов, например: Орел, Калач, Бор, Изюм, Остров, Клин, Сестра, Игра, Смычка, Половина.

К простым относятся также топонимы иноязычного происхождения, если внутренняя форма (значение) хорошо выявляется, например: Ладва (кар. *ladvu* 'вершина'), Лахта (кар. *lahti* 'залив'), Коньта (саам. *konnt* 'олень'), Вуондас (саам. *vunntas* 'песок').

Значительное место в этой рубрике занимают топонимы, потерявшие внутреннюю форму, т. е. значение: Анвис (сток), Пак (р.), Акс (оз.), Бель (д.), Едома (с.), Пендуз (д.), Водла (р.), Пяльма (с.), Вондзуя (г.), Веньдюги (место узкое), Силюяма (плес, река) и пр.

К простым топонимам А. В. Суперанская причисляет также и суффиксальные. По ее наблюдениям, «наиболее суффиксальным», если так можно выразиться, типом в топонимии являются

названия населенных пунктов, где особенно часто встречаются суффиксы -ов/-ев, -ово/-ево, -ино, -ск, -ка, -ье (Суперанская, 1964. С. 73).

В русском языке имеется грамматическая категория рода; естественно, она проявляется и на уровне топонимии. Наиболее употребительными топонимными суффиксами мужского рода в русском языке являются -ов/-ев, -ин, -ок, -овск, -инск, -ик, -ец, -ич, -ик, -ок. Громадное большинство топонимов с этими суффиксами служит для именования населенных пунктов. Указанные топонимные суффиксы присоединяются к русским и субстратным топоосновам.

Суффикс -ов/-ев. Большинство названий с данным суффиксом омонимичны русским фамилиям. Исторически трудно установить, являются ли названия населенных пунктов омонимами фамилий или произошли от прозвищ. Приведем примеры: Бобров, Глазов, Ершов, ср. также названия, образованные с помощью суффикса, присоединяемого к невыясненным основам: Арапов, Аредов (руч.), Турунтаев и др.

Суффикс -ин. Менее употребителен: Жлобин, Нежин, Натахин (руч.), Пашихин (руч.), Тогин (колодезь), Акутин (о-г), Алексин (о-г).

Суффикс -ец, -(о)вец. По данным свода топонимов Г. П. Смолицкой этот суффикс продуктивен при образовании топонимов бассейна р. Оки. Приведем примеры: Ястребец (р.), Радобец (р.), Губец (рук. р.), Дубец (о-в), Ржавец (р.), Кривец (о-г), Малиновец (отв.), Ореховец (оз.), Ольховец (руч.), Липовец (с.), Студенец (пруд), Олонец (г-д), Повенец (г-д).

Суффиксы -ич, -ач. Суффикс малопродуктивен. Примеры: Кержач (р.), Пузач (р.), Столбич (рук.), Вязич (р.), Никулич (руч.).

Суффиксы -ек, -ик, -ок. По утверждению А. В. Суперанской, «суффиксы -ик, -ок также не специально топонимические». Примеры: Вражек (р.), Соблок (р.), Лемешек (р.), Отвершек (о-г), Ушатик (о-в), Крутик (р.), Желобок (отв.), Столбок (бол.), Дубок (о-г).

Категория грамматического рода проявляется не только в апеллятивах, но и в топонимах. Одна и та же основа топонима может выступать в мужском, женском или среднем роде в зависимости от именуемого объекта. Грамматический род наименования объекта определяется как бы по роду имени номенклатурного объекта, именуемого топонимом (озеро — средний род, река — женск. род, ручей — муж. род и т. д.). Ср. оз. Водло, но р. Водла, оз. Онего, но р. Онега. Грамматическая категория рода, поражающая иностранцев своей несообразностью, проявляется в типах склонения (ср. день — дня, но тень — тени; пень — пня, но лень — лени

и т. д.). Указанные соответствия грамматического рода топонима грамматическому роду имени номенклатурного объекта проявляются до известной степени. В приведенных Г. П. Смолицкой топонимах с суффиксом -ец, -(о)вец, который представляет собой имена мужского рода, встречаются объекты с номенклатурным термином женского и среднего рода, например: Ястребец (р.), Радобец (р.), Ржавец (р.), Ореховец (оз.). То же самое топонимы с суффиксом -ич, -ач: ср. Кержач (р.), Пузач (р.), Вязич (р.).

Можно предположить, что в топонимах, начинающих терять свою семантику, происходят сбои грамматической аналогии грамматического рода — номенклатурного термина (озеро, река, ручей и пр.) и топонима.

К архаичным и малопродуктивным суффиксам топонимов женского рода А. Суперанская относит -на, -ня, -ина, -чина/-щина, -та, -аха, -иха, -уха, -уша/-иша, -оша/-аша, -ица. Эти суффиксы не предназначены специально для выполнения топонимных функций. В качестве омонимов эти топонимы могут иметь имена нарицательные и прозвища. Приведем примеры: Кропивна (р.), Журавка (р.), Рожня (р.), Болотня (р.), Песочня (р.), Лукошкина (р.), Березина (верш.), Гусевщина (р.), Ковшина (р.), Сабуровщина (р.), Любаха (р.), Морозиха (р.), Скокуха (р.), Потеряха (р.), Медведица (р.), Лужица (оз.), Бывалица (р.), Снежница (р.), Никуша (р.), Путиша (р.), Веркоша (р.), Сеникаша (р.), Крутица (р.), Ловатица (р.).

Суффикс -ка наиболее продуктивный в топонимии, хотя встречается и в апеллятивах. В своде топонимов Г. П. Смолицкой из 19 тысяч названий географических объектов более 4,5 тысячи оканчиваются на -ка. Подсчеты было легко сделать благодаря «Обратному словарю гидронимов бассейна Оки» (Смолицкая, 1988). Конечно, не все из этих 4,5 тысячи топонимов были с чистыми суффиксами. Многие «-ка» возникли в результате аналогий, нивелировки субстратной топонимии. В апеллятивах словообразовательные модели — это живая ткань языка, основывающаяся на семантических универсалиях (уменьшительность, собирательность, имя действующателя, житель местности и пр.). Границы между основой и суффиксом хорошо просматриваются в силу семантической четкости основы и суффикса. В топонимах с субстратными основами, в которых семантика «выветрилась», присущая апеллятиву смысловая связь между производящей основой и производным словом отсутствует. Суффикс -ка в семантически пустых топонимах как бы только манифестирует принадлежность этого слова к определенной категории имен.

Для иллюстрации роли семантики в апеллятивах по сравнению с «пустыми» топонимами, многосложными (где возможности сравнения с подобными шире) и односложными (где второй слог представляет суффикс), сравним три столбика:

Топонимы — апелля- тивы	Многосложные топо- нимы	Односложные топони- мы + суффикс
Вершинка	Куфтишка	Хавка
Морщинка	Тухвинка	Ловка
Песочинка	Лелавинка	Тувка
Крапивинка	Дертягинка	Унка
Половинка	Шернадинка	Вока
Горенка	Ниченка	Унка
Самозванка	Чепурданка	Юнка
Кочерешка	Поярешка	Лапка
Синичка	Карничка	Ремка
Свистушка	Сетушка	Чика
Морошка	Нерошка	Ремка

Суффикс -ка, наподобие суффикса -ск, имеет несколько разновидностей: -айка, -ейка, -анка, -енка, -инка, -онка, -овка. Приведем примеры: Березайка, Батайка, Соловейка, Тарадейка, Строганка, Чепурданка, Гребёнка, Поробенка, Купавинка, Крапивинка, Корюшка, Заболонка, Холохонка, Хомутовка, Гороховка, Хвостовка. Интересно отметить, что в основе топонимов данного типа лежат апеллятивные основы, однако чистых апеллятивов типа Козьявка, Медведка, Чертовка, Мутовка, Гулянка, Лысинка, Крупинка, Перинка, Глинка, Жемчужинка встречается относительно не так много.

Топонимных суффиксов среднего рода всего два: -ово/-ево и -ино. Однако они достаточно продуктивны. В сводке топонимов Г. Смолицкой насчитывается до двухсот топонимов с суффиксом -ово/-ево. В семантическом отношении основы топонимов с данным суффиксом условно распределяются в основном на три разряда. К первому разряду можно отнести топонимы, восходящие к апеллятивам, некоторые из них, по всей вероятности, были прозвищами, а потом превратились в фамилии, например: Хмелево, Мужнево, Коннево, Окунево, Суходрово, Карасёво, Лосево, Телятево, Лещёво, Бобрищево, Плотищево, Хвощево, Воробьёво, Корюшево, Карасьево, Кругово, Дроздово, Куликово, Жуково, Бараново, Сосново, Сахарово, Сереброво, Боброво, Бисерово, Глухово, Ольхово, Жабцово, Суходрово, Полукнязево. Ко второму разряду

принадлежат отантропонимические названия, т. е. фамилии, восходящие к древнегреческим, древнеримским, древнееврейским, древнерусским и древнескандинавским именам, например: Андреево, Дмитриево, Яковлево, Алёшево, Васильево, Захарьево, Игнатьево, Гаврилово, Абрамово, Епифаново, Софроново, Харитоново, Макарово, Захарово, Борисово и др. Наконец, самую большую группу топонимов составляют неразгаданные, происхождение которых не выяснено. Среди них, безусловно, пласт субстратных топонимов занимает достаточное место. Многие, возможно, древнерусского происхождения. Приведем примеры: Сологаево, Чучнево, Мосмарево, Кондырево, Виткишево, Тетьшево, Сарыбьево, Пивдово, Удово, Унзово, Улуково, Чаплыково, Тарчилово, Кокошилово, Улово, Корчуново, Урусово, Горетово, Супротово, Лукопертово, Кертово, Мутово, Волхово, Исерхово, Урпово и др.

Pluralia tantum

Прежде всего необходимо отметить парадоксальность функционирования категории множественного числа в топонимии. Сущность топонима заключается в индивидуализации, в единичности и, можно сказать, придании исключительности объекту, именуемому данным топонимом. Функциональная задача топонима — определить индивидуальную обособленность объекта (других объектов с таким названием нет!) — входит в противоречие с грамматической категорией множественного числа имени данного объекта. По форме (грамматической) объектов множество, а по существу в действительности объект один и строго индивидуален.

В русском языке подавляющее большинство имен нарицательных имеет формы единственного и множественного числа. Формы единственного числа указывают на единичность предметов, явлений (книга, поле, гроза) или на их единство, цельность, совокупность, неделимость, собирательность (толокно, крестьянство, молоко, тряпье, родня). У существительных второго типа формы множественного числа отсутствуют или употребляются только в узком, частном значении (масла, красоты). С другой стороны, имеется разряд существительных, имеющих только форму множественного числа (грабли, ворота, перила, брюки, хлопоты). Значение числа у них последовательно выражено синтаксически — формой единственного или множественного числа согласуемого прилагательного: бегущий / бегущие кенгуру или с помощью «один», «много» — одни ворота, много ворот.

Исключительность имен собственных состоит в том, что независимо от формы числа (единственное, множественное) топоним именует только единичный объект.

Второй особенностью категории множественного числа является ее универсальность. Множественное число по сравнению с другими — статистически наиболее часто употребляемая в языке грамматическая категория. Присоединение показателя множественного числа -и, -ы к любому конечному согласному слова создает иллюзию суффикса. Резонно встает вопрос о структурном членении слова. Принято считать, что словообразовательный суффикс присоединяется к основе слова. В приведенных ниже примерах конечный согласный в большинстве случаев относится к основе слова. Особенно это видно в апеллятивных топонимах, сравни: Островки, Галки, Станки, Пенки, Кочкарники, Тетерки, Ключки и т. д. С другой стороны, если вычленить суффикс -ки с уменьшительно-ласкательным значением в таких топонимах, как Ивки, Колики, Ицки, Очки, Галки и др., то основами в этих топонимах придется считать Ив-, Коли-, Иц-, Оч-, Гал- и т. д., что неверно. По существу, так называемый словообразовательный суффикс топонима *pluralia tantum* представляет собой своеобразный гибрид из конечного согласного основы и словоизменительного показателя множественного числа. Если быть последовательным, то придется считать топонимными суффиксами -ли (ср. Завали, Чупали, Учасли, Ясли, Костыли), -ни (ср. Вразнозвани, Разволгани, Елдни, Аксени, Шешени, Сивини, Содорни, Корни, Полуни, Усошни, Цветыни), -хи (ср. Семиверхи, Енгерхи, Генгерхи, Понгерхи, Сумерхи, Вознерхи, Перхи, Ичерхи, Ушерхи, Высчирхи). Подобные «суффиксы» можно продолжить и по другим конечным согласным основы.

Интересно проанализировать в этой связи количественное соотношение имен на конечный согласный и форм множественного числа этих имен. Так, топонимов с конечным согласным -к по материалам свода топонимов Г. П. Смолицкой насчитывается 231 (-ак — 7, -ек — 24, -ик — 87, -ок — 113). Топонимов с формой мн. ч. на -ки имеется около 200. Соответственно, количество слов на -л составляет 45 (-ал — 14, -ел — 5, -ил — 3, -ол — 15, -ул — 8). Количество форм мн. ч. — 14 (-ли — 5, -лы — 9). Топонимы на -м — 30 (-ам — 3, -ем — 1, -им — 4, -ом — 16, -ым, -юм, -ям — 6). Мн. ч. -мы — 14, -ми — отсутствуют. Топонимы на -н — свыше 740 (-ан — 29, -ен — 18, -ин — свыше 660, -он — 15, -ын — 18, -ян — 3). Мн. ч. -ни — 15, -ны — 16.

Как видно из изложенного, частотность употребления различных «суффиксов», или точнее говоря компонентов слова, неодинакова. По топонимам с конечным согласным -к наиболее употребительны формы -ик и -ок. У топонимов с конечным -н наиболее часто единственное число встречается в форме -ин. Это объясняется тем, что на апеллятивном уровне данные суффиксы наиболее употребительны. В языковом сознании действует закон аналогии, унификации, отдающий предпочтение названным суффиксам даже в субстратных, лишенных семантики топонимах. По этой причине топонимы с конечными согласными -л, -м, -р, -х и другими малоупотребительны.

Подводя итог, можно утверждать, что показатели -и, -ы являются словоизменительными (не словообразовательными!) морфемами и выражают множественное число независимо от того, является ли основа семантически значимой или субстратной, значение которой неизвестно. В русском языке это подтверждается и парадигмой склонения. Субстратные основы, как и значимые семантически, входят в парадигму склонения по общим правилам (ср. Кижы — в Кижам — к Кижам и т. д.). О топоформантах, и тем более о словообразовательных суффиксах, в данном случае не может быть и речи. Поэтому вполне справедливым является высказывание А. В. Суперанской о «простых бессуффиксных топонимах». Основными отличительными особенностями этих типов являются часто повторяющиеся конечные и реже начальные элементы, которые с точки зрения современного русского языка могут не быть ни суффиксами, ни префиксами, ни какими-либо другими морфемами. Таким образом, анализ этих топонимов нельзя назвать ни словообразовательным, ни морфологическим (Суперанская, 1964. С. 71).

Класс топонимов *pluralia tantum* пополняется за счет субстратных. Ср. в Карелии: Ивки, Кижы, Лоухи, Мейери, Нырки, Реболы, Сатули, Улваны, Утуки, Шушки и т. д.

Префиксальные топонимы

Префиксы в топонимах употребляются, как правило, в сочетании с суффиксами.

Приведем наиболее употребительные префиксы.

за-: Заболотное (оз.), Загорье (н. п.), Загубье (н. п.), Залесье (н. п.), Заозерье (н. п.), Заречье (н. п.), Зашеек (н. п.), Задужье (оз.);

меж-: Межозерное (бол.), Межозерные (болота), Межречье, Межгорье, Межумошье (бол.);

на-, над-: Наволок (н. п.), Нагоренье (лев. р.), Надубы (о-в), Напрудная (пр. р.), Напрудной (о-в), Надозерье (оз.);

о-, об-: Обозеро (оз.), Обводной (о-в), Облужья (р.), Оборенка (р.), Обонежье (район), Ополье;

по-, под-: Поднаволоцкое (бол.), Подбережное (бол.), Подберезная (пр. р.), Подгорное (оз.), Подносок (оз.), Полесье, Поморье, Поречье, Подбережное (бол.), Подпорожье (н. п.);

при-: Приморский (н. п.), Приречный (н. п.), Пригорский (руч.), Приозерск (г-д), Пригородная (верш.);

раз-/рас-, роз-/рос-: Разгуляй (о-в), Раздериha (р.), Рассохово (оз.), Россоши (ржавец, ржавое бол.).

Генитивные топонимы

Топонимы данного типа малопродуктивны в народной топонимии, носят характер искусственности, в основном являются мемориальными посвящениями. Приведем примеры: остров Беринга, море Лаптевых, мыс Дежнева, остров Пасхи, пик Победы, бухта Провидения. Как видно из этих примеров, в качестве названий выступают либо собственные имена, либо апеллятивы.

Сложные топонимы

В зависимости от характера компонентов сложного топонима, способа их соединения условно можно выделить по структуре несколько типов сложных топонимов. В качестве первого компонента сложного топонима могут употребляться прилагательные, глаголы, числительные, существительные. На Севере России, где освоение финно-угорской топонимии русским языком происходит буквально на глазах, в составе сложного топонима наблюдаются иноязычные вкрапления. Эти иноязычные компоненты могут быть этимологизированы живыми финно-угорскими языками. Некоторые из них, обусловленные вышедшими из употребления в живых языках лексемами, этимологизируются труднее. Наконец, компоненты топонимов, дошедшие до нас из предыдущих исчезнувших языков, остаются неразгаданными.

Взаимодействие русской и финно-угорской топонимических систем обусловило своеобразие севернорусской топонимии. Это своеобразие проявляется в географических терминах, заимствованных русскими у прибалтийско-финских народов и саамов.

Приведем примеры: каля пуд. 'обрыв', заон. калыча 'каменистое высокое место' (ср. ск., ливв. kallivo 'скала', люд. kallivo, kalli 'скала, груда камней в лесу', вепс. kall, kalli 'скала, каменный карьер', фин. kallio 'скала', саам. koalle 'скала');

кентище, кинтище русские говоры Кольского полуострова 'старое место жилья, поросшее травой' (ср. саам. киннт 'старое место жилья, поросшее травой');

корга бел., заон. 'отмель, скалистый островок', 'гряда камней в море' (ср. ск. *koriko*, *korgo*, ливв. *korgo* 'подводная скала, риф, мель', фин. *koriko* 'подводная мель', саам. куэррк 'мель, риф');

лахта 'залив, губа' (ср. ск. *lakshi*, *lahti*, ливв. *lahti*, люд. *laht*, фин. *lahti* 'залив', саам. луххт 'залив, губа');

мандера заон., пуд., бел. 'материк, в отличие от острова' (ср. ск., ливв. *manner*, *mantere*, *mandere* 'материк', фин. *manner*, *mantere* 'материк', саам. моантер 'материк');

салма заон. 'глубокое место в озере, узенький пролив между озерами' (ср. ск. *shalmi*, *salmi*, ливв. *salmi*, люд. *salm*, фин. *salmi*, саам. чуэлльм 'пролив');

сельга олон. 'лесистый кряж' (ср. ск. *shelkä*, *selgä*, ливв. *selgü*, люд. *selg*, вепс. *selg* 'кряж, возвышенность, гора', фин. *selkä* 'кряж, хребет, горная гряда', саам. селльк 'гряда') и др.

Синтаксис финно-угорского типа наложил отпечаток на структуру сложных топонимов. В северных русских говорах появились топонимы, образованные путем соположения основ, например: Киткамень, Конькамень, Каменьнаволоок, Неборучей, Маслоручей, Паруснаволоок, Небогора.

Под влиянием прибалтийско-финских и саамского языков в результате освоения топонимии этих языков русская топонимия приобрела своеобразный тип топонимов-гибридов. В образованных по финно-угорской модели топонимах при адаптации переводится на русский язык детерминант, т. е. слово, обозначающее объект наименования, например, в карельском: Кевятозеро н. п. (кар. *kevät* 'весна'), Нильмогуба н. п. (саам. *njalm* 'пасть; устье'), Соймигора н. п., Чуйнаволоок н. п.; в вепсском: Ахвозеро оз., Вадаксболото бол., Вихкручей руч., Корбоплесо плес; в саамском Пертнаволоок п-в (ср. *perrht* 'дом'), Уккоручей руч., Пулозеро оз., Мончегуба з-в (ср. *modzhes* 'красивый'), Пакрека р., Чарвозеро оз. (ср. *tsharrv* 'пешня'). Интересно, что при именовании элементов рельефа (различного вида гор) при освоении названий гор русскими используются заимствованные у саамов термины «тундра» и «варака»: Ливатундра г., Кукастундра г., Кумжеварака возв. Кстати, русский заимствованный термин «тундра» не соответствует финскому *tunturi* и саамскому *tudtar*, *tuntar*, в которых он обозначает вид горы.

Гибридные топонимы возникли на уровне устной диалектной речи, когда в процессе взаимодействия возник понятный для

контактирующих народов слой географической лексики. Прибалтийско-финские топонимы типа Суоярви (ср. *suo* 'болото', *järvi* 'озеро'), Питкяранта (ср. *pitkä* 'длинный', *ranta* 'берег') возникли путем транслитерации из письменных источников.

Типы сложных топонимов. В условиях непосредственного взаимодействия с одной стороны русской, а с другой прибалтийско-финской и саамской топонимии в зонах проживания этих народов разнообразие типов топонимов значительно больше, чем в регионах, где процесс взаимодействия разносистемных в языковом отношении топонимических систем прекратился. Тем не менее эти маргинальные типы русской топонимии должны найти свое место в классификации.

Сложные существительные, как уже упоминалось, классифицируются по принадлежности к части речи первого компонента: прилагательное, глагол, числительное, существительное.

В народной топонимии сложные топонимы, имеющие прилагательное в качестве первого компонента, довольно распространены: Синеборка р., Синегубов о-в, Суходол о-г, Суходрев р., Красноселка р., Долгозерка р., Белокаменка с., Беломорск г-д, Дальнезеленецкое с., Косогоры о-в, Старобабыя р., Сухоборка р., Краснодуб оз., Черногрязка р., Густоварка р. А. Суперанская выделяет два типа: с соединительным гласным и без соединительного гласного: Белгород, Миргород, Ленинград.

Значительно реже употребляются сложные топонимы с первым компонентом глаголом. К приведенным А. Суперанской — Звенигород, Владивосток, Владикавказ, Владимир — можно добавить: Вздериношка р., Вздеринога р., Задериножка р., Любогостья р.

Значительно продуктивнее по сравнению с предыдущей моделью сложного топонима, в котором первый компонент числительное: Однолуки с., Однолук р., Двубратьев о-г, Двоозерки оз., Тредубка р., Трегулейка р., Пятигорск г-д, Семиверхи о-в, Семивратки о-г, Семигорошки о-г.

Наиболее распространенным типом сложных топонимов является модель, в которой первым компонентом выступает основа имени существительного. Этот тип словосложения характеризуется различием лексики, участвующей в топонимообразовании. А. Суперанская выделяет в этом типе собственно сложения и мнимые сложения. Кроме того, ею отмечены «искусственные объединения в одном топониме двух основ» (Суперанская, 1964. С. 96). Отношения в этих объединениях между компонентами, по ее мнению, случайны, они не характеризуются никакими грамматическими связями и никаким

трансформациям не поддаются. В качестве примера приведены топонимы Верх-Ирмень, Верхозим, Усть-Кишерть, Усть-Белая, Усть-Вага и др.

Детальная классификация структурных типов топонимии с учетом семантики их компонентов крайне сложна, а если говорить по большому счету, то и невозможна. Во-первых, структура топонимов не коррелирует с семантикой (там, где ее можно выявить) компонентов топонима. Означаемое (содержание) неразрывно связано с означающим (выражением), но они не тождественны. А. А. Реформатский писал: «Содержание знака не совпадает с его материальной характеристикой, тогда как содержание вещи исчерпывается ее материальной характеристикой» (Реформатский, 1967. С. 21). Во-вторых, в зонах контактирования иносистемных языков и, соответственно, топонимических систем в процессе адаптации возникают новые типы топонимии, которые не могли бы появиться в условиях отсутствия такого взаимодействия. На примерах русской топонимии (точнее, топонимии в русском употреблении!) Карелии мы сталкиваемся с топонимами-гибридами, транслитерированными формами иносистемных топонимов, обрамленными русской грамматической системой, субстратными неэтимологизированными комплексами.

В регионах, например в Архангельской области и бассейне р. Оки, мощный, но уже основательно переработанный и освоенный пласт субстратной топонимии стал фактом русской речи. Язык, приспособляясь на свой манер субстратную топонимию фонетически, морфологически, синтаксически и лексически, не только максимально приближал к своим моделям (хотя это не всегда удается), но и стремился путем ложной этимологии (ср. Соломенное из соломя < салма) и другими способами освоить сущностную сторону языка — семантику. Так, в своде топонимов Г. П. Смолицкой можно найти подчиняющиеся закону ряда топонимы Мокрая Нявка и Сухая Нявка, Мокрая Панжа и Сухая Панжа. Этимология слов «Нявка» и «Панжа» неизвестна, т. е. эти слова не имеют значения. Тем не менее они имеют определения по качеству «сухой», «мокрый». Характеризоваться по качеству могут лишь апеллятивы в соответствии с их значением. «Топонимическое мышление» как бы приравнивает неизвестные по значению слова к апеллятивам, т. е. происходит «апеллятивизация» этимологически неясных комплексов. Такие примеры можно продолжить: Большая Пойка р. и Малая Пойка р. Река Алешня может быть Бавыкинской, Второй, Малой, Мокрой, Первой, Сухой.

В народной топонимии наблюдается стихийное, неосознанное стремление делать неузнаваемое узнаваемым, приближая непонятные слова субстратной топонимии к близко звучащим знакомым словам. Причем это делается с большей интенсивностью, если эти слова из фольклора, если они выражают народные чаяния, внутреннюю потребность народа. Так, в словаре Г. П. Смолицкой имеется свыше 70 топонимов с корнями люба-, любе-, люби-, любо-, некоторые из них не соответствуют литературным нормам, например: Любашва, Любень, Люберка, Любинка, Любишка, Любожа, Любышка и др.

К собственно сложениям А. Суперанская относит сложные топонимы главным образом с «градоименующими морфемами» -град, -горск, -заводск, -горы, -дар, -поль, например: Петроград, Лесогорск, Петрозаводск, Карпогоры, Каргополь, Екатеринодар. Сюда же причисляются топонимы типа Днепропетровск, Петропавловск, а также без соединительных гласных: Миргород, Ивангород, Борисполь.

К мнимым сложениям, по мнению А. Суперанской, относятся топонимы типа Лихославль, Ярославль, а также искусственно образованные названия предприятий,строек, разработок и пр., превратившиеся в топонимы: Москвауголь, Гидроторф, Свирьстрой, Изоплит и т. д.

В качестве самостоятельного выделен упоминаемый выше раздел «Искусственное объединение в одном топониме двух основ». А. Суперанская поясняет: «Здесь отношения между компонентами случайны, никакими грамматическими связями не характеризуются и никаким трансформациям не поддаются» (Суперанская, 1964. С. 96). К разряду искусственных объединений включены Верх-Ирмень, Верхозим, Верхубинка, Усть-Кишерть, Четь-Белая, Пит-Городок, а также Образцово-Травино, Боково-Платово, Орехово-Зуево, Алексеево-Тузловка, Нейво-Рудянка, т. е. с соединительной гласной -о первого компонента. Здесь же приведены словосложения типа Камыш-Заря, Брошнев-Осада, Сердце-Камень, Катав-Ивановск, Битюг-Матрёновка, а также топонимы с первым компонентом Спас-: Спас-Забережье, Спас-Клепики, Спас-Седчино, Спас-Теш и т. д.

Особую группу этого же разряда составляют топонимы с постпозицией и препозицией номенклатурного термина. С постпозицией:

-болото: Кошболото бол., Копанболото бол., Матьболото бол., Окуньболото бол., Пехболото бол., Янгболото бол.

-гора: Сеньгора, Тимойгора н. п., Семчегора н. п., Виллагора н. п., Вожмогора н. п.;

-губа: Коргуба н. п., Хайгуба н. п., Лохгуба н. п., Майгуба н. п., Сень-губа б., Тар-губа б.;

-наволоок: Ажепнаволоок н. п., Важнаволоок н. п., Вокнаволоок н. п., Ламбинаволоок н. п., Тернаволоок н. п.;

-озеро: Вагвозеро н. п., Габозеро н. п., Кайдозеро н. п., Лумбозеро;

-остров: Гафостров н. п., Екостров о-в, Пирьостров о-в, Соностроров н. п., Калиностроров н. п.;

-ручей: Ламбасручей н. п., Каскесручей н. п., Гонгоручей руч., Енручей руч., Каучручей руч.

Сюда же можно отнести топонимы с заимствованными русскими говорами номенклатурными терминами ламба 'лесное озеро', салма 'пролив, залив', сельга, селькя 'хребет':

-ламба: Кашалиламба н. п., Лагиламба н. п., Хетоламбина н. п.;

-салма: Коккосалма н. п., Коскосалма н. п., Лубосалма н. п., Лусалма н. п.;

-сельга, -селькя: Кохтусельга н. п., Кяппясельга н. п., Лехтенселькя н. п., Пускуселькя н. п., Терваселькя н. п.

К этому разряду А. Суперанской отнесены топонимы с номенклатурными терминами:

-поле: Гуляй-Поле, Мириямполе (ср. Янишполе в Карелии н. п.);

-пристань: Тетюхе-Пристань, Фараб-Пристань;

-река: Москва-река, Луга-река, Нарва-река, Шуя-река (ср. Тунатрека в Карелии н. п.);

-хребет: Халзун-хребет.

С препозицией. Приведены отдельные примеры. Озеро-Вавилово, Остров-Большая Дорога, Порт-Ильич, Пристань-Пржевальск, Станция-Горчаково, Станция-Чистяково. Топонимы с препозицией номенклатурного термина чрезвычайно редки и малопродуктивны. Они не характерны для русской топонимии.

Субстантивные сочетания со стержневым компонентом именем существительным при образовании топонимов довольно распространены. В таких топонимах номенклатурный термин входит в состав топонима. Обычно это происходит при трансонимизации, например, оронимического объекта на название населенного пункта. Так, название губы Сенной недалеко от Кижей стало названием населенного пункта «Сенная Губа». Встречаются и прямые наименования, когда номенклатурный термин вместе с определением составляют топоним изначально, например: название порога «Медвежья Голова», болота «Сахарная Голова». Субстантивные сочетания с субстратными вкраплениями образуются по другим принципам,

например: Важинская пристань н. п., Западное Кончезеро н. п., Чёрная Ламбина н. п. Мотивация названия в этих трех случаях различна.

Обычно различают два вида топонимов — с прямым порядком слов и обратным.

Прямой порядок слов. Берёзовый Наволок н. п., Большие Горы н. п., Красная Речка н. п., Кругленький Мох бол., Малая Речка прот., Абрамовская Заводь уч. р., Андрошихин Мох бол., Бароново Колено уч. р., Кривое Колено уч. р.

В качестве первого компонента могут выступать счетные прилагательные: Первая Чернуха р., Первой Лес о-г, Вторая Дуброва о-г, Третья Дуброва о-г.

В зонах былого и настоящего взаимодействия разных топонимических систем субстантивные сочетания получают субстратные включения. Структурно данные топонимы представляют собой словосочетание «определяющее (прилагательное) + определяемое (существительное)». Субстратные элементы могут выступать как в качестве первых компонентов, так и вторых.

Субстратные элементы первого компонента: Игоской Камень отм., Канжельский Мох бол., Мухлотская Верховина бол., Тюшнярское Болото ист., Шиворонской Отвершек колодезь, Синшевский Суходол о-г, Сиварцово Болото лощ., Лухтуйский Мох бол.

Субстратные элементы второго компонента: Ближний Лодоя руч., Большая Сара бол., Большое Кангасозеро оз., Большой Валдас оз., Васильевская Рямода бол., Нижняя Вадожка р., Верхнее Тукш оз., Глубокая Савода бол., Золотая Коковочка оз., Малая Кузра р., Мокрая Индрус р. В данном примере прилагательное не согласуется с существительным, т. е. грамматический род объекта (река) — экстралингвистический фактор оказывается сильнее грамматического. Далее: Сухой Мичкас р., Сухой Черляй р. и т. д.

Встречаются сочетания, в которых оба компонента субстратного происхождения: Кшеня Урля р., Карей Кор прот., Тяжит Памра о-в, Сарка Пелдужская р., Янгенская Кара з-в, Ряжская Еруга о-в, Гадичевская Кара омут, Кудлей Иболетовка р., Сюрьянская Кара з-в. Семантически пустые комплексы, входя в морфологическую и синтаксическую систему русского языка, «живут» по нормам другого языка. Из экстралингвистических данных известен только объект именования: река, остров, залив и пр., который упорядочивает в известной мере грамматический род топонима. Вспоминается сразу искусно изобретенная фраза известного русского лингвиста Льва Щербы «Гло́кая ку́здра ште́ко будлану́ла бокра́ и курдя́чит бокре́нка». Фраза

наглядно характеризует роль и значение морфологии и синтаксиса в «упорядочении» лексических единиц, иллюстрирует необходимую «избыточность» морфологии и синтаксиса в уточнении лексики и семантики языковых единиц.

К разделу «субстантивные словосочетания» принадлежат также конструкции существительное + существительное. Эти конструкции разделяются: 1) второй компонент в родительном падеже, 2) второй компонент в предложном падеже.

Конструкции со вторым компонентом в родительном падеже: Земля Франца Иосифа, Остров Свободы, Верховье Локни р., Верховье Плавы р., Зушица Филина р., Исток Черной Грязи р.

Конструкции со вторым компонентом в предложном падеже: Ростов-на-Дону, Комсомольск-на-Амуре.

Сюда же относятся конструкции числительное + существительное. Числительное в данных конструкциях управляет именем существительным: Два Колодезя р., Три Верха верш., Три Брата г., Семь Островов о-ва, Девять Скал г.

По сравнению с прямым порядком слов обратный порядок менее употребителен. Приведем примеры: Ленинск-Кузнецкий, Гусь-Хрустальный. Сюда можно отнести топонимы с субстратными элементами: Алег Никольской ржавец (ржавое бол.), Алешня Бавыкинской р., Пентега Плотиченская луда, Сарка Нюргинская р.

Топонимы-прилагательные

По структуре топонимы-прилагательные подразделяются на простые и сложные. Простые топонимы-прилагательные могут быть беспрефиксными, суффиксальными и префиксальными.

К беспрефиксным топонимам обычно относят качественные прилагательные. Как правило, это объекты физической географии: Черное оз., Черная р., Белая р., Белое море, Крутой о-г, Красное плес, Красный мыс, Белый о-в, Глубокая р., Глубокий руч., Сухой пор., Глубокое оз., Долгий з-в, Средний п-в, Зелёный о-в, Кислая б., Белая г., Долгой лес, Широкий о-г.

Реже образуются названия населенных пунктов: Белый пос., Круглое н. п., Сухое с., Плоская д., Грязная д.

Притяжательные прилагательные, субстантивизируясь, в качестве топонимов обозначают физико-географические объекты: Лебяжей о-г, Козей руч., Осинев отв., Утиной лев. отв., Щучья р. Прилагательные этого типа могут совпадать с фамилиями: Исаев пр. о-г, Раков пр. о-г, Дубин отв. Иногда притяжательные прилагательные служат названиями населенных пунктов: Жабье, Рыбачье, Козлова д.

Особенно продуктивен при номинации географических объектов класс относительных суффиксальных прилагательных. В топонимах-прилагательных используются суффиксы -ный, -вый. Употребительны топонимы-прилагательные с суффиксом -ский и его вариантами -цкий: Горняцкий пос., Троицкое с., -овский: Артемовский, Березовский, -енский: Рождественское, Воздвиженское и др.

В качестве топонимов употребляются и счетные прилагательные: Второй руч., Пятой о-г, Седьмой км, Первая р.

Подобно именам существительным топонимами могут быть префиксальные прилагательные: Загорский о-г, Загорское бол., Зазуменной пр. отв., Заливное оз., Задорожная р., Заполесное оз., Межозерное бол., Межозерные озера, Междупольской о-г, Наволоцкое оз., Надовражной о-г, Объездной рук., Объездное бол., Подберезная р., Подгоренской о-г, Подбережное бол., Подземельная р., Подборное оз., Пригорский руч., Пригородная верш.

В регионах бывшего и настоящего взаимодействия различных топонимических систем суффиксы свободно употребляются с субстратными (неэтимологизированными) основами: Вичужинская зав., Вагинское оз., Валдайский руч., Кильмуйское бол., Лоянское оз. Гидронимический материал списка рек и озер бассейна реки Оки Г. Смолицкой наглядно иллюстрирует процесс суффиксации субстратных гидронимов: Азясская верш. р. (ср. Азясь о-г), Аксельская верш. р. (ср. Аксель пр. рук.), Бастыевской лев. о-г (ср. Бастыев пр. прит.), Кабельшинский пр. прит. (ср. Кабельша р., Кабельшин лев. прит.), Луховское оз. (ср. Лух р.), Мизгейский в. прит. (ср. Мезгея р.), Нюховской пр. о-г (ср. Нюхова р.), Панженской пр. о-г (ср. Панжа р.), Рыданской лев. прит. (ср. Рыдань р.), Сугорбовской пр. прит. (ср. Сугорба р.).

К субстратным основам могут присоединяться даже некоторые префиксы. На топонимном уровне большинство префиксов характеризует пространственную ориентацию объекта. Исключение составляет префикс раз-/рас-, роз-/рос-, который с русскими основами «вошел» в топонимию на апеллятивном уровне, где его семантика ослабла и не несет собственно топонимической (пространственной) функции. Многочисленные суффиксы, употребляемые в топонимии, могли войти в круг рассматриваемой лексики как на апеллятивном, так и на топонимном уровне. Функция суффиксов по отношению к префиксам несколько иная. Суффиксы характеризуют грамматический класс слов.

В топонимах с субстратными основами весь грамматический «антураж», т. е. освоение, происходит на топонимном уровне. В этой связи крайне интересно проследить употребление того или иного суффикса с субстратными основами, а также выявить частотность употребления каждого суффикса с русскими и субстратными основами топонимов и сравнить с их частотностью на апеллятивном уровне.

Поэтому субстратные основы с относительной легкостью получают суффиксацию и крайне слабо — префиксы. Нужна абсолютная «встроенность» топонима в народную речь, его употребительность, чтобы этот топоним получил префиксацию: Засвирская р. (ср. Свирь р.), Заварыкин рук., Заварыкинский лев. о-г, Заварыченка пр. р. (ср. Варыга пр. р.), Подбуженка р. (ср. Бужа пр. р., Бужанский пр. рук.).

Сложные топонимы-прилагательные подразделяются на топонимы — сложные слова и топонимы — словосочетания. Компоненты сложного прилагательного могут быть неравноценными (т. е. первый компонент выступает в качестве определения, обстоятельства и пр.) и равноценными. Примеры первого рода: Белокаменная губа, Белокаменный мыс, Белореченский о-в, Суходольский о-в, Черногрязская р., Митинодворской руч., Разноназванное ур., Сухоруковской рук., Сухопольской рук. (ср. Сухая Полая р.). В качестве первого компонента топонима могут употребляться числительные: Семиовражный о-г, Семиостровский маяк, Шестимежий лог, Пятиверстное плесо, Пятимогильный о-в, Трехразвильной лог, Трехколодезный о-в.

Примеры топонимов, образованных с помощью равноценных прилагательных: Амурско-Зейская равнина, Бугульминско-Белебеевская возвышенность, Клинско-Дмитровская гряда.

Особо можно выделить сложные топонимы, в которых первый компонент является субстратным: Кивозерский руч., Койвозерский руч., Лупрученское бол., Паднаволоцкое бол., Кезоручейская луда, Ребовоконецкое оз., Чикозерское оз.

Адъективные сочетания А. Суперанская классифицирует на неравноценные прилагательные, составляющие топоним, и равноценные (Суперанская, 1964. С. 116—117). Неравноценные прилагательные относятся к разным семантическим разрядам: Волоковая Большая губа, Волчье Верхнее оз., Гавриловский Малый о-в, Зубовский Большой о-в, Капустное Верхнее оз., Корабельная Малая губа, Олений Большой о-в, Песцовая Малая тундра, Сиговое Большое оз., Семиостровский Летний пог. Адъективные сочетания могут

состоять из субстратных компонентов: Умбозерский Зимний пог., Хибинские Большие горы, Чавангское Верхнее оз., Щурицкий Большой о-в. Сюда же относятся сочетания с числительными: Второй Барский руч., Третий Барский руч., Седьмой Водоток рук.

К равноценным сочетаниям относятся сочетания типа Петровское-Разумовское, Ильинское-Хованское.

Все многообразие топонимии можно выразить в следующей структуре базы данных.

А. Топонимы-существительные

A111 Простые (суффиксальные, префиксальные, генитивные)

A121 Этимологизируемые другими языками

A131 Неэтимологизируемые

A211 Сложные (первый компонент — основа прилагательного, первый компонент — основа глагола, первый компонент — основа числительного, первый компонент — основа существительного)

A221 Этимологизируемые другими языками

A231 Неэтимологизируемые

A311 Субстантивные сочетания (прямой порядок слов, обратный порядок слов)

A321 Этимологизируемые другими языками

A331 Неэтимологизируемые

Б. Топонимы-прилагательные

B111 Простые (беспрефиксные, качественные, притяжательные, относительные, суффиксальные, счетные прилагательные)

B121 Префиксальные

B131 Этимологизируемые другими языками

B141 Неэтимологизируемые

B211 Сложные (собственно сложные, мнимые сложения, искусственное объединение в одном топониме двух основ)

B221 Этимологизируемые другими языками

B231 Неэтимологизируемые

B311 Адъективные сочетания (неравноценные прилагательные, равноценные прилагательные)

B321 Этимологизируемые другими языками

B331 Неэтимологизируемые

Предлагаемая структура описания базы данных русской топонимии, во-первых, устанавливает классификацию основных типов топонимии. Во-вторых, и это, несомненно, на наш взгляд, является важным при определении путей и способов освоения предшествующей топонимической системы, структура описания

проиллюстрирует основные тенденции в освоении субстратной топонимии того или иного региона. И, в-третьих, субстратная топонимия может быть подразделена на этимологизируемую (более поздний слой) и неэтимологизируемую (более древний слой).

Семантика компонентов топонимов

Топонимия любого региона складывается под влиянием различных факторов. К главнейшим составляющим относятся естественно-географическая среда, социально-исторические условия, морально-этические и религиозные представления.

Поскольку основой классификации служит семантический тезаурус языков мира, ономаσιологический словарь Рудольфа Халлига и Вальтера фон Вартбурга, используемый для прибалтийско-финских и саамского языков, пригоден и для классификации семантики русской топонимной лексики. Единый ономаσιологический словарь, принятый для различных языков и географических зон, поможет ярче показать своеобразие и специфику топонимной лексики языков и регионов.

Так, для саамской топонимной лексики в районе Петсамо Кольского полуострова характерны следующие лексемы: 'озеро' (свыше 480 раз), 'залив' (106), 'мыс' (93), 'остров' (65), 'гора' (209). Из лексики фауны наиболее употребительны 'олень' (разновидности) (36), 'собака' (5), 'медведь' (5), 'лебедь' (11), 'гусь' (11), 'кумжа' (9), 'сиг' (6), 'форель' (6), 'окунь' (17); из сферы хозяйственной и духовной жизни человека: 'место' (17), 'село' (12), 'загон, забор' (12), 'амбар' (16), 'изба' (14), 'вежа' (10), 'пожог' (26), 'село' (12), 'пастбище' (11), 'рог' (9), 'топор' (6), 'святой' (10), 'монах' (7). Особенно употребительны при образовании топонимии собственные имена.

Как уже упоминалось, одним из универсальных способов номинации географических объектов является онимизация и трансонимизация. Апеллятив, характеризующий какой-либо географический объект (гора, река, мыс, залив, озеро и т. д.), при его повторении в качестве ориентира превращается в топоним, т. е. происходит онимизация, превращение апеллятива в топоним. К таким апеллятивам-топонимам можно отнести названия Яма (омут), Заводь (омут), Зыбун (бол.), Озерко (оз.), Погост (с.) и пр. В качестве топонимов могут быть и словосочетания: Верхнее Плесо (уч. р.), Нижнее Плесо (уч. р.). Подобные названия встречаются крайне редко. Это можно объяснить тем, что для идентификации какого-либо объекта на территории

определенного социума апеллятив, значение которого идентично семантике топонима, может быть употреблен только один раз. Два аналогичных апеллятива в качестве топонима употребляться уже не могут, ибо теряется функция выделения данного объекта из себе подобных. Номинация объекта путем превращения апеллятива в топоним проходит, как правило, на первоначальном этапе топонимного «освоения» какой-либо территории. Кроме того, в языке имеется достаточно много других средств для идентификации однотипных объектов.

Явление трансонимизации состоит в том, что название одного географического объекта может переноситься на другой. Утвердилось мнение, что хронологически наиболее древние названия имеют водные объекты. Именно на берегах рек и озер в первую очередь селился древний человек. Реки и озера давали ему пищу, а передвижение по воде было наиболее легким.

Список рек и озер Г. П. Смолицкой дает прекрасный материал, свидетельствующий о переносе названий водных объектов на сельские поселения. При однотипных основах для разграничения наименований водных объектов и населенных пунктов язык использует в большинстве случаев морфологические средства и, в частности, суффиксацию: р. Желуховка — с. Желухово, р. Болдинка — д. Болдина, р. Жабинка — д. Жабы (Жабье), р. Матарушка — с. Маторы, р. Бушавка — с. Бушава, р. Дебра — д. Дебрево, р. Брехоть — с. Брехотово, р. Погорелка — д. Погори.

В некоторых случаях первоначальная основа сохраняется и в словосочетаниях: р. Зубаревка — д. Зубов Починок, р. Мармыж — д. Средние Мармыжи, д. Верхние Мармыжи.

Процесс трансонимизации требует, как видно из примеров, дополнительных грамматических средств, чтобы название нового объекта при прежней основе могло бы идентифицировать новый объект. Поэтому чем больше используется эта основа при идентификации последующих объектов, тем активнее происходит «обкатка», или «обрастание», трансонимизированной основы, и эта основа начинает зачастую восприниматься уже не как субстратная, а как принадлежащая исконно данному языку. Например, топоним «Москва» породил своих братьев «Замоскворечье», «Подмосковье», «Московский»; в Карелии название озера «Онего» дало дериваты «Заонежье», «Прионежье», «Обонежье».

Язык или, если можно так сказать, топонимная система все это многообразие морфологического инвентаря названий начинает классифицировать по географическим объектам. Так, по данным свода топонимов Г. П. Смолицкой названия речек в большинстве

своем начинают принимать уменьшительный суффикс -ка, например: Голдаевка, Багриновка, Ждимерка, Попелевка и т. д. В бассейне среднего левобережного Поочья названия деревень, сел начинают принимать преимущественно средний род, например: д. Везовено (ср. о-г Везовенский), д. Малеево (ср. р. Малеевка), с. Арбеково (ср. руч. Арбековский, с. Князево (ср. р. Князевка), с. Топорино (ср. р. Топоринка), д. Храпеево (ср. р. Храпеевка), д. Тинково (ср. о-г Тинковский), с. Колышево (ср. р. Колышенка), с. Судаково (ср. р. Судаковка), с. Широно (ср. р. Ширинка) и т. д.

Помимо словообразовательных средств разграничения топонимов в русском языке используются и словоизменительные, а именно, употребление падежей и предлогов. В русской топонимии при указании на направление к географическому объекту или нахождение используются предлоги, сравни: «на Кавказ», но «в Крым». Конечно, при употреблении в речи топонимы несут печать породивших их апеллятивов, а главное, употребление падежа ассоциируется с объектом, именуемым данным топонимом. В речи, особенно в случаях, когда указывается направление к объекту, именуемому данным топонимом, при употреблении топонима возникают грамматические ассоциации, связанные с объектом, которые и определяют употребление того или иного предлога. Так, слова, выражающие объекты бухта, брод, город, загон (для скота), долина, ложбина, овраг, переулок, поселок, селение, урочище и др. употребляются с предлогом «в». Слова со значением вершина, кладбище, мельница, мыс, остров, озеро, отмель, пасека, пожня, покос, пастбище, перешеек, поляна, площадь, пригорок, покос, холм, хутор употребляются с предлогом «на». Некоторые апеллятивы, выражающие географические объекты, при глаголах движения и состояния могут употребляться с предлогом как «в», так и «на». При этом словосочетания различных глаголов движения или состояния + имя с предлогами «в» и «на» могут иметь либо разные значения, либо оттенки значения, например: «пошел на озеро», но «упал в озеро». К таким апеллятивам можно отнести: огород, поле, река, село и пр. Тема употребления предлогов и падежей в русской топонимике ждет своего исследователя. В первую очередь это касается проблемы соотношения управления глаголов именами нарицательными и порожденными ими именами собственными.

На территории Карелии происходит, как известно, освоение русской топонимической системой карельских, вепсских и финских названий. Освоение иноязычной топонимии происходило двумя способами: на уровне народной речи и путем транслитерации через

письменные источники. Адаптация карельской и вепсской топонимии русским языком осуществлялась естественным путем посредством двуязычия на всей территории Карелии. Финская топонимия региона Ладожского озера и чуть севернее (бывшая территория Финляндии) входила в русский язык в основном через письменные источники. Разные способы заимствования породили различные типы освоенных топонимов.

Исторически сложилось так, что в освоенной русскими прибалтийско-финской топонимии довольно часто встречаются топонимы, оканчивающиеся на -ы, -и, т. е., по существу, представляющие собой множественное число. Примеры топонимов данного типа, освоенных народной речью: Вегаруксы, Кургеницы, Лендеры, Лоухи, Надвоицы, Виданы, Нырки, Онежены, Паданы, Реболы, Сумеричи, Татчалицы, Типиницы, Улваны, Челмужи, Шушки и др. Примеры топонимов, заимствованных через литературные источники: Алалампи, Ангенлахти, Вайтасаари, Куусиниеми, Питкякоски, Кайвомяки, Салмиярви. Различные способы проникновения иноязычных топонимов в русскую речь отразились на грамматической адаптации — «встроенности» в словоизменительную парадигму этих двух типов топонимов. Поскольку топонимы первого типа прошли длительную «обкатку» живой народной речью, они воспринимаются как формы множественного числа и свободно склоняются. В народе говорят: «Живу в Лоухах, Надвоицах, Реболах, Дворцах» (населенный пункт недалеко от Петрозаводска) и т. д. Кстати, форма «во Дворцах» поддерживается апеллятивом во множественном числе «дворцы» — «живут во дворцах». Топонимы второго типа относятся к так называемому нулевому склонению и, хотя по форме напоминают множественное число, тем не менее, не склоняются.

Таким образом, в графе «Падеж» необходимо отмечать не только название падежа (а также управляющий падежом предлог), но и отсутствие падежа.

Графы «Народная этимология», «Объект», «Исторические сведения об объекте по источникам» (здесь же приводятся формы топонима, извлеченные из исторических источников), «Экстралингвистические сведения об объекте» (в виде текста — вербально), «Административное деление», «Элемент карты», «Информант, источник», «Собиратель», «Обработчик» даются аналогично «Структуре описания прибалтийско-финской и саамской топонимии».

В целом структура описания русской топонимии приводится в таблице 2.

IV Общие задачи исследования

Предложенные структуры описания топонимии прибалтийско-финских и русского языков позволят определить общую численность топонимов этих языков по квадрату, региону, ареалу. Естественно, количественные данные могут увеличиваться при последующих сборах топонимии и вовлечении в процедуру обработки.

Поскольку топонимия — это расположение названий объектов в пространстве, чрезвычайно важно выявление специфики структуры топонимов каждого ареала.

При определении семантики компонентов топонимов необходима последовательность отнесения того или иного компонента к определенному семантическому классу. Это правило применяется в тех случаях, когда компонент топонима имеет более чем одно значение. Структура описания позволит разграничить и выдать в алфавитном порядке по определенному ареалу следующие компоненты топонимов: 1) субстратные (неэтимологизируемые), 2) иноязычные этимологизируемые, 3) этимологизируемые языком представления. Все этимологизируемые компоненты распределяются по семантическим классам. В прибалтийско-финской топонимии разграничиваются семантические компоненты, относящиеся к определению и к детерминанту.

С помощью ЭВМ структуры базы данных позволят решать, на наш взгляд, следующие задачи:

1. Выявление субстратного слоя топонимии, его фонетических и морфологических особенностей, ареала распространения ядерных и периферийных зон, специфических особенностей субстратной топонимии. Установление степени однородности, повторяемости топонимов, их плотности на условной единице площади. Поскольку субстратные элементы проявляются как в заимствующем языке (так называемый субсубстрат), так и в языке, у которого заимствуются эти элементы (субстрат), было бы чрезвычайно интересно

выявить не только наиболее характерные повторяемые элементы заимствующего языка, но и особенности их «вхождения» в его структуру.

2. Определение ареалов топонимии, этимологизируемой с помощью «живых языков», распространенных на территории Европейского Севера России, структурных типов топонимов и их семантики: 1) прибалтийско-финская, 2) саамская, 3) коми, 4) угорская, 5) самодийская, 6) русская (славянская). Как известно, территория, а также употребляемость национальной топонимии (карельская, финская, вепсская, саамская, коми, угорская, самодийская) на Европейском Севере России в силу исторических причин неуклонно сокращалась и сокращается. Поэтому фиксация этого материала крайне важна.

3. Исследование ареалов смешения топонимии, зон топонимии двух и более живых языков, соотношения частот различных топонимов в разных ареалах. Выявляя принципы адаптации топонимии разносистемных языков, мы можем проследить исторические пути освоения этносом территории данного ареала.

4. Определение абсолютных и относительных частот топонимов каждого языка на единицу площади.

5. Распространение структурных типов уральских и русских топонимов по различным ареалам.

6. Определение топонимических изоглосс однотипных явлений в семантике и структуре.

7. Выявление детерминантов и определений топонимов уральских языков.

8. Исследование соотношения топонимной и апеллятивной лексики по ареалам, регионам.

9. Исследование топонимии по семантическим классам (классификация по системе понятий Рудольфа Халлига и Вальтера фон Вартбурга).

В процессе исследования могут быть поставлены и другие задачи: принципы освоения субстратной топонимии русским языком, соотношение исконной и русской лексики в топонимии ареалов и регионов и др. Структура базы данных позволяет делать сопоставления «топоним — объект». Интересно, на наш взгляд, исследование принципов отбора объектов для номинации в зависимости от естественно-географических и культурно-исторических особенностей региона и др.

В этой связи заслуживают, на наш взгляд, самого пристального внимания попытки сопряжения данных топонимии с археологическими культурами. Это, конечно, не значит искать зависимость

между отдельными элементами культуры и конкретными топонимами, например, типом скребка и топонимом. Археологическая наука, собственно, и занимается выявлением этноса на основе археологической культуры. Основополагающий признак этноса — это язык, а топонимия составляет часть лексической системы языка. Безусловно, сопряжение таких разнородных факторов требует соответствующей культуры исследования. Как пишет Г. А. Федоров-Давыдов относительно археологической науки, «каждая категория объектов должна быть единообразно и правильно описана» (Федоров-Давыдов, 1987. С. 7). Поиск зависимости между ними можно определить путем наложения сетки археологической культуры на топонимную. Известный исследователь саамского языка и культуры Тойво Итконен эмпирически выявил закономерность появления саамских топонимов в местах расположения сейдов.

Summary

The growing interest towards place names research is explained in the first place by specific peculiarities of this component of the vocabulary. The role of toponyms — identifiers of geographical objects as accurate landmarks grows considerably in information-oriented society. Toponymy which has been forming for several centuries represents a powerful stratum of the culture, reflecting mentality of the nation. The striking differences between the toponym and appellative, revealed in their functions, place name structure, semantics of their components, have always been of great genuine interest to scientists. Finally, toponymy has significant resolving opportunities when solving problems of the origin and history of this or that ethnos.

In reality, toponymics as a discipline, which developed from ethnography, at the initial stage dealt mostly with etymologization. Only later identification of semantic, grammatical, functional and territorial peculiarities of place names became the subject of this science.

The role of toponymy in solving ethnogenetic problems is widely known. It is due to toponymy that the areas of former settlements of Indoeuropean and Uralic nations have been identified. Toponyms have convincingly verified the presence of the Finno-Ugric substratum in the European North of Russia. At the same time, toponymy, applied in its traditional way in research of ethnogenetic problems, is now exhausting itself. In comparing substratum toponyms with the appellative vocabulary of «living» languages, on the principle of «similarity», only a tiny part of the vocabulary of these languages is used. A huge massif of substratum vocabulary (for instance, the substratum of substratum Uralic toponymy in the European North of Russia) remains unclaimed, i. e. beyond the range of research. Meanwhile, just like the identified toponymy, it is a manifestation of spiritual activities of people, and must, therefore, be included in scientific research. Moreover, the amount of toponymy used in scientific research, is growing with avalanche speed. The natural potential of human being fails to comprehend the huge amount of this material. Now there is high demand for using computers in toponymic research. Computers enable researchers to store and

process a huge amount of toponyms according to the parameters required in a compact and safe way. Work with computers best of all contributes to the solution of the main objectives of scientific research, i.e. collection, accumulation, storage, processing, analysis and communication of information. In this work we have made an attempt to create the structure of description of Baltic-Fennic and Russian toponymy. The structure takes into regard morphological-syntactical peculiarities of toponyms, semantics of their components, as well as their functional peculiarities.

At the end of the 1950's and 1960's Soviet, as well as other linguists, started intensively using structural methods in research of languages. Such an increased interest in structural-typological research in Soviet linguistics was due mainly to the specific nature of science development in the Soviet Union. Given the conditions of forced unity of the Soviet ideology, the theory of «new teachings about the language» by N. Marr had for a long time been dominant in Soviet linguistics. The essence of the theory was that the language semantics dominated over its form — structure. There even existed a swearword in Soviet linguistics — «formalist», which was «glued» to scientists, who in their research would give preference to the language forms rather than to semantics.

It is necessary to mention, that the opposition of form to semantics in research of the language can be traced back in the history of general linguistics rather distinctly. Already starting from the Greek school of grammarians there appeared a gap between formal and semantic (or logical) schools of researchers.

Another significant factor for revival of structural research in the language has been a rapid development of cybernetics and computers at the same time.

The threshold of intellectual «miracle» — translation of texts from one language to another with the help of machines — has spurred a genuine interest in using computers among linguists. This is indisputable, that the requirements of automatic translation have considerably elevated the level of culture of morphological, syntactical, and lexical analysis of language. Because a computer will not accept an ambiguous interpretation of a grammatical category, its definition must be monosemantic.

The discussion of the problems concerning translation performed by machines and the problem of working out algorithms for translation in particular have significantly advanced our knowledge about natural languages, their structural and semantic peculiarities. At the same time, the experience with computer translation has made it evident, that there is

no single algorithm of a living, natural language to embrace the whole diversity of human speech (language). Not only because there is a great difference between humans and machine. Humans think through ideas, whereas machines operate with «meanings», lacking abstract power, not to mention the grand social and biological experience of humans.

The lasting interest in toponyms, can be explained not only by their unusual functions, mysterious origin of most of them, distinctions of their grammatical features from the other word class, i. e. appellatives, but also by the fact that they are rich in information needed to solve ethno-genetic problems.

The main function of toponyms is to pinpoint, individualize and identify the named objects among others. In the ongoing process of development of information-oriented society it is difficult to overestimate the role and significance of toponyms as accurate landmarks. One of the main objectives of toponymics as a science is to create a unified toponimyc service, as well as to make the list of place names in the region. Toponymy can perform its informational function in case all place names it consists of have accurate (with no variants) spelling and pronunciation. The repetition of place names within a limited area is especially not permissible.

Accuracy of geographical, topographic, administrative and other maps is one of the main requirements for effective functioning of the above mentioned services in an information environment. Ideal topographic and other maps must meet at least two requirements. Firstly, the geographical objects on maps, must correspond and be adequate to the geographical objects in reality. It is extremely important to stick to the scale (latitude, longitude). Secondly, every geographical object must have an accurate and non-contradictory name in a corresponding language.

The main advantage of any map is its nomenclature, the names, reflecting various geographical objects. At the same time, the modern status of Russian names, and the names, borrowed from Finno-Ugric languages in particular, leaves much to be desired. The main drawback of these maps, however, is lack of system when naming objects.

In bilingual and multilingual conditions it is highly important for informational purposes to make adequate and accurate lists of names of geographical objects in all languages, spoken in the area. In an area, where there are no canonic (in terms of spelling) names in any language, the rules for usage (adaptation) of names in certain languages in oral speech, as well as in writing should be formulated. For instance, in Karelia, some microobjects in rural areas have only Karelian or Vepsian names.

In this way the key objective of the toponymic science together with state agencies is to create a normalized, canonic and non-contradictory list of place names being in use, which would be used by state and municipal services, as well as by institutions of communication, transport, mass media etc.

Toponyms, being the products of the nations' mentality, reflect all aspects of people's spiritual and material life. Place names, as well as other manifestations of people's spiritual culture, i. e. folklore, rites, incantations and beliefs reflect peculiar national features and mentality. Pagan beliefs and totem ideas of the Sami are imprinted in Sami toponymy. Sami mentality manifests itself in peculiar features of toponymic thinking (vision). For example, fine gradations of landscape specific features, expressed through language, are characteristic of the Sami toponymy.

In naming geographical objects motivation is an important indication of peculiar features of the nation's self-awareness. The problem of motivation is the problem of having insight into the psychology of the nominator, the one who gave the object this or that name. It is also a problem of the nation's values. Ideal concepts of the nation are strongly and clearly reflected in the contents of toponymy. Toponymy is part of the cultural environment of the nation, it is the nation's attitude to the world. It is also the nation's world concept and construction.

Naturally «pure» toponymic zones in terms of the language are non-existent. In the process of historical development a new toponymic wave covers the previous one, forming historical strata of the toponymy. As a rule, a new wave of names enters the already existing system of toponymy. In this case it is extremely important to what extent the language of a new wave differs from the native language.

It is due to this very fact, that while being assimilated by an adoptive language, a toponym as a rule does not disappear, but, adjusting to a new language system, functions in a new language environment. The ethnos disappears, the culture fades away, the civilization changes, but the toponym, (its erasing phonetic shell, to be exact), is being modified, but still exists.

In solving ethnogenetic problems, an attractive feature of toponymy is the fact that it denotes linguistic identity of the ethnos. The language is the key element of the nation's culture. Archeological monuments, which for the most part characterize the material culture of people, despite its abundance and «materiality» fail to identify the ethnos adequately. It is possible, that the elements of one archeological culture can find their counterparts in different ethnoses. In order to perform their

main function toponyms, as part of the language vocabulary, can absorb considerable strata of the lexicon, which reflect the material and spiritual values of the nation.

Toponymy, through an indispensable, but still a specific part of the language vocabulary, due to its peculiarity, unlike appellatives, requires some other approaches in research. Perhaps, no other science has undergone such a striking evolution of opinions about its object, as well as about the very essence of it, like toponymics. The peculiar features of toponymic vocabulary-compared to appellative vocabulary create the illusion of a specific approach to its research. The address function of a toponym and distinguishing an object from the rest of the same class is the most distinct characteristic of the word class in question. Peculiarity of toponyms compared with appellatives, the mystery of their meanings have aspired scientists to discover these very aspects of toponyms. Scientists have paid no attention to the fact, that the toponym is in the first place a word. It took some time to realize a simple fact — that the toponym is in the first place a lexical unit of the language. If so, it must be studied as a linguistic phenomenon.

The differences between the appellative and toponymic vocabulary are manifested in semantics, principles of nomination, word-formation models, peculiarities of adaptation, specific features of the key and peripheral zones of the whole area of place names, as well as in structural-semantic peculiarities and ways of component linking.

Appellatives have an inner word form, i. e. they have a meaning. If they have a meaning, they may as well be abstract. The common noun unites a class of similar objects and concepts (ideas). Moreover, it can have several meanings.

As far as toponyms are concerned, the inner form of the word, i. e. the meaning, is of little importance. The main function of a toponym is to distinguish, individualize and identify the named objects among others. The main function of a proper name is to name, and the main function of a common noun is to unite.

The peculiar features of the toponym and appellative functions have been substantiated by grammatical, linguo-geographical and word-formative differences of common nouns and proper names.

It is widely known, that the word class of proper names is growing at the expense of common nouns. What semantic strata of the vocabulary transit to the class of proper names? How do external and internal linguistic factors influence this transition? In most general terms we can say that the transition of a certain class of appellative vocabulary to the class of proper names depends on many factors. As we know,

geographical objects are divided into natural (a river, a mountain, a swamp, a lake, a waterfall, a forest, a field etc.) and into artificial (a village, a road, a hut, a pillar, a mill etc.). The creation of toponyms as landmarks was substantiated in the first place by the type of the landscape, fauna and flora.

A specific feature of place names is that some of them have substratum interspersions. As a rule, in Balto-Fennic place names the substratum is the determinant of the place name, for it is determinant that characterizes the distinguishment of a given object from other similar objects in the system of place name coordinates, and it is determinant that serves as a landmark and a component of new place names.

The most ancient place names in Balto-Fennic languages, substratum hydronyms as a rule, serve as a kind of landmarks, and newer place names are attached to them.

Appellatives, consisting of several components, i. e. compound words, considering the whole semantic diversity of components combined in a compound word, express unified ideas. Moreover, appellatives, unlike place names, can not have foreign interspersions. The word in the set of its word forms regardless of lexemes it consists of is apprehended as a whole.

The act of nomination is «stretched» in time and forms more fixed language units, whereas word combinations at the appellative level are formed spontaneously at the moment of utterance.

Taking into regard its peculiar features, toponymics must work with a large amount of primary material. At the same time, human abilities in making sense of this material are limited. That is why the use of computers in toponymic research is extremely important. Computers will enable researchers to store and process according to the necessary parameters a huge amount of place names in a compact and safe way. It will be possible to correct mistakes and to update data processing programs. Computers will facilitate the implementation of the main objectives of scientific research, i. e. collection, storage, processing, analysis and communication of information. A long and exhausting preliminary preparation of data and its entering into the computer will be justified not only by rapid growth of productivity, but by good results as well. The possibilities of using computers elevate research of this word class to a principally new level, when a researcher finds a large amount of primary material at hand.

The unity of material collecting and processing methods must be viewed as one of the first and foremost conditions of computerizing place names. The unified methodology of collecting and processing

material enables one to get data, needed for other regions, through the Internet. And this is in addition to the advantages of receiving all information available concerning every place name and object, named by this place name.

Toponymic material, however complicated its phonetic, morphological and semantic structures are, can still be formalized. Every place name is a word (a simple word, a compound word, a suffix word) or a word combination which functions as a name for this or that geographical object. In this way, a place name has four main characteristics, which can be formalized: 1. Graphical, 2. Structural, 3. Semantic and 4. Geographical.

Since the vocabulary to be involved in place names formation, can not be foreseen, it has become necessary to adopt the universal model, covering all conceptual thesauri of human mental activity. «Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie» by Rudolph Hallig and Valter von Wartburg has become such a model (Halling Rudolf und Valter von Wartburg. 1952). This system, by the way, was used in collecting lexical material for the «Linguistic Atlas of Europe».

In 1990 in the Institute of Language, Literature and History it actually became possible to use computers in toponymic research. The material for computerization was Sami toponymy, collected by a Finish researcher K. Nickul. The list, consisting of 1555 place names (without lexical variants — 1543) was published in the «Fennia» magazine in 1934.

The structure of the database for formalization and subsequent entering into the computer of the toponymy, collected by K. Nickul, was formed in accordance with the understanding of the place name as a linguistic unit. The structure focused on the structural and semantic peculiarities of the place name. The structure is presented as follows: 1. place name identifier (in alphabetical order), 2. place name, 3. the language of representation, 4. one-component place name, 5. number of components, 6. diminutive, 7. determinant, 8. verbal construction, 9. adjectival construction, 10. analytical construction, 11. semantic formula, 12. data collection site (source).

The list of place names, prepared by K. Nickul and consisting of 1555 units (depending on the number of components) is distributed in the following way: one-component place names — 48 (13,9%), two-component place names — 1103 (70,93%), three-component place names — 375 (24,12%), four-component — 27 (1,74%), five-component — 2 (0,13%). The division of the place-names into components (etymologized and non-etymologized) enabled researchers to compile a dictionary of toponymic vocabulary. The computer has yielded all

toponymic vocabulary, approximately 850 lexemes, in the alphabetical order with all phonetic variants included. And what was more significant, it became possible to get an overall frequency of use of this or that lexeme (component of place name).

Research into the toponymic structure and identification of boundaries junctures between morphemes is a much more difficult task, compared to similar work with appellatives. As for the appellative, its structural elements are revealed in a live word paradigm at the inflectional level, as well as in a word-formative system of word-formative suffixes of noun and verb. As for the place name, due to poor manifestation of its components and its low involvement in the act of communication, the boundaries between morphemes in the place name erase more intensively. Moreover, additional sounds appear at morpheme joints, some sounds fall out, i. e. cross-boundary margins are intensively leveling out. The ancient place name is a simple projection of the appellative.

In accordance with the appellative structure place names are divided into three classes: A. Simple, B. Suffix, and C. Compound.

When the boundaries of the word are obvious enough, it is possible to structure compound and many-component place names. It is known, that in Balto-Fennic languages, like in any other languages of the Uralic family, word composition is the main mode of word formation at the appellative level. We observe the same situation in toponymy. We can say, that in formation of compound words and word-combinations all modes of word formation are typical of place names. Moreover, some constructions at the toponymic level are capable of forming name-references, whereas at the appellative level these very constructions are viewed as word-combinations.

The typical model of primary place name formation in Finno-Ugric languages is either transformation of the appellative into a place name or formation of a compound word, where the determinant is the name of the object. As a rule, such words refer to the class of geographical vocabulary, denoting landscape objects or objects made by humans.

The boundary between the attribute and the determinant in every particular case is defined individually. It also depends upon «the age» of the place name, when the elements of the preliminary strata are included into the place name structure (i. e. upon the order of component annexation in newly formed place names) and upon the mode of the place name formation — noun, verbal and adjectival word-combination. Finally, it depends on the number of the place name components.

In the zones, where languages of different systems are in contact, loan words are widely represented in the appellative and toponymic

vocabulary. In Karelia, for instance, Balto-Fennic geographical vocabulary is widely used in Russian subdialects.

In accordance with grammatical rules of place name formation, in Finno-Ugric languages non-etymologized elements are usually found in the place name determinant. When the determinant of the place name consists of two or more parts, the substrate elements are also found in the determining (adjective) part of the place name. Substrate place names are older and best known landmarks. That is why the attachment of nearby objects to the place is performed on the basis of these ancient place names, forming a kind of place name nests.

At present Russian toponymy functions throughout the European North of Russia. In the regions where indigenous of Uralic nations dwell it co-exists with the toponymy of these nations, yielding its positions in microtoponymy.

Mastering the original Uralic toponymy starting from the 21 century (and perhaps earlier), which included an unknown substratum, the Russian toponymy in the North has become obviously peculiar. In Karelia, Komi Republic, Murmansk, Archangelsk, Vologda and Leningrad oblast's there is a huge stratum of Uralic place names, adopted by the Russian language. The assimilation of the previous place names by the Russian language has determined its specific features.

The synthesis of grammar types of various systems in the Russian and Balto-Fennic languages as well as lexical peculiarities of these languages, have created the distinguishing features of North-Russian toponymy.

The description structure of the Russian toponymy also consists of 18 graph-fields. The majority of graph-fields of the Russian toponymy coincide with the corresponding graph-fields of the Balto-Fennic toponymy. It is so, because they reflect the common toponymical universals in the first place, and in the second place, extralinguistic information concerning the objects, named by this toponym, is given in the identical graphs. Information concerning informers and collectors is given in the graphs as well.

The classification of the Russian toponymy by A. V. Superanskaya was taken as the basis of toponym structure description. This classification was published in the article «Types and structure of geographical names (based on toponymic materials of the USSR)».

Detailed classification of place names structural types, taking into account semantics of their components, is a rather complicated task and on a large scale even impossible. Firstly, the structure of the place name does not correlate with the semantics (in case it can be revealed)

of the place name components. The signified (content) is indissolubly linked to the signifying (expression), though they are not identical. Secondly, in zones where languages of different systems and, consequently, of different place name systems are in contact, new place name types appear in the process of adaptation. Without such interaction these types would not have appeared. Taking as an example the Russian toponymy (place names used in the Russian language to be exact) of Karelia we meet place name-hybrids, transliterated forms of place names of different systems, framed by the Russian grammar system, as well as substrate and non-etymologized complexes.

In some regions, in the Archangelsk oblast' and in the river Ob' basin for instance, a huge, but already considerably transformed and assimilated substrate toponymy stratum has become the reality of the Russian language. The language, phonetically, morphologically, syntactically and lexically adapting substrate toponymy to its own structure, does not only assimilate the essential side of the language — its semantics (it is not always possible, though), it also tries to assimilate the semantics by means of false etymology and by other means (cf. Соломенное из соломя — салма).

In folk toponymy we may observe an uncontrolled, even subconscious striving to convert the unrecognizable into the recognizable, and making unknown words of substrate toponymy sound familiar. This striving is still more intensive if these words come from folklore and when they express the nations' desires and spiritual needs.

The description structures, suggested for the Balto-Fennic and Russian languages enable researchers to define an overall number of place names of these languages according to the quadrangle, region and area. It is clear, that the amount of data will increase in the process of place name collection and will be involved in the processing procedure.

Since toponymy denotes the arrangement of object names in space it is extremely important to define specific features of the place name structure in every area.

In determining semantics of place name components it is necessary to be consistent when we refer this or that component to a particular semantic class. This rule holds when a place name component has more than one meaning. The description structure enables us within a particular area to distinguish and arrange in alphabetical order the following place name components: 1) substrate (non-etymologized), 2) etymologized, foreign, 3) etymologized by the language of representation. All etymologized components are distributed among semantic

classes. In the Balto-Fennic toponymy semantic components, referring to the attribute and the determinant are distinguished.

We believe that a computer database will facilitate the implementation of the following tasks:

1. To identify a substrate place name stratum, its phonetic and morphological peculiarities and the area of the key and peripheral zones of its specific features. To define the level of homogeneity and repetition of place names, as well as their density in a certain area unit.

2. To identify toponymy areas, etymologized by living languages, spoken in the European North of Russia. To define place name structural types and their semantics: 1) Balto-Fennic, 2) Sami, 3) Komi, 4) Ugric, 5) Samodian, 6) Russian (Slavic).

3. To investigate areas of place name interaction, toponymic zones of two and more living languages. To investigate frequency ratios of different place-names in different areas.

4. To define absolute and relative place name frequencies of every language according to the area unit.

5. To extend the structural types of the Uralic and Russian place-names in various areas.

6. To define toponymic isoglotic lines of identical phenomena in semantics and structure.

7. To identify determinants and attributes of place-names in Uralic languages.

8. To investigate the ratio of toponymic and appellative vocabulary according to areas and regions.

In the process of research we may pursue some other tasks: to identify the principles of assimilation of the substrate toponymy by the Russian language, to identify the ratio of vernacular and Russian vocabulary in the toponymy of areas and regions etc. The database structure enables one to do the following comparisons «place-name — object». The investigation of object selection principles for nomination, taking into regard natural-geographical and cultural-historical features of the region is rather interesting from our standpoint.

Литература

Автоматизация в лингвистике. 1996 / Сб. статей. Ред. Л. Н. Засорина. М.; Л.

Автоматический перевод. 1971 / Сб. статей. Под ред. и с предисл. О. С. Кулагиной и И. А. Мельчука. М.

Азарх Ю. С. 1980. Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда. С. 137—144.

Азарх Ю. С. 1981. О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика. М. С. 5—29.

Андреев А. И. 1928. Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР // Финно-угорский сборник. Тр. Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л. Вып. 15. С. 243—329.

Бубрих Д. В. 1948, 1. Древнейшие числовые и падежные формы имен в финно-угорских языках // Язык и мышление. М.; Л. XI. С. 69—90.

Бубрих Д. В. 1948, 2. Из этнонимии Карелии // Советское финно-угроведение. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедческих наук. Т. 1, № 105, вып. 2. С. 123—128.

Бубрих Д. В. 1948, 3. О двух этнических элементах в составе карельского народа // Там же. С. 114—122.

Бубрих Д. В. 1975. Происхождение именного словоизменения в финно-угорских языках // Г. М. Керт. Дмитрий Владимирович Бубрих: 1890—1949: Очерк жизни и деятельности. Л. С. 61—102.

Бушмакин С. К. 1986. Структурный анализ топонимов Удмуртии // Ономастика Поволжья. Саранск. С. 20—29.

Веретин А. Л. 1997. Вопросы разработки компьютерного банка топонимии Европейского Севера России // Традиционная культура финно-угров и соседних народов: Тез. докл. междунар. симпоз. Петрозаводск, 9—12 февр. 1997 г. Петрозаводск. С. 69—71.

Гадзяцкий С. 1941. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск.

Географический словарь Кольского полуострова. 1939. М. 145 с.

Глинских Г. В., Матвеев А. К. 1975. Материалы по мансийской топонимике // Вопросы ономастики. № 10. Свердловск. С. 5—66.

Горбаневский М. В. 1994. Русская городская топонимия: Проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.

Горбаневский М. В. 1997. Субстратные гидронимы Волго-Окского междуречья как мотивирующие основы московских ойконимов и урбанонимов // Традиционная культура финно-угров и соседних народов... Петрозаводск. С. 47—52.

Горбаневский М., Преснов В. 1993. Топонимика и компьютерная лексикография. М. 48 с.

Григорьева М. В. 1983. К вопросу об искусственной номинации в топонимии // Методы топонимических исследований: Сб. науч. тр. Свердловск. С. 71—77.

Гурина Н. Н. 1977. Новые исследования древней истории Кольского полуострова // Природа и хозяйство Севера. Вып. 6. Петрозаводск. С. 3—14.

Дубровина З. М. 1969. Прибалтийско-финские элементы в топонимии Ленинградской области // Вопросы финно-угорск. филол., вып. 2. Уч. зап. ЛГУ, сер. филол. наук. № 335, вып. 71. С. 76—87.

Зайков П. М. 1979. Способы выражения грамматического числа в кольско-саамских диалектах в сравнении с прибалтийско-финскими языками (имя существительное) // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск. С. 97—103.

Исследования по структурной типологии. 1963. М.

История Карелии XVI—XVII вв. в документах. 1987. Петрозаводск; Йоенсуу.

Казаева Н. В. 1994. Лексико-семантический аспект эрзянской топонимии в бассейне рек Алатыря, Инсара и Суры // *Linguistica Uralica*. № 2. С. 91—98.

Керт Г. М. 1997, 1. О лингво-социологическом обследовании сельских поселений Ленинградской области // Из истории С.-Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб. С. 79—83.

Керт Г. 1993. О создании банка данных топонимов российской деревни // Деревня центральной России: История и современность: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Калуга, декабрь 1993 г. М. С. 45—46.

Керт Г. М. 1997, 2. Проблема выявления субстрата в проекте «Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России» // Традиционная культура финно-угров и соседних народов... Петрозаводск. С. 52—56.

Керт Г. М. 1995, 1. Проблемы изучения финно-угорской топонимии // Финно-угроведение. № 3—4. С. 3—27.

Керт Г. М. 1989, 1. Проблемы саамской топонимии // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск. С. 82—93.

Керт Г. М. 1971. Саамский язык. Л. 356 с.

Керт Г. М. 1997, 3. Саамские элементы в топонимии Карелии // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации

народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения '95»: Сб. докл. Петрозаводск. С. 195—200.

Керт Г. М. 1988. Словообразование имен в саамском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск. С. 84—91.

Керт Г. М. 1991, 1. Сохранить память земли // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск. С. 5—11.

Керт Г. 1982. Сравнительное исследование лексики карельского, вепсского и саамского языков с помощью перфокарт // Etudes Finno-Ougriennes XV. С. 211—215.

Керт Г. М. 1991, 2. Структурные типы саамской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск. С. 64—68.

Керт Г. М. 1989, 2. Топонимия в правовом государстве // Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры». 17—20 апр. 1989 г. Тез. докл. и сообщ. М. С. 42—43.

Керт Г. М. 1995, 2. Топонимное видение народа (на материале саамской топонимии) // Этническое и языковое самосознание. Материалы конф. (Москва, 13—15 дек. 1995 г.). М. С. 70—71.

Керт Г., Вдовицын В., Веретин А. 1998. Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России: TORIS. Препринт докл. Петрозаводск. 36 с.

Керт Г. М., Кузьмина О. И. 1991. Проблемы создания банка саамских топонимов // 2-я Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры»: Сб. материалов. Вып. 2. М. С. 83.

Керт Г. М., Лебедев В. А. 1988, 1. Возможности применения ЭВМ при исследовании топонимии Севера Европейской части СССР. Петрозаводск. 18 с.

Керт Г. М., Лебедев В. А. 1988, 2. Об исследовании топонимии Севера Европейской части СССР // Советское финно-угроведение. XXIV. С. 203—206.

Керт Г. М., Маркианова Л. Ф. 1979. Общие словообразовательные модели глагола в карельском и саамском языках // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск. С. 103—110.

Куклин А. 1995. К вопросу об этимологизации Волго-Камского гидроформанта -га // Linguistica Uralica. XXXI. С. 86—99.

Лебедев В. А. 1995. О системе компьютерных баз данных по экологии: Препр. докл. Петрозаводск. 31 с.

Лескинен В. 1967. О некоторых саамских гидронимах Карелии // Прибалтийско-финское языкознание. Л. С. 79—88.

Лингвистическая концепция терминологического банка данных машинного фонда русского языка. 1989 / Под. ред. проф. А. С. Герда. М.

Линевский А., Машезерский В., Пегов В. 1939. Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII в. Петрозаводск. 234 с.

Мамонтова Н. Н. 1995. Из истории изучения топонимии Карелии // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия разноразличных ономастических систем. Петрозаводск. С. 92—124.

Мамонтова Н. Н. 1992. О топонимических воззрениях Д. В. Бубриха // Д. В. Бубрих. К 100-летию со дня рождения: Сб. СПб. С. 62—68.

Мамонтова Н. Н. 1982. Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР. Петрозаводск. 212 с.

Мамонтова Н. Н., Кочкуркина С. И. 1982. О топонимии Северо-Западного Приладожья и сопредельных районов // С. И. Кочкуркина. Древняя корела. Л. С. 180—185.

Мамонтова Н., Муллонен И. 1991. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск. 162 с.

Матвеев А. К. 1989, 1. Народная топонимия и ее отражение на карте // Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия — памятники культуры». М. С. 51—52.

Матвеев А. К. 1965. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии // Вопросы языкознания. № 6. С. 3—15.

Матвеев А. К. 1969. Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера // Там же. № 5. С. 42—54.

Матвеев А. К. 1989, 2. Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // Там же. № 1. С. 77—85.

Матвеев А. К. 1964. Субстратная топонимика Русского Севера // Там же. № 2. С. 64—83.

Матвеев А. К. 1976. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // Там же. № 3. С. 58—73.

Машинный перевод. 1957 / Сб. ст. Под ред. П. С. Кузнецова. М.

Мельчук И. Д. 1961. Морфологический анализ при машинном переводе (преимущественно на материале русского языка) // Проблемы кибернетики. Вып. 6. С. 207—276.

Мельчук И. А., Равич Р. Д. 1967. Автоматический перевод. 1949—1967. М.

Мещанинов И. И. 1945. Члены предложения и части речи. М.; Л. 322 с.

Муллонен И. И. 1988. Гидронимия бассейна реки Ояты. Петрозаводск. 162 с.

Муллонен И. 1994. Очерки вепсской топонимии. СПб. 156 с.

Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. 1997. Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб. 194 с.

Мурзаев Э. М. 1964. Основные направления топонимических исследований // Принципы топонимии. М. С. 23—33.

Нисканен Р. А. 1971. Германские заимствования в прибалтийско-финских и саамском языках // Прибалтийско-финское языкознание. С. 70—95.

Палль В. 1975. Топонимика северной части Тартумаа: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Таллин. 56 с.

Подольская Н. В. 1988. Словарь русской ономастической терминологии. М. 192 с.

Попов А. И. 1965. Географические названия (Введение в топонимию). М.; Л. 182 с.

Попов А. И. 1949. Материалы по топонимии Карелии // Советское финно-угроведение. Т. V. Петрозаводск. С. 46—66.

Попов А. И. 1993. Непечатый источник истории Карелии (Карельская топонимика) // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск. С. 28—68.

Попов А. И. 1964. Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.; Л. С. 205—212.

Проблемы структурной лингвистики. 1962. М.

Проблемы структурной лингвистики. 1963. М.

Равич Р. Д. 1971. Избранная библиография по автоматическому переводу за 1955—1969 гг. // Автоматический перевод. М. С. 339—352.

Реформатский А. А. 1967. Введение в языковедение. М. 542 с.

Реформатский А. А. 1964. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. М. С. 9—34.

Седов В. В. 1974. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Топонимия центральной части России. Вопр. географии. Сб. 94. М. С. 20—33.

Серебренников Б. А. 1964. Об основных проблемах советского финно-угорского языкознания // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М.; Л. С. 5—14.

Словник-вопросник. 1978 / Отв. ред. Г. М. Керт. Петрозаводск. 85 с.

Смолицкая Г. П. 1976. Гидронимия бассейна Оки (Список рек и озер). М. 404 с.

Смолицкая Г. П. 1988. Обратный словарь гидронимов бассейна Оки. М. Вып. 1. 87 с.; Вып 2. 85 с.

Структурная типология языков. 1966. М.

Структурно-типологические исследования. 1962. М.

Суперанская А. В. 1964. Типы и структура географических названий (На материале топонимии СССР) // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. М. С. 59—118.

Ташицкий В. 1961. Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопросы языкознания. № 2. С. 3—11.

Теория и методика ономастических исследований. 1986. М.

Труды машинного фонда русского языка. 1991. Т. I (отв. ред. чл.-корр. АН СССР Ю. Н. Караулов, Ин-т рус. яз. РАН). М. 1992. Т. II (отв. ред. В. М. Андрющенко). М.

Турыгина Л. А. 1988. Моделирование языковых структур средствами вычислительной техники. М. 176 с.

Федоров-Давыдов Г. А. 1987. Статистические методы в археологии. М. 216 с.

Хакулинен Л. 1953. Развитие и структура финского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М. 312 с.

Хаузенберг Ану-Рэет, Кокла Пауль. 1988. Унифицированная система описания диалектов в применении к коми и марийским глагольным формам // Советское финно-угроведение. XXIV, № 1. С. 19—26.

Шумкин В. Я. 1990. Истоки формирования народности саами // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л. С. 121—127.

Broch O., Stang Chr. 1961. Russiske aktstykker fra det 17 de arhundrede til Finnmarks og Kolahalvoens historie. Oslo. 70 s.

Collinder B. 1964. Ordbok til sveriges lapska ortnamn, Uppsala. 255 s.

Dialectologia Uralica. 1985. Materialien des ersten Internationalen Symposions zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4—7 September 1984 in Hamburg (herausgegeben von W. Veenker). Wiesbaden. 330 s.

Hallig R., von Wartburg W. 1952. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Berlin. 140 s.

Härkönen I. 1920. Itäinen vartio. Lukuja vanhasta Karjalasta, Liitteet. II Rajantakaisen Karjalan kyläin luettelo. Helsinki. S. 317—396.

Itkonen T. I. 1958. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja LSFU, XV. Helsinki (сокр. — IKKS).

Itkonen T. I. 1920. Lappalaisperäisiä paikannimiä suomenkielen alueella // Vir. S. 1—11.

Itkonen T. I. 1916—1920. Lappalais-suomalaisia sananvertailuja // JSFOu, 32.

Itkonen T. I. 1928. Lappalais-suomalaisia sananvertailuja // MSFOu, 58.

Itkonen T. I. 1948. Suomen lappalaiset vuoteen 1945. I—II. Porvoo; Helsinki.

Kalima J. 1936. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat // SKST, 202. 252 s.

Kert G. M. 1993. Ortsnamenforschung mit Hilfe der EDV // 18 Internationaler Kongress für Namenforschung, Zusammenfassungen, Universität Trier 12—17. April 1993. S. 73.

Kert G. M. 1992. Prinzipien der Nomination von geographischen Objekten (Anhand des lappischen Ortsnamengutes) // Festschrift für Karoly Redei. Zum 60. Geburtstag. Wien — Budapest. S. 263—268.

Kert G. M., Vdovitsyn V. T., Veretin A. L. 1998. Toponymic Research System of Northwest Russia: The TORIS System // Karelia and Norway: the main trends and prospects of Scientific cooperation. Petrozavodsk. P. 104—108.

Kiviniemi E. 1980. Nimistö suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Vir. S. 319—338.

Kiviniemi E. 1990. Perustietoa paikannimestä. Helsinki. 243 s.

Kiviniemi E. 1971. Suomen partisiippinimistöä. Ensimmäinen partisiipin sisältävät henkilön- ja paikannimet. Helsinki. 307 s.

Kiviniemi E., Pitkänen R., Zilliakus K. 1974. Nimistöntutkimuksen terminologia. Helsinki (Castrenianumin tomitteita. 8). 112 s.

Korhonen R. 1990. Alastaroilla Ylistarossa. Suomen asutusnimet ja niiden taivutus. Helsinki. 557 s.

Korhonen R. 1976. Pitäjän- ja kylännimien paikallissijataivutus // Kie-likello. 8. S. 6—12.

Lehtiranta J. 1989. Yhteissaamelainen sanasto // MSFOu, 200. 180 s.

Miikkulainen R. 1990. Die finnische Ortsnamenbank // Proceedings of the XVIth international Congress of onomastic Sciences, Helsinki 13—18 August 1990. Editor Eeva Maria Närhi. Helsinki. P. 171—178.

Miikkulainen R. 1993. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen paikan-nimitietokannan kirjoittaminen (Moniste).

Nickul K. 1934. Petsamon eteläosan koltankieliset paikannimet kar-tografiselta kannalta // Fennia 60. N 1. S. 1—82 (соп. — KN Fe 60).

Nissilä V. 1975. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu. 382 s.

Nissilä V., Sarmela M., Sinisalo A. 1970. Ethnologisches Ortschafts- und Dorfregister des Finnischen Sprachgebiets. In Finnland, Karelien, Ingermanland, Norrbotten und auf der Halbinsel Kola // Studia Fennica. 15. Helsinki. 137 s.

Onomastica Uralica. 2001. Selected Bibliography of the Onomastics of the Uralian Languages. Edited by Istvan Hoffmann. 1a S. 1—241, 1b 242—469. Debrecen-Helsinki.

Setälä E. 1913. Bibliographisches Verzeichnis in der Litteratur behan-delten älteren germanischen Bestandteil in der ostseefinnischen Sprachen // FUF. Bd. 13. S. 345—475. Anz. S. 60—64.

Tanner V. 1929. Petsamon alueen paikannimiä, I Lappalaisia paikan-nimiä // Fennia. 49: 2. S. 1—36.

Räisänen A. 1995. Kainuun saamelaisperäisiä paikannimiä // Vir. S. 532—544.

Viipurin läänin paikannimihakemisto. Helsinki, Tietosanakirja-Osakeyhtiö.

Wiklund K. B. 1911. Lapparnas forna utbredning i Finland och Ryssland, belyst af ortamnen. Le Monde Oriental.

Сокращения

Географические термины

б. — бухта
бол. — болото
в. — верхний
верш. — вершина
возв. — возвышенность
г. — гора
г-д — город
д. — деревня
зав. — заводь
з-в — залив
ист. — исток
лев. — левый
лощ. — лощина
н. п. — населенный пункт
о-г — овраг
оз. — озеро

о-в — остров
отв. — отвершек
отм. — отмель
п-в — полуостров
пог. — погост
пор. — порог
пос. — поселок
пр. — правый
прот. — протока
р. — река
рук. — рукав
руч. — ручей
с. — село
ур. — урочище
уч. р. — участок реки

Языки, диалекты, грамматические понятия

бел. — беломорские говоры
вепс. — вепсский
дим. — диминутив
ед. ч. — единственное число
женск. — женский род
заимств. — заимствование
заон. — заонежский
кар. — карельский
иок. — иоканьгский
клд. — кильдинский
ливв. — ливвиковское наречие
люд. — людиковское наречие
мн. ч. — множественное число

муж. — мужской род
олон. — олонецкий
отглаго. — отглагольное имя
пад. — падеж
пуд. — пудожский
род. — родительный падеж
рус. — русский
саам. — саамский
сем. ф. — семантическая форма
ск. — собственно карельское наречие
собств. — имя собственное
ср. степ. — сравнительная степень
фин. — финский

Приложение 1

Алфавитный регистр саамской топонимной лексики

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
aaddar	Антери (собств.)	B421	5
aakan	баба	B111	1
aalad	склон горы ровный	A211	1
äälle	кол для сети	B353	1
aanad		0000	3
aanarash	инарский	B421	3
agges	забор, загон	B321	12
ahsh	топор	B351	6
aiginash	Айгинаш (собств.)	B421	1
aij	дед	B412	3
aije	дед	B412	1
aijek	дед (ласк. имя медведя)	B412	2
äijesh	дед (дим.)	B412	2
ain	заяц морской	A421	4
air	весло	B381	2
aitt	амбар	B372	16
ak	баба	B412	1
aki	баба	B412	1
akk	баба	B412	9
ald	важенка	B321	6
algash	сынок (дим.)	B412	6
alk	начало	C111	1
ambarni	амбар (рус. заимств.)	B372	1
ämlak	олень	A412	2
anj	чайка?	A421	1
ard	навес для вяленой рыбы	B353	3
arred	навес для вяленой рыбы	B353	1
atslem	развилка?	B381	3
aud	яма	B321	2
auje		0000	2
äun	паук	A441	1
aunja	Аунья (собств.)	B421	3
aunjash	Аунья (собств.)	B421	2
bashnikash		0000	1
bell	половина	C111	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
budrem	ручка весла	B381	2
eehrem	Ехрем (собств.)	B421	1
eekker	хромота	B161	1
egl	Егл (собств.)	B421	1
ei	Ей (собств.)	B421	1
eiev	Ейев (собств.)	B421	1
elij	Ельй (собств.)	B421	3
elna	Елна (собств.)	B421	2
elnan	Елна (собств.)	B421	1
elvash		0000	2
ev	Еван (собств.)	B421	1
evvan	Евван (собств.)	B421	2
evvashk	Еввашк (собств.)	B421	1
feät	Феат (собств.)	B421	2
feätsi	Феатси (собств.)	B421	1
gobban	Гоббан (собств.)	B421	2
gorsek	горшок (рус. заимств.)	B374	2
grebna	гребной (рус. заимств.)	B381	1
heevash	лошадь	A411	1
hlebn	хлебный (рус. заимств.)	B352	2
hooma	плесень	B181	2
höppi	филин	A421	2
hosik	хозяйка (рус. заимств.)	B412	2
huonös	ловушка для зверя	B353	2
huot		0000	1
huotra	Хуотра (собств.)	B421	4
hutt	каша	B181	2
iidtel	играть (о рыбе)	A431	1
iireshk	Ирешк (собств.)	B421	1
illep	Илlep (собств.)	B421	2
immel	бог	B521	1
irsa	боязливый	B221	1
jaan	большая река	A211	1
jahsht		0000	3
jakk	Якк (собств.)	B421	3
jalas	живой	B121	1
jatmosh	ягода	A323	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
jaur	озеро	A211	193
jaura	озерко (дим.)	A211	111
jaurash	озерко (дим.)	A211	179
jaure	озеро	A211	2
jauri	озеро	A211	2
jaurija	озеро	A211	2
jaurös	озерко	A211	7
jaut		0000	1
javv	мука	B181	2
javvash	мука (дим.)	B181	2
jeagga	болото	A211	1
jeän	большая река	A211	2
jeedesh	журавленок	A421	1
jegg	болото	A211	4
jegge	болото	A211	43
jekk	дядя	B412	1
jergim	олень, бык	A411	2
jieng	лед	A121	4
jier	яры (саамские штаны)	B182	1
jiert	бок	B131	2
jiertash	бок (дим.)	B131	1
jiv		0000	4
jok	река	A211	1
jokk	река	A211	70
joklem		0000	1
jonn	большой	B121	19
jonne	большой	B121	1
jonned	большой	B121	1
joogash	речка (дим.)	A211	6
joonash	река	A211	1
jörng	плес (на озере)	A211	8
joulu	рождество	B521	1
juelg	нога	B131	1
juelgi	нога (дим.)	B131	1
jui	белый	A352	2
julle	тупой	B121	1
juovv	куча камней	A221	3

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
juunges	сеть для ловли рыбы	B353	2
juv	куча камней	B221	1
kaadas	навес	B372	2
kaala	бродить	B151	1
kaap	Каап (собств.)	B421	1
kaapt	Каапт (собств.)	B421	2
kaartsek	граница	C221	1
kaasa	кошка	A411	1
kaavas	икона	B521	5
kadd	место возвышенное	A221	1
kaddes	груз для оленя	B381	1
kaid	перешеек	A211	1
kaidash	перешеек (дим.)	A211	1
kaig	бледный, белый	A352	1
kaijad	чайка	A421	1
kaiji	чайка	A421	3
kaiv	родник	A211	1
kaldi	прорубь	A211	2
kalk	лыжи	B381	1
kalla	шкура на лбу оленя	B334	10
kallaga	брод	A211	1
kailagash	брод	A211	1
kalli	скала	A221	5
kaln	Калн (собств.)	B421	1
kals	старик, дед	B412	2
kalsa	старик, дед	B412	3
kamme	ботинок	B356	1
kannesh	кувшин (дим.)	B374	3
kapper	шапка	B182	2
karbas	лодка	B381	1
kard	поворот	B381	3
kargash	болотистая земля	A221	1
karjal	карел	B421	1
kark	олень (безрогий)	A412	2
karn	склон	A211	2
karned	склон	A211	1
karnes	ворон	A421	2

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
karns	ворон	A421	7
kars	рубить лес	B354	1
karsek	просека	B354	1
karsk	просека	B354	3
kärts	Кяртс (собств.)	B421	2
kash	женщина	B111	3
kask	центр	C211	1
kattel	Каттел (собств.)	B421	1
kattjettem	снимать (штаны)	B151	1
kaurel	Каурель (собств.)	B421	2
keb	деталь сети	B353	2
kiedge	камень	A221	1
keimes	токование	A421	4
kein	дорога зимняя	B381	4
kel	рыба	A431	2
kelgan	ягельник	A322	1
kelka	ягельный бор	A322	3
kello	колокол	B521	2
kelt	палка, чурак	B354	5
kemne	котел	B374	2
kermes		0000	2
kerres	кережа	B381	1
kerts	обруч	B351	2
kessek	теленок	B151	2
keynges	водопад	A211	5
keyngsa	водопад (дим.)	A211	2
keyngsash	водопад (дим.)	A211	4
kiapnes	легкие	B131	5
kiedes	весна	C311	2
kiedg	камень	A221	1
kiedge	камень	A221	14
kieje	кукушка	A421	1
kiejesh	кукушка (дим.)	A421	1
kiekk	кукушка	A421	3
kiepsha	черный	A352	2
kier	обруч	B351	1
kiesseshettem	тянуть (отглар.)	B151	2

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
kiessettem	тянуть (отглагол.)	B151	1
kiest	рукавица	B182	7
kietk	росомаха	A412	3
kietkash	росомаха (дим.)	A412	1
kietke	росомаха	A412	1
kietshe	конец	C211	6
kiett	рука	B131	1
kilges	светлый	B121	3
kiurel	Киурел	B421	1
klennai (рус.)	глина	A221	1
koallam	скребок	B351	1
koallan		0000	4
kobb	яма	A221	5
kobbash	яма	A221	1
kodd	олень	A412	4
kodd	метание икры	A431	3
koddas	олень (дикий)	A412	2
kodde	олень (дикий)	A412	5
ködds	коготь, ноготь	B131	1
köddsi	коготь, ноготь	B131	1
kohka	длинный	C211	1
koibask	короб берестяной	B374	1
koij	сажа	B374	2
kok	длинный	C211	2
kokkash	длинный	C211	2
kolgmas	литься	B151	3
kölp	выпуклый	A221	1
kolt	олень?	A412	1
komnatem	опрокинуться	B151	2
konnos	олень	A412	1
kontrat	Контрат (собств.)	B421	2
koolosh	лыжи	B381	4
kooras	связывать	B151	1
koovas	чум	B372	1
koratm	шуметь	B151	1
korp	рыба?	A431	1
korre	ругаться	B151	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
korshe	водопад?, долина, овраг	A211	2
kört		0000	1
koshk	сухой	A121	30
kosk	центр, средний	C211	2
koskas	можевеловый	A351	2
koskma	средний	C211	1
koss	толстый	B121	2
kotk	муравей	A441	1
kotlo	котел (рус. заимств.)	B374	1
kotsh	туесок, корзина?	B374	2
kotshas	плес широкий	A211	2
kotshe	туесок?	B374	1
kötskom	тонуть	B151	2
koudsher	форель	A431	3
kresto	Кресто (собств.)	B421	1
krunk	Крунк (собств.)	B421	1
kuada	вежа (дим.)	B372	8
kuaivas	яма, вырытая оленем	B321	2
kuallash	райда	B381	3
kuals	крохаль (вид утки)	A421	1
kualv	береза сухая, гнилая	A322	2
kuanj		0000	2
kuappel	глухарка	A421	1
kuaskem	орел	A421	4
kuass	орел	A421	3
kuatsem	орел	A421	2
kuatt	вежа	B372	10
kuattes	вежа	B372	1
kuatts	кислый	B121	2
kubri	гриб	A351	2
kueds	выпуклость горы	A221	8
kuedshkash	гора ровная, покрытая сосной	A221	1
kuht	два	C111	3
kuell	рыба	A431	4
kuelli	рыба	A431	1
kueps	молоки	A431	3
kuesh	короб	B351	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
kuesm	Куесм (собств.)	B421	1
kuiktem?	люлька	B374	1
kuivas	яма, вырытая оленем	B321	1
kukkes	длинный	C211	7
kuib	ягельник	A311	1
kuobds	медведь	A412	1
kuobdsh	медведь	A412	6
kuolb	ягельник	A311	2
kuoll	семенники	B131	2
kuolngas	птица морская	A421	1
kuorb	пожога	B321	1
kuorbash	пожога (дим.)	B321	26
kuorbshash	пожога (дим.)	B321	1
kuord	рыба	A431	1
kuorg	отмель	A211	4
kuorgash	отмель (дим.)	A211	1
kuorva	развилина для сети	B353	1
kuoshk	водопад	A211	34
kuoshkash	водопад (дим.)	A211	4
kuoss	ель	A322	8
kuossash	елочка (дим.)	A322	1
kuotes	выпуклость горы	A221	2
kuots	кислый	B121	6
kuotsam	место между вершин	A221	1
kuotsem	место между вершин	A221	3
kuotskad	кислый	B121	1
kurnik	курник (рус. заимств.)	B352	1
kurr	долина, ущелье	A221	3
kushker	отмель (песчаная)?	A211	1
kuttemes	безрыбный?	B353	1
kuud	змея	A441	2
kuud	место (между чем-либо)	C211	1
kuudsh	кумжа	A431	9
laagash	вершина (дим.)	A221	1
laappi	тоня	B353	3
laarik	Лаарик (собств.)	B421	3
laati	амбарчик (на одной ноге)	B372	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
labb	вахта трехлистная	A311	3
labbash	баран (дим.)	A411	1
labdsh	ремень	B182	6
lahts	сливки	B181	1
laid	доска	B354	3
lak	вершина	A221	1
lakk	вершина	A221	7
lanj	лес густой	A322	1
lann	мясо отмокающее	B353	1
lanni	мясо отмокающее	B353	1
lappim	пропадать	B151	1
last	щепка	B354	2
latmosh	магазин	B372	1
laukk	сумка	B381	1
lautash	амбар	B372	2
leakk	навес от комаров	B372	5
leava	разбрасывать	B151	2
leptösh		0000	1
lett	песок	A221	4
leudiem	петь	B151	1
leuk	Леук (собств.)	B421	2
levent	Левент (собств.)	B421	1
leventi	Левенти (собств.)	B421	1
liett	песок	A221	2
liida	прогибаться	B151	2
lobbes	кувшинка	A311	1
loddem	снимать	B151	1
lohtsa	место чистки рыбы	B353	1
lok	крышка?	B374	2
lott	клин, кол	B353	1
loun	крючок рыболовный	B353	3
lueddom	расколоть	B151	1
lueikkem	стонать	B151	1
lueva	амбар	B372	3
luht	залив	A211	106
luhta	заливчик (дим.)	A211	1
luobbal	озеро проточное	A211	92

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
luobbala	озеро проточное (дим.)	A211	1
luobbalash	озеро проточное (дим.)	A211	12
lusm	исток реки из озера	A211	7
lutsh	понос	B161	3
lutshka	понос	B161	1
lvtash		0000	1
madd	земля	A111	1
madsash	излучина, залив	A211	3
maij	бобер	A412	4
makra	Макра (собств.)	B421	1
malkk	кривой	B121	1
mall	Малль (собств.)	B421	3
maln	1) лягушка, 2) заросли?	A441	3
mana	сиг	A431	1
manj	сиг	A431	6
marf	Марф (собств.)	B421	1
marj	Марьи (собств.)	B421	1
marn	Марн (собств.)	B421	1
mash	Маш (собств.)	B421	2
mask	окруженный	C211	1
matsek	одежда	B182	1
matt	Матт (собств.)	B421	1
matts	излучина, залив	A211	10
maun	сиг	A431	3
mekkal	Меккал (собств.)	B421	1
meln	горушка песчаная	A221	1
men	яйцо	B331	1
messhe	куст ивовый	A321	1
metlöttem		0000	1
meuk	хлеб?	B352	1
miket	Микет (собств.)	B421	1
milges	грудь	B131	1
mokk	кривой	B121	2
moodi	грязь	A221	4
moorast	гора, гряда	A221	27
moose	Моозе (собств.)	B421	2
mootshes	красивый	B121	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
mort	бурелом	B171	1
mostka	мост (заимств.)	B381	1
muatk	перешеек	A221	1
muelkk	поворот, кривой	B381	1
muerji	ягода	A323	1
muetk	перешеек	A221	6
muetkash	перешеек (дим.)	A221	1
muetke	перешеек	A221	4
muorr	дерево	A321	1
mutretem	чинить	B151	2
nallom	олень	A412	1
nashel		0000	1
nask	Наск (собств.)	B421	2
naud	волк	A412	1
neäskim	скребок	B351	3
neib	нож	B351	3
nelg	голод	B171	2
nerre	журчать	B151	1
neshk	начало реки, водопада	A211	3
neshke	начало реки, водопада	A211	6
nevesk	невестка (заимств.)	B421	3
nevvash	стремнина (дим.)	A211	3
njaannam	Ньяннам (собств.)	B421	5
njaargash	мыс	A211	1
njahtsh		0000	6
njall	песец	A412	1
njallash	песец (дим.)	A412	1
njalli	песец	A412	1
njalm	устье	A211	3
njarg	мыс	A211	93
njargash	мыс (дим.)	A211	1
njarje		0000	2
njarram		0000	1
njavv	стремнина, течение	A211	3
njavvash	стремнина (дим.)	A211	4
njoara	водопад?	A211	1
njoarash	водопад?	A211	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
njoll	амбар	B372	4
njollo	амбар	B372	6
njollom	амбар	B372	1
njollon	амбар	B372	1
njollt		0000	1
njon	нос, мыс, выступ	A211	2
njuhtsh	лебедь	A421	10
njuhtshel	лебедь	A421	1
njuikkam	прыгание	B151	1
njukkes	щука	A431	8
njun	нос, мыс, выступ	A211	6
njunne	нос, мыс, выступ	A211	2
njuorr		0000	1
njuorras	одеревенеть	B151	1
nodd	ручка (топора)	B354	2
nolles	санки оленьи	B381	2
nollsem	спускание	B151	1
nooras	сустав	B121	1
nordmas	пестик (для толчения коры)	B374	1
nuetsk	ложбина	A221	1
nuettem	неводить	B353	4
oaij	ручей	A211	25
oaiv	вершина	A221	35
oaivash	вершинка (дим.)	A221	14
oaiven	вершина	A221	1
oaivi	вершина (дим.)	A221	1
odd	новый	B121	16
og	Ог (собств.)	B421	1
ogvei	Огвей (собств.)	B421	1
ohnas	Охнас (собств.)	B421	1
ohs	Охс (собств.)	B421	1
oht	один (числительное)	C111	2
oim	сжиматься	B151	1
olk	вешала для сетей	B353	1
ontas	Онтас (собств.)	B421	2
onter	Онтер (собств.)	B421	4
oranj	олень-самец	A412	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
orb	круглый	B121	1
ord	стадо (олений)	B321	2
ores	олень-самец	A412	2
orm	находиться	B151	1
örtas		0000	2
osek	Осек (собств.)	B421	1
osk	Оск (собств.)	B421	1
ots	лед на дороге	A121	1
oume	человек	B111	1
paakkash	гора (дим.)	A221	3
paakki	высокая земля	A221	4
paalak	палочка деревянная	B354	1
paaljes	тропа	B381	1
paas	плохой	B121	4
paatsek	шишка дерева	A322	1
paaval	Паавал (собств.)	B421	1
paht	гора, обрыв	A221	7
paiba	верхний (ср. степ.)	C211	2
raij	верхний	C211	24
raimas	самый высокий	C211	1
räiv	день	C311	1
palgas	пастбище; тропа	B321	11
palka	палочка (заимств.)	B354	2
rank	Панк (собств.)	B421	1
pann	зуб	B131	3
pard		0000	3
parr	волна?	A211	4
partsh		0000	2
pashm	скалистое место	A221	1
pass	святой	B521	8
passe	святой	B521	2
passel	рыба плохая	A431	1
pastem	ложка	B374	2
patsa	гном, подземный житель	B521	1
pattsh		0000	1
pautash	обрыв	A221	1
pavl	Павл (собств.)	B421	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
pavla	Павла (собств.)	B421	1
peäsk	малица	B182	1
peäss	береста	A321	12
peässa	береста	A321	1
peäst	оторваться	B151	3
peätsam	Петсамо (собств.)	B421	3
pedd	чулки	B182	1
reip	трубка	B181	1
reit	скрытый	B121	1
pelljai	ухо	B131	1
pelts	бросать	B151	2
per		0000	5
pidd	чулки	B182	1
pidrik		0000	1
pieds	сосна	A322	6
piel	половина	C111	1
pielb	стрела	B353	5
piell	половина	C111	5
pienna	собака	A411	6
piennai	собака	A411	1
piess	береста	A321	3
pietts	сосна	A322	6
piettsa	сосна (дим.)	A322	1
pilt	украшение	B182	3
piltk	украшение	B182	2
pinn		0000	1
roaldem	сжигать	B151	1
podgovari	подговорить (рус.)	B151	1
pohk	дно	A211	1
poht	основание залива	A221	1
pöll	страшный	B121	1
romme	бумага	B171	2
ronnjalem	вить	B151	2
rooreoolash	находящийся на холме	B151	3
roorras	кушать	B151	1
poorre	пологий холм	A221	2
porshek	обжора	B161	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
pörrt	изба	B372	14
possam	мыться	B182	1
possom	мыться	B182	1
postai	пустой (рус.)	B121	1
pothk(las)	трубка?	B181	2
puads	олень	A412	1
puadse	олень	A412	1
puerr	хороший	B121	1
puhs	штаны	B182	3
puldshik	гряда песчаная	A221	3
pulk	сани (саамские)	B381	1
puottsam	больной	B161	1
puun	ящик	B374	6
pust	пустой?	B121	1
puur	хлев	B372	2
puures	хлев	B372	1
raije	граница	C211	1
raps	неровный, каменный	A211	2
rasher	каменное место	A211	1
rastim		0000	3
ratktak	развилка (дороги)	B381	1
raud	колышек	B321	1
raun	поток (встречный)	a211	3
raut	форель	A431	6
redd	берег	A211	5
reid	спор	B171	1
reig	Рейг (собств.)	B421	3
reks	грех?	B521	3
rengash		0000	1
repp	куропатка	A421	4
reslatem	хлестать	B151	1
reud	олень-самец	A412	2
riehkom	бить	B151	1
riekkom	бить	B151	1
riettam	рвать	B151	2
riiddash	берег (дим.)	A211	1
riiko	Риико (собств.)	B421	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
riis	рысь	A412	1
rimnj	лиса	A412	2
riss	хворостина	A311	1
riuttik	олень-самец?	A412	3
roats	бурелом	A321	1
roavv	бор сосновый	A322	3
rookanj	Роокань (собств.)	B421	1
roott	лес густой	A322	1
rosh	красный	B121	5
rött	силоч для птиц	B353	2
roudash	железо	A221	1
ruhl		0000	2
runn	прорубь	A211	1
runni	прорубь	A211	2
ruokk	камыш	A311	12
ruossel	гореть	B151	2
rush	русский	B421	5
rust	ржавчина	B374	1
ruud	железо	A221	6
saarek	сорока (головной убор)	B182	1
saarni	говорящий	B151	1
saav	плес	A211	2
sagorn	горелое место	B321	1
saij	место	C211	17
saitt	пешня	B353	2
sallaga	скала (подводная)	A211	4
sann	сани	B381	1
sarg	сукно	B356	1
satka	пристань	B381	1
sauds	овца	A411	4
sauj	малек рыбы	A431	1
savvel	хариус	A431	5
seass	тетя	B412	1
seeles	невкусный	B121	1
selg	сельга	A221	4
semman	Семен (собств.)	B421	1
semna	Семна (собств.)	B421	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
serdeshnii	сердечный (заимств.)	B121	1
serk		0000	1
set	дядя	B412	1
shakki	олень (дикий)	A412	1
shamsh	шамшура	B182	2
shapsh	сиг	A431	1
sharde	журчать	B151	2
sharr	журчать	B151	2
shashm	шамшура	B182	1
shetkash		0000	1
shiörbshash	гладкий	B121	1
shiugh	хороший	B121	1
shiurab	большой (ср. степ.)	B121	3
shokk	дышать	B151	1
shoshn	дерево	A321	1
siäv	приглашать	B151	1
siennek		0000	1
sijd	село	B511	12
siskash	внутри	C211	1
siuresh		0000	1
skait		0000	1
sluud	слюда	A221	1
soaiv		0000	1
soakash	сорока (головной убор)	A322	1
soart	затруднять?	B151	1
sohrem	Сохрем (собств.)	B421	1
soig	бурелом, лощина, ивовая чаща	A311	2
solksha	деталь у кережи	B381	2
soll	Солл (собств.)	B421	2
solla	Солла (собств.)	B421	2
som		0000	1
söörnets	монах (чернец)	B521	7
söötr	мох	A311	1
sörv	лось	A412	2
sörves	олень-самец	A412	6
sous	шерсть	B351	1
spera	Спера (собств.)	B421	3

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
speran	Сперан (собств.)	B421	3
stierk	часть упряжи	B381	1
stroits	Троица (праздник)	B521	1
stuurra	большой	B121	1
suarv	сосна	A322	4
sudd	талое место	B321	1
suddes	талый	B121	1
suein	сено	B321	2
suelash	остров (дим.)	A221	1
suellagash	остров (дим.)	A221	9
suelo	остров	A221	65
suenja	Суэнья (собств., имя колдуньи)	B421	1
suenjel	Суеньель	B421	1
suhs	личинка	A441	1
supp	осина	A322	2
suukkam	гребти (веслами)	B381	1
suurup		0000	1
talkkan	толокно	B181	2
talt	место для охоты	B353	1
talv	зима	C311	3
tan	Тан (собств.)	B421	1
tarj	Тари (собств.)	B421	2
tarkat		0000	2
tarri	Тарри (собств.)	B421	1
tavve	открытое пространство	A211	1
ters	здоровый	B161	1
tierkk	крутой	A221	1
tiern	горушка, обрыв	A221	1
tim mashk	Тиммашк (собств.)	B421	1
toares	поперек	C211	2
toartes		0000	2
tohti	гагара	A421	2
tölp	столб	B381	1
tolt		0000	2
torkk	шуба	B182	3
tors		0000	1
treffel	Треффель (собств.)	B421	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
tressel		0000	1
trofim	Трофим (собств.)	B421	1
truntsenes	Трунтсенес (собств.)	B421	1
tseägg	крутой	A221	3
tseäggñ	крутой	A221	1
tseamash	водопад	A211	1
tshäggis	груз	B381	4
tshammarash		0000	1
tshappes	черный	A352	4
tsharr	гора ягельная	A221	4
tshatts	вода	A211	1
tshaustok	аркан	B353	1
tsheäures	выдра	A121	9
tshest	лед	A412	1
tshieggtoollam	бросать	B151	1
tshiehtsh	комар	A441	2
tshielgash	сельга (дим.)	A221	10
tshielj	сельга, гряда	A221	48
tshingala	глубокий	A211	1
tshingalas	глубокий	A211	19
tshittshem	семь	C111	1
tshiur	галька	A221	1
tshiure	галька	A221	1
tshoalm	пролив	A211	34
tshoalmash	проливчик (дим.)	A211	5
tshoalmi	проливчик	A211	5
tshoares	мошкара	A441	1
tshoarv	рог	B321	1
tshohka	острый гребень горы	A221	1
tshöhtsh	осень	C311	3
tshok	острый	A221	1
tshokk	острый	A221	4
tshokkal	острый, конусообразный	A221	4
tshölm	глаз	B131	1
tshölp	неровный	A221	1
tshoodek	через	C211	1
tshörm	черт, волк	B521	4

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
tshotsk	колода	B321	1
tshuai	залив	A211	1
tshuatts	береза гнилая	A322	1
tshuenj	гусь	A421	11
tshuer(lem)	муха	A441	4
tshuhtsh	глухарь	A421	7
tshukk	ящик	B321	1
tshuoll	забор для оленей	B321	1
tshuoppom	резать	B151	3
tshuöppösh	конец залива	A211	1
tshuörvash	рог (дим.)	B321	1
tshuörve	кричать	B151	2
tshuppom	резать	B151	1
tshuudsh	сиг	A431	5
tshuudshash	сиг (дим.)	A431	1
tsitts	краска (для невода)	B353	1
tsuabb	лягушка	A441	5
tsuik	мелкий	A211	1
tsuoss		0000	1
tsuossash		0000	6
tuagash	позади, задний	C211	1
tub	дальний (ср. степ.)	C211	2
tuibal	гора маленькая?	A221	1
tulb	круглый	B121	1
tuoddar	гора	A221	2
tuolb	круглый	B121	4
tuorbam	шугать (рыбу), ботало	B353	3
tutska	Тутска (собств.)	B421	1
uaivash	вершинка (дим.)	A221	1
uallash	заводь	A211	2
uedshkash	лысый?	B121	2
uem	одинокый	B121	1
uess	теленки (олени)	A412	6
ugtem	лаять	B151	1
uk	лаять	B151	2
ukkam	лаять	B151	1
ulk	сети, вешала	B353	2

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
ump	закрытый	A221	1
uomar	дерево (дуплистое)	A321	1
urmik	шкура, порченная оводом	B351	1
urr	каменная гряда	A221	2
usten	Устен (собств.)	B421	1
utts	маленький	B121	24
uttsab	маленький	B121	3
uttsem	маленький	B121	2
uurash	водопад	A221	3
uure	водопад	A221	1
vaar	гора	A221	17
vaara	гора (дим.)	A221	9
vaarash	горка (дим.)	A221	70
vaare	гора	A221	1
vaaresh	гора (дим.)	A221	2
vaarr	гора	A221	209
vaassel	Вассель (собств.)	B421	2
vaassem	место ловли рыбы или оленей	B353	1
vaddslem	уходить	B151	1
vagger	неуклюжий?	B121	1
vaije	сильный (злой)	B121	1
val	ястреб	A421	1
valge	кол для сети	B353	1
valk	кол для сети	B353	4
valle	глупый	B121	1
vallo	литься	B151	2
valpeala	глубокое место	A211	1
varlam	Варлам (собств.)	B421	1
vart	1) сумка для груза, 2) синяк	B161	3
vash	кустарник, лес густой	A311	6
vashash	лес густой, кустарник (дим.)	A311	1
vask	Васк (собств.)	B421	2
vaska	Васка (собств.)	B421	1
vaskset	Васк (собств.)	B421	1
vassem		0000	1
vatts	рукавица	B182	6
veddel	лес нетронутый	A311	1

Продолжение прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
vei	ручей?	A211	1
vein	вино	B181	1
vekretem		0000	2
velba	нижний	C211	1
velhem	качать (лодку)	B151	2
vellok	устье реки, нижнее течение	A211	2
velm	узкий рукав реки	A211	1
verd	поток	A211	3
verdsash	поток (дим.)	A211	1
vernīs	вернуться (рус.)	B151	1
veshka	медь	A221	1
veshla	весло (рус.)	B381	1
veska	желтый	A352	1
veskash	желтый	A352	1
vet	Вет (собств.)	B421	1
veta	Вета (собств.)	B421	1
vidnjem		0000	1
vielg	долг	B361	2
vielm	пролив	A211	5
vier	гряда песчаная	A221	2
vierash	гряда (дим.)	A221	1
vierr	гряда песчаная	A221	5
vietka	нож с кривым лезвием	B351	1
vihts	орудие лова рыбы	B353	1
vilgis	белый	A352	4
vipshek	моток шерсти	B356	1
vipshka	моток шерсти	B356	1
virr	склон, хребет	A221	3
vitsk	шнур, веревка	B381	1
vödde	гора (голая вершина)	A221	1
vödd	гора (голая вершина)	A221	18
vödka	вершина горы (дим.)	A221	2
vöest	резать	B151	3
vöhs	место метания икры	B353	5
vöng	коряга, камень на дне	B353	2
vöödash	горушка (дим.)	A221	1
vöönas	лодка	B381	4

Окончание прил. 1

Компонент	Значение	Сем. ф.	Кол-во
vuadanj	места отдыха животных	B321	2
vuadd	подошва горы	A221	2
vuaiv	вершина горы	A221	1
vuaivash	вершина (дим.)	A221	1
vualgash	находящийся внизу	C211	1
vuamme	старый	B121	1
vuanjel	самка оленя	A412	1
vuash	хвощ	A351	3
vuask	окунь	A431	17
vuätsh	узкая полоска болота	A211	2
vuell	нижний	C211	15
vuenjel	самка оленя	A412	4
vuenni	фиорд, морской залив?	A211	2
vueppi	залив	A211	9
vueresh	ворона	A421	1
vuernis	клясться	B151	1
vueshn	налим	A431	2
vuetkim	скребок	B321	1
vuipi	залив	A211	1
vuoddas	песчаник	A221	1
vuoddes	песчаник	A221	5
vuogg	удочка	B353	1
vuolle	нижний	C211	
vuollu	нижний	C211	1
vuopt	волос	B111	1
vuots	песок	A221	1
Общий итог	Количество словоупотреблений		3487

**Алфавитный регистр понятий на русском языке
саамской топонимной лексики**

А

- V421 аигинаш (собств.) дим. aiginash, KN Fe 60, 26
- V372 амбар aitt, KN Fe 60, 37, 1161
- V372 амбар (заимств.) ambarni, KN Fe 60, 67
- V372 амбар lautash, KN Fe 60, 580
- V372 амбар lueva, KN Fe 60, 612
- V372 амбар njoll, KN Fe 60, 715
- V372 амбар njollo, KN Fe 60, 719
- V372 амбар njollom, KN Fe 60, 722
- V372 амбар njollon, KN Fe 60, 723
- V372 амбарчик (на одной ноге) laati, KN Fe 60, 1453
- V421 антери (собств.) aaddar, KN Fe 60, 2
- V353 аркан tshaustok, KN Fe 60, 1210
- V421 аунья (собств.) aunja, KN Fe 60, 79
- V421 аунья (дим. собств.) aunjash, KN Fe 60, 80

Б

- V111 баба aakan, KN Fe 60, 5
- V111 баба ак, KN Fe 60
- V111 баба aki, KN Fe 60, 51
- V111 баба akk, KN Fe 60, 52, 53, 55
- A411 баран (дим.) labbash, KN Fe 60
- A431 безрыбный? kuttemes, KN Fe 60, 539
- A352 белый vilgis, KN Fe 60, 1459
- A352 белый jui, KN Fe 60, 189
- A211 берег redd, KN Fe 60, 993
- A211 берег (дим.) riiddash, KN Fe 60, 366
- A322 береза (гнилая) tshuatts, KN Fe 60, 1275
- A322 береза (сухая или гнилая) kualv, KN Fe 60, 449
- A321 береста peäss, KN Fe 60, 1098
- A321 береста peässa, KN Fe 60, 892
- A321 береста piess, KN Fe 60, 252
- V153 бить (отглагол.) riehkot, KN Fe 60, 919
- V151 бить (отглагол.) riekkam, KN Fe 60, 643
- A352 бледный, белый kaig, KN Fe 60, 210
- A412 бобер maij, KN Fe 60, 628, 629, 630
- V521 бог immel, KN Fe 60, 125
- V121 бок jiert, KN Fe 60, 156
- V121 бок (дим.) jiertash, KN Fe 60, 154
- A211 болото jegg, KN Fe 60, 166
- A211 болото jeagga, KN Fe 60
- A211 болото jegge, KN Fe 60, 165

- B161 больной puottsam, KN Fe 60, 953
 B121 большой (ср. степ.) shiurab, KN Fe 60, 1097
 B121 большой stuorra, KN Fe 60, 1130
 B121 большой jonn, KN Fe 60, 165—184
 B121 большой jonne, KN Fe 60
 B121 большой jonned, KN Fe 60, 164
 A322 бор сосновый roavv, KN Fe 60, 125
 B353 ботало tuorbarn, KN Fe 60, 1341
 B356 ботинок kamme, KN Fe 60, 232
 B221 боязливый irsa, KN Fe 60, 126
 A211 брод kallagash, KN Fe 60, 1190
 A211 брод kallaga, KN Fe 60
 B151 бродить, kaala KN Fe 60, 198
 B151 бросать (отглар.) tshiegtollam, KN Fe 60, 453
 B151 бросать pelts, KN Fe 60, 884
 B311 бумага romme, KN Fe 60, 931
 A321 бурелом mort, KN Fe 60, 671
 A351 бурелом goats, KN Fe 60, 1017
 A311 бурелом soig?, KN Fe 60, 835, 1113, 1496

В

- B321 важенка ald, KN Fe 60, 1487, 142, 817
 B421 варлам (собств.) varlam, KN Fe 60, 1420
 B421 васьк (собств.) vask, KN Fe 60, 1426
 B421 васька (собств.) vaska, KN Fe 60
 B421 вассель (собств.) vaassel, KN Fe 60, 1403
 A311 вахта трехлистная labb, KN Fe 60, 560
 B372 вежа (дим.) kuada, KN Fe 60, 441, 122
 B372 вежа kuattes, KN Fe 60, 463
 B372 вежа kuatt, KN Fe 60, 462
 B381 веревка vitsk, KN Fe 60, 1468
 B151 вернуться (заимств.) vernis, KN Fe 60, 1447
 C211 верхний (ср. степ.) paiba, KN Fe 60, 814
 C211 верхний paij, KN Fe 60, 816
 A221 вершина oaiv, KN Fe 60, 193, 799
 A211 вершина oaiven, KN Fe 60
 A221 вершина lak, KN Fe 60, 187, 72
 A221 вершина (дим.) laagash, KN Fe 60, 1136
 A221 вершина горы (дим.) vödka, KN Fe 60, 1524
 A221 вершина lak, KN Fe 60
 A221 вершина oaiv, KN Fe 60, 177, 1482
 A221 вершина oaivi, KN Fe 60
 A221 вершинка (дим.) oaivash, KN Fe 60, 163, 857
 A221 вершинка (дим.) uaivash, KN Fe 60
 B381 весло air KN Fe 60, 35
 B381 весло (заимств.) veshla KN Fe 60, 1449

- C311 весна kiedes, KN Fe 60, 305
 B421 вет (собств.) vet, KN Fe 60, 1453
 B421 вета (собств.) veta, KN Fe 60, 1452
 B353 вешала для сетей olk, KN Fe 60, 381
 B353 вешала ulk, KN Fe 60, 1359
 B181 вино vein, KN Fe 60, 1436
 B151 вить (отглаг.) ronnjalem, KN Fe 60, 933
 C211 внизу (находящийся) vualgash, KN Fe 60
 C211 внутри siskash, KN Fe 60
 A211 вода tshatts, KN Fe 60, 1209
 A211 водопад korshe, KN Fe 60, 394
 A211 водопад uurash, KN Fe 60, 1396, 1397, 1398
 A211 водопад uure, KN Fe 60, 1399
 A211 водопад (дим.) keyngsash, KN Fe 60, 297
 A211 водопад keynges, KN Fe 60, 294—296
 A211 водопад (дим.) keyngsa, KN Fe 60, 300
 A211 водопад kuoshk, KN Fe 60, 606, 618
 A211 водопад (дим.) kuoshkash, KN Fe 60, 674
 A211 водопад tseamash, KN Fe 60, 1197
 A412 волк naud, KN Fe 60, 687
 A211 волна? parr KN Fe 60, 858
 B131 волос vuopt, KN Fe 60, 1520
 A421 ворон karnes, KN Fe 60, 244
 A421 ворон karns, KN Fe 60, 248
 A421 ворона vueresh, KN Fe 60, 1508
 A412 выдра tsheäures, KN Fe 60, 1212
 A221 выпуклость горы kuotes, KN Fe 60, 525
 A221 выпуклость горы kueds, KN Fe 60
 A221 выпуклый kölp, KN Fe 60, 555
 B121 высокий (самый) paimas, KN Fe 60, 840

Г

- A421 гагара tohti, KN Fe 60, 1187
 A221 галька tshiure, KN Fe 60, 1244
 A221 галька tshiur, KN Fe 60, 1245
 B121 гладкий shiörbshash, KN Fe 60
 B131 глаз tshölm, KN Fe 60, 1318
 B131 глаз tsölmash, KN Fe 60
 A221 глина klennai (заимств.), KN Fe 60, 345
 A211 глубокий tshingalas, KN Fe 60, 1227
 A211 глубокий tshingala, KN Fe 60, 1225
 B111 глупый valle, KN Fe 60, 1416
 A441 глухарка kuappel, KN Fe 60, 453
 A421 глухарь tshuhtsh, KN Fe 60, 1291
 B521 гном, подземный житель? patsa, KN Fe 60, 876
 B421 гоббан (собств.), KN Fe 60, 99

- B151 говорящий saarni, KN Fe 60, 1057
 B181 голод nelg, KN Fe 60, 691
 A221 гора vaarr, KN Fe 60, 850, 1028
 A221 гора (дим.), varesh, KN Fe 60, 1401, 901
 A221 гора vaare, KN Fe 60, 1400
 A221 гора vaar, KN Fe 60, 33
 A221 гора (дим.) vaara, KN Fe 60
 A221 гора (дим.) raakkash, KN Fe 60, S. 31
 A221 гора raht, KN Fe 60, S. 31
 A221 гора ягельная tsharr, KN Fe 60, 1207
 A221 гора березняковая moorast, KN Fe 60, S. 31
 A221 гора ровная, покрытая сосной kuedshkash, KN Fe 60
 A221 гора маленькая? tuibal, KN Fe 60, 1307
 A221 гора (дим.) varrash, KN Fe 60
 A221 гора (голая вершина) vödd, KN Fe 60, 1523
 B151 гореть ruossel, KN Fe 60, 1042
 A221 горка (дим.) vaarash, KN Fe 60, 771
 A221 горка (дим.) vaarrash, KN Fe 60, S. 31
 A221 горушка tierm, KN Fe 60, 1436
 A221 горушка песчаная meln, KN Fe 60, 656
 A221 горушка (дим.) vöödash, KN Fe 60
 B374 горшок (заимств.) gorsek, KN Fe 60, 101
 C211 граница raije, KN Fe 60, 975
 C211 граница kaartsek, KN Fe 60, 27
 B381 гребной (заимств.) grebna, KN Fe 60, 103
 B381 грести (отглагол.) suukkam, KN Fe 60, 1151
 B521 грех? reks, KN Fe 60, 998
 A351 гриб kubri, KN Fe 60, 472
 B131 грудь (животного) milges, KN Fe 60, 661
 B381 груз tshäggis, KN Fe 60, 1311
 B381 груз для оленя kaddes KN Fe 60, 207
 A221 грязь moodi, KN Fe 60, 664
 A221 гряда каменная ugr, KN Fe 60, 1364, 1365
 A221 гряда песчаная puldshik, KN Fe 60, 949
 A221 гряда песчаная vierr, KN Fe 60, S. 31, 1467
 A421 гусь tshuenj, KN Fe 60, 1276

Д

- C211 дальний tub, KN Fe 60, 1334
 C111 два kueht, KN Fe 60, 474
 B412 дед (дим.) äijesh, KN Fe 60, 227
 B412 дед aij KN Fe 60, 30, 31
 B412 дед aije, KN Fe 60, 27
 B412 дед (ласк. имя медведя) aijek, KN Fe 60, 28, 29
 B412 дед kalsa, KN Fe 60, 228, 229
 A321 дерево muorr, KN Fe 60, 610

A321 дерево shoshn, KN Fe 60, 1101
 A321 дерево (дуплистое) uomar, KN Fe 60, 1362
 B381 деталь (у кережи) solksha, KN Fe 60, 1114—1115
 B181 дефекация, понос lutsh, KN Fe 60, 1492
 C211 длинный kok, KN Fe 60, 372
 C211 длинный kokkash, KN Fe 60, 373
 C211 длинный kohka, KN Fe 60
 C211 длинный kukkes, KN Fe 60, 484
 A221 дно pohk, KN Fe 60, 289
 B361 долг vielg, KN Fe 60, 1455
 A221 долина (см. ущелье) kurr, KN Fe 60, S. 31
 B381 дорога (зимняя) kein, KN Fe 60, 272, 1171
 B351 доска laid, KN Fe 60, 570
 B151 дышать shokk, KN Fe 60, 1100
 B412 дядя jekk, KN Fe 60, 144
 B412 дядя set, KN Fe 60, 1427

Е

B421 еввашк (собств.) evvashk, KN Fe 60
 B421 еван (собств.) evvan, KN Fe 60, 95
 B421 егл (собств.) egl, KN Fe 60, 86
 B421 ей (собств.) ei, KN Fe 60, 88
 B421 ейев (собств.) eiev, KN Fe 60, 88
 B421 елна (собств.) elna, KN Fe 60, 92
 B421 елнан (собств.) elnan, KN Fe 60, 93
 B421 ев (собств.) ev, KN Fe 60, 95
 B322 елочка (дим.) kuossash, KN Fe 60, 516
 A322 ель kuoss KN Fe 60, 517
 A421 ельй (собств.) elij, KN Fe 60, 89
 B421 еехрем (собств.) eehrem, KN Fe 60, 84

Ж

A221 железо ruud, KN Fe 60, 1050, 1024, 420
 A221 железо roudash, KN Fe 60, 1024
 A352 желтый veska, KN Fe 60, 1451
 A352 желтый veskash, KN Fe 60, 1450
 B111 женщина kash, KN Fe 60, 261
 B121 живой jalas, KN Fe 60, 133
 A421 журавленок jeedesh, KN Fe 60, 143
 B151 журчать sharr, KN Fe 60, 1093
 B151 журчать sharde, KN Fe 60, 1090
 B151 журчать perre, KN Fe 60, 693

З

B321 забор, загон agges, KN Fe 60, 12, 1400
 B322 забор для оленей tshuoll, KN Fe 60, 1299
 B211 заводь uallash, KN Fe 60, 1347

C211 задний, позади tuagash, KN Fe 60, 1467
 A211 залив vuipri, KN Fe 60, 940
 A211 залив vuerpi, KN Fe 60, 854
 A211 залив (конец) tshuöppösh, KN Fe 60, 1308
 A211 залив tshuai, KN Fe 60, 1274
 A211 залив luht, KN Fe 60, S. 31
 A211 заливчик (дим.) luhta, KN Fe 60
 A221 закрытый ипр, KN Fe 60, 1361
 A311 заросли? maln, KN Fe 60, 637
 B151 затруднять? soart, KN Fe 60, 1112
 A412 заяц морской ain, KN Fe 60, 33
 B161 здоровый ters, KN Fe 60, 1180
 A221 земля madd, KN Fe 60, 37
 A221 земля высокая raakki, KN Fe 60, 797
 A221 земля болотистая kargash, KN Fe 60, 54
 C311 зима talv, KN Fe 60, 1171
 A441 змея kuud, KN Fe 60, 550
 B131 зуб rann, KN Fe 60, 1251

И

B151 играть (о рыбе) iidtel, KN Fe 60, 121
 B371 изба rört, KN Fe 60, 102, 956, 1054
 A211 излучина (реки) matts, KN Fe 60
 A211 излучина (реки) madsash, KN Fe 60, 625—627
 B521 икона kaavas, KN Fe 60, 205
 B421 илlep (собств.) illep, KN Fe 60, 123
 B421 инарский (собств.) (дим.) aanarash, KN Fe 60, 9
 B421 ирешк (собств.) ireshk, KN Fe 60, 122
 A211 исток реки из озера lusm, KN Fe 60, 616—622

К

B421 каап (собств.) каар, KN Fe 60, 201
 B421 калн (собств.) kaln KN Fe 60, 227
 A221 камень kiedge, KN Fe 60, 310
 A221 камень kiedg, KN Fe 60, 307
 A311 камыш guokk, KN Fe 60, 1030
 B421 карел karjal, KN Fe 60, 240
 B421 каттел (собств.) kattel, KN Fe 60, 263
 B421 каурель (собств.) kaurel, KN Fe 60, 265
 B151 качать (лодку) velhem, KN Fe 60, 1440
 B181 каша hut, KN Fe 60, 115
 B381 кережа kerres, KN Fe 60, 289
 B121 кислый kuots, KN Fe 60, 530
 B121 кислый kuotsam, KN Fe 60
 B121 кислый kuotskad, KN Fe 60, 532
 B121 кислый kuatts, KN Fe 60

- B421 киурел (собств.) kiurel, KN Fe 60, 344
 B353 клин lott, KN Fe 60, 603, IKKS 223A
 B151 клясться vuernis, KN Fe 60, 1509
 B131 коготь köddsi, KN Fe 60, 553
 B353 кол (для сети) äälle, KN Fe 60, 1541
 B353 кол lott, KN Fe 60, 603, IKKS 223A
 B353 кол (для сети) valge, KN Fe 60, 1410
 B353 кол (для сети) valk, KN Fe 60, 1412
 A321 колода tshotsk, KN Fe 60, 1273
 B521 колокол kello, KN Fe 60, 279
 B321 колышек gaud, KN Fe 60, 983
 A441 комар tshiehtsh, KN Fe 60, 1223
 B421 контрат (собств.) kontrat, KN Fe 60, 383
 C211 конец kietshe, KN Fe 60, 339
 B353 копильня ard, KN Fe 60, 69
 B353 копильня aredd, KN Fe 60
 B374 короб kuesh, KN Fe 60, 481
 B374 короб берестяной koibask, KN Fe 60, 369
 B374 корзина? kotsh, KN Fe 60, 170
 B353 коряга vöng KN Fe 60, 1532
 B374 котел (заимств.) kotlo, KN Fe 60, 434
 B374 котел kemne, KN Fe 60, 985
 A411 кошка kaasa, KN Fe 60, 202
 B121 красивый mootshes, KN Fe 60, 670
 B353 краска (для невода) tsitts, KN Fe 60, 1323
 A352 красный rosh, KN Fe 60, 1019—1023
 B421 кресто (собств.) kresto, KN Fe 60, 439
 B121 кривой mook, KN Fe 60, 662
 B121 кривой malkk, KN Fe 60, 633
 B151 кричать tshuörve, KN Fe 60, 1309b
 A421 крохаль (вид утки) kuals, KN Fe 60, 448
 B121 круглый tuolb, KN Fe 60, 1334
 B121 круглый tulb, KN Fe 60, 1336
 B121 круглый orb, KN Fe 60, 789
 B421 крунк (собств.) krunk, KN Fe 60, 440
 A221 крутой tseägg, KN Fe 60, 1198
 A221 крутой tierkk, KN Fe 60, 1181
 B374 крышка? lok, KN Fe 60, 602
 B353 крючок рыболовный louu, KN Fe 60, 604
 B374 кувшин (дим.) kannesh, KN Fe 60, 233
 A311 кувшинка lobbes, KN Fe 60, 600
 B421 куесм (собств.) kuesm, KN Fe 60, 482
 A421 кукушка kieje, KN Fe 60, 316
 A421 кукушка kiejesh, KN Fe 60, 317
 A421 кукушка kiek, KN Fe 60, 318

A431 кумжа kuudsh, KN Fe 60, 540
 B181 курник (заимств.) kurnik, KN Fe 60, 537
 A421 куропатка герр, KN Fe 60, 1002
 A311 кустарник vash, KN Fe 60, 1422
 A311 куст ивовый messhe, KN Fe 60, 657
 A221 куча камней juv, KN Fe 60, 1376
 A221 куча камней juovv, KN Fe 60, 192
 B151 кушать roogas, KN Fe 60, 935
 B421 кяртс (собств.) kårts, KN Fe 60, 551

Л

B421 лаарик (собств.) laarik, KN Fe 60, 557
 B151 лаять (отглар.) uqtem, KN Fe 60, 1356
 B151 лаять uk, KN Fe 60, 1357
 B151 лаять (отглар.) ukkam, KN Fe 60, 687
 A421 лебедь njuhtsh, KN Fe 60, 730—731
 B421 левент (собств.) levent, KN Fe 60, 595
 B421 левенти (собств.) leventi, KN Fe 60, 594
 B131 легкие kiarne, KN Fe 60, 301, 1278
 A121 лед jieng, KN Fe 60, 149
 A121 лед (на дороре) ots, KN Fe 60, 796
 A121 лед tshest, KN Fe 60, 1211
 A311 лес (густой) roott, KN Fe 60, 670
 A311 лес (густой) lanj, KN Fe 60, 449
 A311 лес нетронутый veddel, KN Fe 60, 1435
 A311 лесок (дим.), кустарник vashash, KN Fe 60
 A311 лесок, кустарник vash, KN Fe 60, 1422—1425
 B421 леук (собств.) leuk, KN Fe 60, 592
 A412 лиса rimnj, KN Fe 60, 1013
 B151 литься kolgmas, KN Fe 60, 376
 B151 литься vallo, KN Fe 60, 1417, IKKS 1032A, B
 A441 личинка suhs, KN Fe 60, 1148
 B353 ловушка для зверя huonös, KN Fe 60, 117
 B381 лодка vöönas, KN Fe 60, 1534
 B381 лодка karbas, KN Fe 60, 238
 A221 ложбина nuetsk, KN Fe 60, 324
 B181 ложка pastem, KN Fe 60, 874
 A412 лось sörv, KN Fe 60, 1159
 B334 лошадь heevash, KN Fe 60, 104
 B381 лыжи koolosh, KN Fe 60, 385
 B381 лыжи kalk, KN Fe 60, 218
 B111 лысый? uedshkash, KN Fe 60
 B374 люлька? kuiktem, KN Fe 60, 483
 A441 лягушка maln, KN Fe 60, 637
 A441 лягушка tsuabb, KN Fe 60, 1324

М

- B361 магазин latmosh, KN Fe 60, 578
 B421 макра (собств.) makra, KN Fe 60, 632
 A431 малек (рыбы) sauj, KN Fe 60, 1071
 B121 маленький utts, KN Fe 60, 1367
 B121 маленький uttsem, KN Fe 60, 1372
 B121 маленький uttsab, KN Fe 60, 1368
 B182 малица peäsk, KN Fe 60, 891
 B421 малль (собств.) mall, KN Fe 60
 B421 марн (собств.) marn, KN Fe 60, 644
 B421 марьй (собств.) marj, KN Fe 60, 643
 B421 марф (собств.) marf, KN Fe 60, 642
 B421 матт (собств.) matt, KN Fe 60, 132
 B421 маш (собств.) mash, KN Fe 60, 645
 A412 медведь kuobdsh, KN Fe 60, 492
 A412 медведь kuobds, KN Fe 60
 A221 медь veshka, KN Fe 60, 1448
 B421 меккал (собств.) mekkal, KN Fe 60, 655
 A211 мелкий (о водоеме) tsuik, KN Fe 60, 1329
 C211 место (между чем-либо) kuud, KN Fe 60, 549
 C211 место (между гор) kuotsem, KN Fe 60, 527
 C211 место sai, KN Fe 60, 1541, 1104
 A211 место глубокое valpeala, KN Fe 60, 1419
 B321 место горелое (рус.) sagorn, KN Fe 60
 A221 место каменное rasher, KN Fe 60, 978
 B353 место для охоты talt, KN Fe 60, 751
 A211 место сухое (в болоте) kadd, KN Fe 60, IKKS 78
 B353 место ловли рыбы, оленей vaassem, KN Fe 60, 1405
 B353 место метания икры vöhs, KN Fe 60, 1242
 B334 место отдыха животных vuadanj, KN Fe 60, 1469
 A221 место скалистое pashm, KN Fe 60, 863
 A321 место талое sudd, KN Fe 60, 739
 B353 место чистки рыбы lohtsa, KN Fe 60, 601
 B353 метание икры kodd, KN Fe 60, 364a, 365, 369
 B421 микет (собств.) miket, KN Fe 60, 660
 A351 можжевельник koskas, KN Fe 60, 427
 A431 молоки kuers, KN Fe 60, 478
 B521 монах (чернец) söörnets, KN Fe 60, 1161
 B421 моосе (собств.) moose, KN Fe 60, 668
 B381 мост (заимств.) mostka, KN Fe 60, 672
 B356 моток шерсти vipshka, KN Fe 60, 1464
 B356 моток шерсти vipshek, KN Fe 60, 1463
 A311 мох söötr, KN Fe 60, 1168
 A441 мошкара tshoares, KN Fe 60, 1255
 B181 мука javv, KN Fe 60, 141

- B181 мука (дим.) javvash, KN Fe 60, 93
 A441 муравей kotk, KN Fe 60, 433
 A441 муха tshuer, KN Fe 60, 1287
 A441 муха tshuer(lem), KN Fe 60, 1287
 A211 мыс njunn, KN Fe 60, S. 31
 A211 мыс njunne, KN Fe 60, S. 31
 A211 мыс njarg, KN Fe 60, S. 31
 A211 мыс (дим.) njargash, KN Fe 60, S. 31
 A211 мыс (дим.) njaargash, KN Fe 60, S. 31
 A211 мыс njonn, KN Fe 60, 728
 B151 мыться (отглар.) possom, KN Fe 60, 915
 B151 мыться (отглар.) possam, KN Fe 60, 201
 B181 мясо lanni, KN Fe 60, 574
 B181 мясо lann, KN Fe 60, 575

Н

- B371 навес от комаров leakk, KN Fe 60, 582
 B371 навес kaadas, KN Fe 60, 196
 A431 налим vueshn, KN Fe 60, 1511
 B151 находиться orm, KN Fe 60, 362
 B151 находящийся на... oolash, KN Fe 60, 936
 C211 начало alks, KN Fe 60, 66
 A211 начало реки, водопада neshk, KN Fe 60, S. 31
 A211 начало реки, водопада neshke, KN Fe 60
 B421 наск (собств.) nask, KN Fe 60, 685
 B412 невестка (заимств.) nevesk, KN Fe 60, 1124
 B181 невкусный seeles, KN Fe 60, 1078
 B353 неводить (отглар.) nuettem, KN Fe 60, 753
 A221 неровный? tshölp KN Fe 60, 1319
 A221 неровный, каменный gaps, KN Fe 60, 976
 B121 неуклюжий vagger, KN Fe 60, 1408
 C211 нижний vuell, KN Fe 60, 1486
 C211 нижний vuolla, KN Fe 60, 1519
 C211 нижний vuolle, KN Fe 60, 1518
 C211 нижний velba, KN Fe 60, 1439
 B121 новый odd, KN Fe 60, 758
 B131 нога (дим.) juelgi, KN Fe 60, 187
 B131 нога juelg, KN Fe 60, 187
 B131 ноготь köödsi, см. коготь, KN Fe 60, 553
 B351 нож peib, KN Fe 60, 688
 B351 нож с кривым лезвием vietka, KN Fe 60, 1457
 A211 нос (мыс) njonn, KN Fe 60, 728
 B421 ньяннам (собств.) njaannam, KN Fe 60, 832

О

- B161 обжора porshek, KN Fe 60, 939
 B351 обруч kerts, KN Fe 60, 290

- B351 обруч kiert, KN Fe 60, 323
 A221 обрыв (дим.) pautash, KN Fe 60, S. 31
 A221 овраг korsh, KN Fe 60, 394
 B334 овца sauds, KN Fe 60, 1067
 B421 ог (собств.) og, KN Fe 60, 774
 B421 огвей (собств.) ogvei, KN Fe 60, 775
 B182 одежда matsek, KN Fe 60, 648
 B151 одеревенеть njuorras, KN Fe 60
 C111 один (числительное) oht, KN Fe 60, 778
 C111 одинокий uem, KN Fe 60, 1349
 A211 озерко (дим.) jaurös, KN Fe 60, 139a
 A211 озерко (дим.) jaura, KN Fe 60, 1203
 A211 озерко (дим.) jaurash, KN Fe 60, 1375, 1478
 A211 озеро jauri, KN Fe 60
 A211 озеро jaure, KN Fe 60, S. 30
 A211 озеро jaurija, KN Fe 60
 A211 озеро проточное luobbalash, KN Fe 60, 1491, 1532
 A211 озеро проточное (дим.) luobbala, KN Fe 60
 A211 озеро проточное luobbal, KN Fe 60, 1086, 1092, 1112
 C211 окруженный, mask KN Fe 60, 647
 A431 окунь vuask, KN Fe 60, 1241
 A412 олень ämlak, KN Fe 60, 1538
 A412 олень kark, KN Fe 60, 241
 A412 олень? kolt KN Fe 60, 379
 A412 олень ruads, KN Fe 60, 944
 A412 олень ruadse, KN Fe 60, 943
 A412 олень konnos, KN Fe 60, 382
 A412 олень pallom, KN Fe 60, 683
 A412 олень (дикий) koddas, KN Fe 60, 1380
 A412 олень (дикий) kodde, KN Fe 60, 357, 1380
 A412 олень (дикий) shakki, KN Fe 60, 1086
 A412 олень-самец ores, KN Fe 60, 792
 A412 олень-самец sörves, KN Fe 60, 1153
 A412 олень-самец reud, KN Fe 60, 1007
 A412 олень-самец? riuttik, KN Fe 60, 1016
 A412 олень-самец oranj, KN Fe 60, 788
 A412 оленя самка vuenjel, KN Fe 60, 1502
 A412 оленя самка vuanjel, KN Fe 60, 1501
 A412 олень бык jergim, KN Fe 60, 145, 146
 B421 онтас (собств.) ontas, KN Fe 60, 782
 B421 онтер (собств.) onter, KN Fe 60, 785, 787
 B151 опрокинуться komnatem, KN Fe 60, 380
 A421 орел kuass, KN Fe 60, 458
 A421 орел kuaskem, KN Fe 60, 454
 A421 орел kuatsem, KN Fe 60, 462

- B353 орудие лова рыбы vihts, KN Fe 60, 1458
 B421 осек (собств.) osek, KN Fe 60, 794
 C311 осень tshöhtsh, KN Fe 60, 1315
 A322 осина supp, KN Fe 60, 1449
 B421 оск (собств.) osk, KN Fe 60, 795
 A221 остров suelo, KN Fe 60, S. 31
 A221 остров (дим.) suelash, KN Fe 60
 A221 остров (дим.) suellagash, KN Fe 60, S. 31
 A221 острый tshok, KN Fe 60, 1269
 A221 острый tshokk, KN Fe 60, 1268
 A221 острый tshohka, KN Fe 60, 326
 A221 острый tshokkal, KN Fe 60, 1266
 A211 открытое пространство tavve, KN Fe 60, 1179
 A211 отмель kuorg, KN Fe 60, 69
 A211 отмель (дим.) kuorgash, KN Fe 60
 A211 отмель (песчаная) kushker, KN Fe 60, 538
 B151 оторваться peäst, KN Fe 60, 902
 B421 охнас (собств.) ohnas, KN Fe 60, 776
 B421 охс (собств.) ohs, KN Fe 60, 777

П

- B421 паавал (собств.) paaval, KN Fe 60, 807
 B421 павл (собств.) pavl, KN Fe 60, 879
 B421 павла (собств.) pavla, KN Fe 60, 878
 B354 палка kelt, KN Fe 60, 282
 B354 палочка (рус.) palka, KN Fe 60, 825
 B354 палочка деревянная paalak KN Fe 60, 801
 B421 панк (собств.) pank, KN Fe 60, 854
 B321 пастбище palgas, KN Fe 60, 841
 A441 паук äun, KN Fe 60, 1540
 A221 перешеек, kaid KN Fe 60, 209
 A221 перешеек (дим.) kaidash, KN Fe 60, 208
 A221 перешеек muetke, KN Fe 60, 677—680
 A221 перешеек (дим.) muetkash, KN Fe 60, 674
 A221 перешеек muetk, KN Fe 60
 A221 перешеек muatk, KN Fe 60
 A412 песец njall, KN Fe 60, 715
 A412 песец (дим.) njallash, KN Fe 60, 711
 A412 песец njalli, KN Fe 60, 712
 A221 песок liett, KN Fe 60, 596
 A221 песок lett, KN Fe 60, 588
 A221 песок vuots, KN Fe 60, 1522
 B374 пестик (для толчения) nordmas, KN Fe 60, 752
 A221 песчаник vuoddas, KN Fe 60
 A221 песчаник vuoddes, KN Fe 60, S. 31, 1513, 1516
 B421 петсамо (собств.) peätsam, KN Fe 60, 1369

- B521 петь (отглар.) *leudiem*, KN Fe 60, 669
 B353 пешня *saitt*, KN Fe 60, 1059
 A211 плес (на озере) *jörng*, KN Fe 60, S. 30
 A211 плес (широкий) *kotshas*, KN Fe 60, 827, 1189
 A211 плес *saav*, KN Fe 60, 958
 A211 плес *selg*, KN Fe 60, 1079
 B171 плесень *hooma*, KN Fe 60, 107
 B121 плохой *paas*, KN Fe 60, 804
 B381 поворот *kard*, KN Fe 60, 1257, 1258
 B381 поворот *muelkk*, KN Fe 60, 674
 B151 подговорить (рус.) *podgovari*, KN Fe 60, 930
 A221 подошва (горы) *vuadd*, KN Fe 60, 1471
 B321 пожара *kuorb*, KN Fe 60, S. 30
 B321 пожара (дим.) *kuorbshash*, KN Fe 60
 B321 пожара (дим.) *kuorbash*, KN Fe 60, S. 31, 504—511
 C211 позади, задний *tuagash*, KN Fe 60, 1467
 C111 половина *piel*, KN Fe 60
 C111 половина *piell*, KN Fe 60, 155, 315, 757
 C111 половина *bell*, KN Fe 60
 A221 полоска болота (узкая) *vuätsh*, KN Fe 60, 1264
 B161 понос *lutsh*, KN Fe 60, 1492
 B161 понос *lutshka*, KN Fe 60, 623
 C211 поперек *toares*, KN Fe 60, 1183
 A211 поток *verd*, KN Fe 60, 1444
 A211 поток (дим.) *verdsash*, KN Fe 60, 1443
 A211 поток (встречный) *raun*, KN Fe 60, 984
 B151 приглашать *siäv*, KN Fe 60, 1108
 B381 пристань *satka*, KN Fe 60, 803
 B151 прогибаться (о льде) *liida*, KN Fe 60, 598
 A211 пролив (дим.) *tshoalmash*, KN Fe 60, S. 31
 A211 пролив *tshoalm*, KN Fe 60, S. 31, 1251
 A211 пролив (дим.) *tshoalmi*, KN Fe 60, 1246—1250
 A211 пролив *vielm*, KN Fe 60, 1442
 B151 пропадать *lappim*, KN Fe 60, 1128
 A211 прорубь *kaldi*, KN Fe 60, 216
 A211 прорубь *runn*, KN Fe 60, 1029
 A211 прорубь *runni*, KN Fe 60, 1027
 B354 просека *karsk*, KN Fe 60, 256
 B354 просека *karsek*, KN Fe 60, 255
 B151 прыгать (отглар.) *njuikkam*, KN Fe 60, 344
 A421 птица морская *kuolngas*, KN Fe 60, 503
 B121 пустой (заимств.) *postai*, KN Fe 60, 940

Р

- B151 разбрасывать *leava*, KN Fe 60, 608
 B353 развилина для сети *kuorva*, KN Fe 60, 512

- B381 развилка дороги ratktak, KN Fe 60
 B381 развилка? atslem, KN Fe 60, 72
 B381 райда kuallash, KN Fe 60, 445
 B354 расколоть (дрова) lueddom, KN Fe 60, 610
 A221 расселина? poht, KN Fe 60, 313
 B151 рвать (отглаг.) riettam, KN Fe 60, 1009
 B151 резать (отглаг.) tshuoppom, KN Fe 60, 1300
 B151 резать (отглаг.) tshuppom, KN Fe 60
 B151 резать vöest, KN Fe 60, 1526
 A421 реиг (собств.) reig, KN Fe 60, 995
 A211 река jokk, KN Fe 60, 161
 A211 река jok, KN Fe 60
 A211 река большая jaan KN Fe 60, S. 31
 A211 река большая jeän, KN Fe 60, 147
 B182 ремень labdsh, KN Fe 60, 563
 A211 речка (дим.) joogash, KN Fe 60
 B374 ржавчина rust, KN Fe 60, 1049
 B421 риико (собств.) riiko, KN Fe 60, 1011
 B331 роr tshoary, KN Fe 60, 1256
 A211 родник kaiv, KN Fe 60, 215
 B521 рождество joulu, KN Fe 60, 186
 B421 роокань (собств.) rookanj, KN Fe 60, 1018
 A412 росомаха kietk, KN Fe 60, 336
 A412 росомаха (дим.) kietkash, KN Fe 60, 334
 A412 росомаха kietke, KN Fe 60, 335
 B354 рубить лес, просека kars, KN Fe 60, 258
 B151 ругаться korre, KN Fe 60, 393
 B131 рука kiett, KN Fe 60, 340
 A211 рукав реки (узкий) velm, KN Fe 60, 1442
 B182 рукавица kiest, KN Fe 60, 327
 B182 рукавица vatts, KN Fe 60, 1429
 B421 русский rush, KN Fe 60, 1044
 A211 ручей oaij, KN Fe 60, 1456
 A211 ручей? vei, KN Fe 60
 B354 ручка nodd, KN Fe 60, 23
 B381 ручка весла budrem, KN Fe 60, 35
 A431 рыба kel, KN Fe 60
 A431 рыба kuell, KN Fe 60
 A431 рыба kuelli, KN Fe 60, 477
 A431 рыба? korp, KN Fe 60, 392
 A431 рыба? kuord KN Fe 60, 512
 A431 рыба плохая passel, KN Fe 60, 866
 A412 рысь (р;с.) riis, KN Fe 60, 1012

С

- B374 сажа koij, KN Fe 60, 370

- B381 сани pulk, KN Fe 60, 952
 B381 сани sann, KN Fe 60, 1065
 B381 санки оленьи pollesh, KN Fe 60, 748
 B121 светлый kilges, KN Fe 60, 341
 B521 святой pass, KN Fe 60, 867
 B521 святой passe, KN Fe 60
 B511 село sijd, KN Fe 60, 1302
 A221 сельга (дим.) tshielgash (см. гряда), KN Fe 60
 A221 сельга tshielj (см. гряда), KN Fe 60
 A221 сельга selg, KN Fe 60, 1079
 B421 семен (собств.) semman, KN Fe 60, 1083
 B131 семенники kuoll, KN Fe 60, 501
 B421 семна (собств.) semna, KN Fe 60, 1084
 C111 семь tshittshem, KN Fe 60, 1243
 B325 сено suein, KN Fe 60, 1136
 B231 сердечный (рус.) serdeshnii, KN Fe 60, 1085
 B353 сети (деталь) keb, KN Fe 60, 267
 B353 сеть для ловли рыбы juunges, KN Fe 60, 194
 B151 сжигать (отглагол.) poaldem, KN Fe 60, 261
 B151 сжиматься? oim, KN Fe 60, 780
 A431 сиг manj, KN Fe 60, 640
 A431 сиг mana, KN Fe 60
 A431 сиг maun, KN Fe 60, 652
 A431 сиг shapsh, KN Fe 60, 1089
 A431 сиг tshuudsh, KN Fe 60, 1303
 A431 сиг (дим.) tshuudshash, KN Fe 60, 1303
 B353 силок для птиц rött, KN Fe 60, 1054
 B121 сильный vaije, KN Fe 60, 1409
 A221 скала kalli, KN Fe 60, 223
 A211 скала (подводная) sallaga, KN Fe 60, 1061
 A221 склон? karned, KN Fe 60, 243
 A221 склон (ровный) aalad, KN Fe 60, 670
 A221 склон virg, KN Fe 60, 1465
 A221 склон (покатый) karn, KN Fe 60, 246
 B334 скребок neäskim, KN Fe 60, 703
 B334 скребок vuetkim, KN Fe 60
 B334 скребок koallam, KN Fe 60, 346
 B121 скрытый peit, KN Fe 60, 882
 B335 сливки? lahts, KN Fe 60, IKKS, 188B
 A221 слюда sluud, KN Fe 60, 1110
 B151 снимать (отглагол.) loddem, KN Fe 60, 893
 B151 снимать (штаны) kattjettem, KN Fe 60, 264
 A411 собака pienna, KN Fe 60, 916
 A411 собака piennai, KN Fe 60, 915
 B421 солл (собств.) soll, KN Fe 60, 1118—1119

- B421 солла (собств.) *solla*, KN Fe 60, 1116—1117
 B182 сорока (головной убор) *saarek*, KN Fe 60, 1056
 B182 сорока (головной убор) *soakash*, KN Fe 60, 1111
 A322 сосна (дим.) *piettsa*, KN Fe 60, 573
 A322 сосна *pietts*, KN Fe 60, 778, 922
 A322 сосна *pieds*, KN Fe 60, 906, 1306
 A322 сосна *suarv*, KN Fe 60, 1131
 B421 сохрем (собств.) *sohrem*, KN Fe 60, 1113
 B421 спера (собств.) *spera*, KN Fe 60, 1122
 B421 сперан (собств.) *speran*, KN Fe 60, 1123
 B171 спор *reid*, KN Fe 60, 994
 B151 спускаться (отглагол.) *nollsem*, KN Fe 60, 750
 C211 средний *kosk*, KN Fe 60, 137, 429
 C211 средний *koskma*, KN Fe 60, 430
 B336 стадо (олений) *ord*, KN Fe 60, 791
 B171 старик *kalsa*, KN Fe 60, 228
 B121 старый *vuamme*, KN Fe 60, 1473
 B371 столб *tölp*, KN Fe 60, 1345
 B151 стонать (отглагол.) *lueikkem*, KN Fe 60, 611
 B121 страшный *röll*, KN Fe 60, 964
 B353 стрела *pielb*, KN Fe 60, 911
 A211 стремнина (дим.) *njavv(ash)*, KN Fe 60
 A211 стремнина (дим.) *nevvash*, KN Fe 60, 700
 B421 суенья (собств.) *suenja*, KN Fe 60, 1146
 B381 сумка *laukk*, KN Fe 60, 579
 B356 сукно (рус.) *sarg*, KN Fe 60, 1066
 B381 сумка для груза на оленях *vart*, KN Fe 60, 1240
 B131 сустав *pooras*, KN Fe 60, 751
 B121 сухой *koshk*, KN Fe 60, 397
 B412 сынок (дим.) *algash*, KN Fe 60, 60

Т

- B421 тан (собств.) *tan*, KN Fe 60, 1173
 B321 талый *suddes*, KN Fe 60, 1135
 B421 тари (собств.) *tarj*, KN Fe 60, 1174
 B421 тарри (собств.) *tarri*, KN Fe 60, 1178
 A412 теленок (оленья) *uess*, KN Fe 60, 1350
 A412 теленок (летний) *kessek*, KN Fe 60, 292
 B412 тетя *seass*, KN Fe 60, 1077
 A211 течение *njavv*, KN Fe 60, S. 31
 B421 тиммашк (собств.) *tim mashk*, KN Fe 60, 1182
 A421 токование *keimes*, KN Fe 60, 773
 B181 толочно *talkkan*, KN Fe 60, 1169
 A121 толстый *koss*, KN Fe 60, 431
 B151 тонуть *kötskom*, KN Fe 60, 1351
 B353 тоня *laappi*, KN Fe 60, 596

- B351 топор ahsh, KN Fe 60, 20
 A421 трэффель (собств.) treffel, KN Fe 60, 1193
 B521 троица (праздник) stroits, KN Fe 60, 1129
 B381 тропа raaljes, KN Fe 60, 677
 B421 трофим (собств.) trofim, KN Fe 60, 1195
 B181 трубка reip, KN Fe 60, 881
 B181 трубка rothk, KN Fe 60, 941
 B421 трунтсенес (собств.) truntsenes, KN Fe 60, 1196
 B374 туесок? kotshe, KN Fe 60, 435
 A221 тундра tuoddar, KN Fe 60, S. 31
 B121 тупой julle, KN Fe 60, 191
 B421 тутска (собств.) tutska, KN Fe 60, 1344
 B151 тянуть (отглагол.) kiesseshettem, KN Fe 60, 325
 B151 тянуть (отглагол.) kiessettem, KN Fe 60, 326

У

- B353 удочка vuogg, KN Fe 60, 1517
 B182 украшение pilt, KN Fe 60, 924
 B182 украшение piltk, KN Fe 60, 926
 B381 упряжи часть stierk, KN Fe 60, 1128
 B421 устен (собств.) usten, KN Fe 60, 1366
 A211 устье njalm, KN Fe 60, S. 31
 A211 устье реки (нижнее течение) vellok, KN Fe 60, 1208
 A421 утка (крохаль) kuals, KN Fe 60, 448
 B131 ухо pelljai, KN Fe 60, 883
 B151 уходить vaddslēm, KN Fe 60
 A221 ущелье? kurr, KN Fe 60

Ф

- B421 феат (собств.) feät, KN Fe 60, 96
 B421 феатси (собств.) feätsi, KN Fe 60, 98
 A421 филин hörpi, KN Fe 60, 119
 A211 фиорд (морской залив)? vuenni, KN Fe 60, 1506
 A431 форель gaut, KN Fe 60, 987
 A431 форель (речная) koudsher, KN Fe 60, 436

Х

- A431 хариус savvel, KN Fe 60, 1072
 A311 хворостина riss, KN Fe 60, 1015
 A351 хвощ vuash, KN Fe 60, 1474
 B352 хлеб (маленький)? meuk, KN Fe 60, 659
 B352 хлебный (заимств.) hlebn, KN Fe 60, 105
 B331 хлев рииг, KN Fe 60, 962
 B331 хлев риигес, KN Fe 60, 961
 B151 хлестать (отглагол.) reslatem, KN Fe 60, 1006
 B412 хозяйка (заимств.) hosik, KN Fe 60, 109
 A221 холм пологий роорге, KN Fe 60, 145, 1094

- B121 хороший ruerr, KN Fe 60, 945
 B121 хороший shiugh, KN Fe 60, 1096
 A221 хребет (дим.) vierash, KN Fe 60
 A221 хребет vierr, KN Fe 60, S. 8
 A221 хребет vier, KN Fe 60, 83
 B161 хромой eekker, KN Fe 60, 85
 B421 хуотра (собств.) huotra, KN Fe 60, 112, 1122

Ц

- C211 центр kask, KN Fe 60, 262

Ч

- A421 чайка anj? KN Fe 60, 68
 A421 чайка kaiji, KN Fe 60, 212
 A421 чайка kaijad, KN Fe 60, 211
 B111 человек oume, KN Fe 60, 476
 B111 человек oalmash, KN Fe 60
 C211 через tshoodek, KN Fe 60, 1272
 B121 черный kiepsha, KN Fe 60, 322
 B121 черный tshappes, KN Fe 60, 1203
 B521 черт tshörm, KN Fe 60, 1320
 B151 чинить (отглар.) mutretem, KN Fe 60, 681
 B182 чулки pedd, KN Fe 60, 880
 B182 чулки pidd, KN Fe 60, 904
 B372 чум koovas, KN Fe 60, 390

Ш

- B182 шамшура shashm, KN Fe 60, 1094
 B182 шамшура (головной убор) shamsh, KN Fe 60, 1087
 B182 шапка kapper, KN Fe 60, 236
 B356 шерсть sous, KN Fe 60, 1121
 A322 шишка дерева raatsek, KN Fe 60, 806
 B161 шишка (синяк) vart, KN Fe 60, 1240, IKKS 1033A
 B334 шкура со лба оленя kalla, KN Fe 60, 219, 1229
 B334 шкура, порченная оводом urmik, KN Fe 60, 1363
 B182 штаны ruhs, KN Fe 60, 946
 B182 шуба torkk, KN Fe 60, 1197
 B353 шугать (рыбу) (отглар.) tuorbam, KN Fe 60, 1341
 B151 шуметь koratm, KN Fe 60, 391

Щ

- B354 щепка last, KN Fe 60, 576
 A431 щука njukkesh, KN Fe 60, 178, 740

Я

- A311 ягельник kuolb, KN Fe 60, 501
 A311 ягельник kulb, KN Fe 60, 491

- A311 ягельник kelgan KN Fe 60, 274
A351 ягода tuerji, KN Fe 60, 675
A351 ягода jatmosh, KN Fe 60, 134
B333 яйцо men, KN Fe 60, 55
B421 якк (собств.) jakk, KN Fe 60, 130
A221 яма aud, KN Fe 60, 75
A221 яма kobb, KN Fe 60, 352
A221 яма kobbash, KN Fe 60, 351
B321 яма, вырытая оленем kuaivas, KN Fe 60, 442
B182 яры (саамские штаны) jier, KN Fe 60, 153
A421 ястреб val, KN Fe 60, 1411
B374 ящик tshukk, KN Fe 60, 1298
B374 ящик purn, KN Fe 60, 954

Научное издание

Георгий Мартынович Керт

**Применение
компьютерных технологий
в исследовании топонимии
(прибалтийско-финская, русская)**

Печатается по решению

Ученого совета

Института языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН

Редактор Л. В. Кабанова

Оригинал-макет Т. Н. Люрина

Обложка И. В. Хеглунд, Ю. А. Воробьев

На обложке использована карта «Geographical distribution of the uralic languages» (Helsinki, 1980) с изменениями

Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99 г.

Подписано в печать 18.04.02 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная UNION PRINT S. Гарнитура Arial. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 11,3. Усл. печ. л. 10,9. Тираж 600 экз.

Изд. № 5. Заказ 293

Карельский научный центр РАН.

Редакционно-издательский отдел.

185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50

NORGE

LAPP

SVERIGE

LAPP

+ FINNISH

Gulf of Bothnia

SU
FI

FINN

STOKHOLM

TURKU

HELSINKI

Gulf of Finland

TALLINN

ESTONIAN

EESTI

LIVONIAN

Rižskij
Zaliv

+ LIVONIAN

RIGA

LATVIJA

PSKOV

Baltic Sea

LININGRAD

Nemunas

Daugava

Velikaja